

ПЯТАЯ САЛЛИ

18+

ДЭНИЕЛ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
ОТ СОЗДАТЕЛЯ БИЛЛИ МИЛЛИГАНА
И ЧАРЛИ ГОРДОНА.

КИЗ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР · ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Annotation

«Пятая Салли», написанная за два года до знаменитой «Таинственной истории Билли Миллигана», рассказывает историю Салли Портер – официантки из нью-йоркского ресторана. На первый взгляд это обычная, ничем не примечательная женщина. Но, неведомые для Салли, в ней скрываются еще четыре женщины. Нола – холодная интеллектуалка-художница, Дерри – неунывающая сорвиголова, Белла – сексуально озабоченная несостоявшаяся актриса и певица и, наконец, Джинкс – переполненная злобой и ненавистью потенциальная убийца. Перед психиатром Роджером Эшем стоит непростая задача: посредством слияния четырех разных личностей создать «пятую Салли».

- [Дэниел Киз](#)
  -
  -
  - [Часть первая](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
  - [Часть третья](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
  - [Часть четвертая](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
  - [Часть пятая](#)
    - [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

Дэниел Киз

Пятая Салли

© Фокина Ю., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Посвящается моим дочерям, Хиллари и Лесли, и
моей жене, Аурее, поддерживающим меня во всех
начинаниях.*

*Автор изучил множество случаев психического расстройства,
описанного в настоящей книге, и пришел к выводу, что это расстройство
вызывают схожие события, пережитые пациентом в раннем детстве.*

*Автор просит учесть: хотя исследования в данной области создали
базу для его произведения, история является чистым вымыслом.*

*Читателю не следует искать аналогий с реальными лицами и
событиями.*

Часть первая

Глава 1

Привет, я Дерри. Так вышло, что мне поручено писать обо всех этих событиях, потому что только я одна в курсе, что случилось со всеми нами, и вообще, должен же кто-то вести записи, а то в нашей истории черт ногу сломит.

Сразу говорю: это была не моя затея. Не мне взбрело выйти из дому в тот апрельский вечер. Я бы в жизни не полезла на улицу в такую мокрятину. Просто Нола начиталась, как всегда, греческих трагедий и от них окончательно раскисла. Принялась вспоминать детство, как она отдыхала на пляже, и захотела снова увидеть океан. Подземкой добралась с Манхэттена до Кони-Айленда, оттуда пошла пешком. На улицах, конечно, никогошеньки, все успели распределиться по барам, казино и прочим заведениям. Между Нептун-авеню и Мермейд-авеню Ноле попадались одни бомжи, да и тех было три с половиной человека: копошатся на асфальте, жмутся к парадным дверям. Ноле, понятно, от их газетных козырьков только тошнее сделалось. Стало казаться, будто само время застыло, ждет летнюю веселую толпу. А пока лето не наступило, пока апрельская морось долбит мозг, Кони-Айленд, конечно, самое что ни на есть заброшенное, тусклое место на Земле.

Тут, правда, Нола вспомнила про один бар, «У Натана»; он круглый год открыт. Этаким оазис в сырой и зябкой пустыне. Туда-то она и направилась. В самом баре народу не было, но на террасе, под маркизой, несколько человек согревались кофейком из пластиковых чашечек, жареной картошкой ну и, конечно, «самыми знаменитыми в мире хот-догами» – куда ж без них? Не будь я на диете, тоже заказала бы сочный хот-дог, да с горчицей, да с капусткой квашеной. Потому что в дождливый вечер самое милое дело – впиться зубами в хот-дожье сочное тело. А Нола не соблазнилась. Ей хотелось поскорее к океану. Она постояла, глянула на часы, зафиксировала в памяти время. 10.45.

Но вот кого Нола не зафиксировала, так это троих парней в драных джинсах и клепаных куртках. Парни по очереди отхлебывали из бутылки, и было им довольно скучно. А тут Нола появляется в луче света, топает по аллее, и все мысли у нее – о пляжном сезоне двадцатилетней давности, как она строила песчаные замки, а потом лезла в воду, обмыться.

И вот Нола ступает на дощатый настил, и в ноздри ей бьет запах мокрого песка. Она сразу же скидывает туфли, дальше идет босиком, песок

пальцы щекочет. Я-то знаю: на досуге Нола тешится мыслью погибнуть в море. Желательно – не в простом, а в гомеровском, в «винноцветном»^[1]. К нему-то Нола и топает, а оно – просто черное под дождем в темноте. Нола сорвала пластиковую шляпу от дождя, швырнула на песок. Песок, заметьте, был совсем не гомеровский, а загаженный. Загаженный, заплеванной, усеянный использованными презервативами. Их волны выбросили, будто не хлам, а послания из иного времени. Нола сбилась с мысли о высоком, стала думать про презервативы. Потом она принялась думать, а почему она думает про презервативы, будучи девственницей, которая собралась оборвать нить своей жизни? И не оставить ли ей тоже какое-нибудь послание, не сообщить ли всем, что расщепленная жизнь ее замучила и что утонуть лучше, чем вены себе порезать?

От таких мыслей у Нола заболела голова. Захотелось раздеться донага, и она сорвала блузку, сорвала юбку, подставила тело дождю. Прибой зазывно мурлыкал, Нола шагала по пустынному пляжу, расшвыривая одежду. Ноги перестали вязнуть, потому что она вступила в полосу прибоя, где песок плотный, и вскоре почувствовала пятками жирную грязь мягкой текстуры. Вода пузырилась между пальцев, отступая, тащила за собой и грязь. Образовывались маленькие канальчики. Нола взглянула на часы с подсветкой. Зафиксировала время.

11.23.

Вода была теплее, чем воздух, ноги согрелись, а все остальное, наоборот, заоченело. Наверное, думала Нола, Сократ, когда выпил цикуту, почувствовал прямо противоположное – у него ноги начали наливаться каменным холодом.

А голова между тем болела. Тоже, нашла время!.. Боль зарождалась в шее, Нола ей сопротивлялась. Кто-то внутри вопил «нет», «нет», «нет»; кто-то сражался с Нолой.

Теплая вода омыла ей колени, затем – бедра. Нола сделала еще несколько шагов вперед. Помедлила, позволив океану трогать себя *там*. Скоро, очень скоро она будет в руках Божьих. Чем она хуже Афины, рожденной взрослой женщиной из Зевсовой головы? Ласки океана стали интенсивнее. Нола вздрогнула и сделала еще шаг. Обнаружила занятную вещь: когда смотришь смерти в глаза, центром вселенной становится твой собственный пупок.

Каково это – дышать соленой водой? А вдруг Нола на самом деле – русалка; вдруг она не утонет, но очутится в подводном царстве, обретет рыбий хвост и сможет плавать во владениях Посейдона вместе с капитаном Немо и?.. Эх, так и не удосужилась дочитать «Моби Дика»! Вдруг не

дочитывать книги – это грех и Нола обречена торчать в чистилище, томясь от незнания, чем все завершится? Или ей уготована другая кара – до скончания времен барахтаться среди бесчисленных страниц, запутываться в саргассах недочитанных историй?

Океан нежно пощипывал губами ее соски. Будто инкуб, подумала Нола. Зашла в воду по шею. Стало тепло, захотелось спать. Нола медленно погружалась.

На берегу кто-то надрывался:

– Вон она! В воде! Хватай ее!

Нола оглянулась. К ней по пляжу бежали трое.

– Не трогайте меня! – крикнула Нола.

Трое попрыгали в воду. Нола нырнула, попыталась дышать водой. Голова закружилась, и Нола вынырнула, отплевываясь и сморкаясь. Ее схватили за волосы, за руки, поволокли на берег. Она кашляла, хрипела, умоляла: «Господи, дай мне умереть! Ну пожалуйста!»

Нола думала, сейчас ей сделают искусственное дыхание. Только этого не хватало! Она попыталась подняться на ноги. Но «спасители» затащили Нолу под деревянный настил, и один из них расстегнул ширинку. Другой, тот, что удерживал правую руку Нолы, возмутился:

– Сначала я!

– Фигу, – отрезал тот, что расстегнул ширинку. – Я ее первый увидел. Твоя очередь – после меня. А ты третьим будешь.

– А чего это как я, так третьим?

Нола поняла: ее спасли вовсе не из человеколюбия.

– Не надо! – выдохнула она. – Пожалуйста, отпустите меня!

Третий осклабился.

– Ты все равно себя рыбам скормить собиралась. Давай мы с тобой малость развлечемся, а потом, так и быть, бросим тебя обратно в воду. Лады? Хороший трах даже перед смертью не повредит.

– Вот-вот, – подхватил второй. – Успеешь еще утонуть.

Мигрень никуда не делась. Наоборот, усилилась. Нола не желала поддаваться. Ей случалось выкарабкиваться из всяких переплетов. Выкарабкается она и сейчас. Эти трое не блещут интеллектом – она легко их проведет.

Второй и третий растянули ей руки и ноги, первый собирался приступить к делу.

– Ребята, зачем заниматься сексом на песке? Здесь холодно и мокро. А я живу недалеко. Пойдемте ко мне, – заговорила Нола. – Выпьем вина. У меня есть отличный сыр. Чеддер. Настоящий, выдержанный. Можно

музыку включить...

Первый впился губами ей в губы. От него разило перегаром. Нола принялась извиваться под ним.

– Вроде как с аллигатором борешься, да? – предположил третий.

– Надо было нам дожждаться, пока она захлебнется, – пожалел второй.

– Помогите! – кричала Нола. – Люди! Кто-нибудь!

На этом слове она вырубилась.

Джинкс мигом поняла, что происходит. Она – мокрая и голая, распята парой гопников, третий гопник, без штанов, лежит сверху.

– Какого черта! Кто меня сюда притащил?

– Полежи спокойно хоть полминуты, – со смехом сказал бесштаный. – Вот увидишь, тебе самой понравится.

– Ах ты сукин сын! Отвали, урод!

Джинкс извивалась, дергалась влево и вправо. Ей удалось резко повернуть голову и вцепиться зубами в руку третьего. Челюсти щелкнули, точно капкан. Третий взвыл и разжал пальцы, Джинкс освобожденной рукой схватила первого за яйца и стиснула, вонзив ногти в плоть. Тот выгнул от боли спину и потерял сознание.

Второй от изумления сам отпустил ее и теперь пятился, будто краб. Джинкс, еще лежа, швырнула ему в глаза горсть песка, вскочила и набросилась на него.

Она его царапала и пинала, потом вцепилась зубами ему в плечо, ощутила вкус крови. Он вырвался и побежал. Третий за это время успел смыться. Первый еще валялся без сознания. Джинкс ударила его кулаком в лицо, расквасив нос, и стала озираться в поисках острой щепки, а лучше – консервной банки. Она кастрирует этого мерзавца, он сдохнет от болевого шока, и чайки насытятся его гнилым мясом.

Послышался шорох автомобильных шин. Сквозь щели между досками настила мелькали красные «габаритки», мигалка распространяла синий свет. Копы! Только их тут не хватало! Меньше всего Джинкс улыбалось сейчас проследовать с копами в участок, проторчать там до утра, отвечая на дебилские вопросы: «Вы их спровоцировали, не так ли?», «Вы сами позволили им взять вас?», «Что вы делали в такое время на пляже, да еще голая?», «Вы просили у них денег, да?», «Вам уже случалось иметь сексуальные контакты с незнакомцами?».

Джинкс подавила желание дожждаться, пока копы выйдут из машины, самой запрыгнуть на водительское сиденье, рвануть с пляжа и пуститься по темным улицам. Нет, сейчас лучше затаиться. Что обидно, так всегда и бывает. Кто-то лезет на рожон, впутывается в историю, из которой заведомо

не сможет выпутаться, а Джинкс вынуждена все улаживать. Над ней раздались шаги, заплясали пятна фонариков. Вот копам и занятие до конца смены – устанавливать личность незадачливого насильника.

* * *

Салли очнулась в больнице Кони-Айленда. Что было ночью, она не помнила. Ей с материнской нежностью улыбалась тучная медсестра. Но Салли давно усвоила: после «провала» нельзя говорить минимум до тех пор, пока не выяснишь, который сейчас час и какое нынче число. Может, ничего особенного не случилось; незачем людям знать про ее «особенности». Салли быстро нашла глазами стенные часы. 9.53.

Медсестра смотрела выжидательно. Вот сейчас пациентка спросит: «Где я?» или «Что случилось?». Но Салли помалкивала. На бейджике прочла фамилию медсестры: Ванелли.

– Вы понимаете, где находитесь? – наконец не выдержала Ванелли. Улыбка у нее была точно сладкой патокой нарисованная, а неожиданный фальцет резанул Салли по ушам.

Салли нахмурилась.

– Что тут непонятного?

– Вас чуть не изнасиловали, но сами вы, судя по всему, лично расправились с насильниками. Вы, наверное, еще переживаете это происшествие.

– Ну да, конечно. Переживаю.

– Вы помните подробности?

– Почему бы мне их не помнить? – Салли стиснула под одеялом кулаки. Страх и гнев она тоже давно научилась прятать.

– Потому что полиция обнаружила вас в глубоком обмороке.

Салли отвела взгляд. Слава богу!

– Раз так, вряд ли я могу что-нибудь помнить, верно? Человек в обмороке ничего не помнит. Это нормально.

– Я должна записать ваши данные, – произнесла Ванелли, вынимая ручку из кармана и открывая блокнот на чистой странице. – Ваше имя? Ваш адрес?

– Салли Портер, Западная шестьдесят шестая улица, 628.

Брови медсестры взлетели. Она явно хотела спросить, что делала Салли так далеко от дома, под настилом на Кони-Айленде. Однако Ванелли снова улыбнулась и задала совсем другой вопрос:

– У вас есть близкие? Муж? Родители?
– Я год назад развелась. Бывший муж назначен опекуном моих детей. Они близнецы, им по десять лет. Родителей нет.

– Место работы?

– Я не работаю. Временно. Как раз собиралась устроиться на работу.

– Медицинская страховка у вас есть?

Салли покачала головой.

– Пришлите мне счет. Я заплачу. Получаю от мужа алименты.

– Врач сказал, вы в порядке. Можете собираться домой.

Ванелли захлопнула блокнот и спрятала ручку обратно в карман.

– Мне нужна консультация, – сказала Салли. – У психиатра. Или у психолога? Я их путаю.

– Психиатр – это врач, – принялась объяснять медсестра. Брови у нее снова взлетели. – Зачем вам консультация?

Салли вздохнула, откинувшись на подушке.

– Я три раза пыталась покончить с собой. Три раза – за один месяц! Что-то заставляет меня делать... всякие вещи. Пожалуйста, помогите мне, пока я не рехнулась.

Ванелли снова раскрыла блокнот, не спеша достала ручку, щелкнула стержнем, что-то черкнула и не произнесла, а проскрежетала:

– В таком случае я запишу вас на прием к нашему психиатрическому социальному работнику.

Полчаса спустя Ванелли вернулась с креслом-каталкой, усадила Салли и вместе с ней поднялась на лифте на пятый этаж. Дальше путь лежал длинным коридором, в конце которого и находился искомый кабинет. На табличке значилось «Миссис Берчуэлл».

– Оставляю Салли с вами, – сказала Ванелли и положила на стол медкарту. – Салли Портер находилась в отделении неотложной помощи.

Миссис Берчуэлл на вид было лет шестьдесят. Миниатюрная, точно птичка, в очках-ромбах, с подсиненными седыми волосами, миссис Берчуэлл произвела на Салли странное впечатление: казалось, она упорхнет, если услышит что-нибудь шокирующее.

– Для начала расскажите о себе. Сколько вам лет? – спросила миссис Берчуэлл.

– Двадцать девять. Я разведена. Образование – средняя школа. Двое детей – близнецы, мальчик и девочка. Опекуном назначен их отец, мой бывший муж.

Салли столько раз повторяла эти слова, что теперь они казались ей записью на автоответчике. Вот сейчас миссис Берчуэлл поинтересуется,

почему опекунство над детьми отдано отцу, а не матери.

– Мне нужна помощь, – сказала Салли. – Мне нужно поговорить с кем-нибудь. Про то, что я чувствую.

Миссис Берчуэлл взглянула на первую запись в медкарте и нахмурилась.

– Прежде чем мы начнем, Салли, вы должны понять: суицид – не решение проблем. У меня есть специальный документ. Распишитесь вот здесь. Это значит, что вы обещаете не пытаться свести счеты с жизнью в период работы со мной или с другим врачом, которого я вам порекомендую.

– Я не могу это подписать.

– Почему?

– Вдруг я не сдержу обещания? По-моему, я не контролирую... не все контролирую, что со мной происходит.

Миссис Берчуэлл отложила карандаш и уставилась Салли в глаза.

– Поясните, пожалуйста.

Салли стиснула руки.

– Я знаю, это глупо звучит... то есть не глупо, а будто я чокнутая. Просто мне кажется, что во мне что-то сидит. Что-то или кто-то делает разные вещи, а потом я получаюсь виновата.

Миссис Берчуэлл откинулась на спинку стула, постучала карандашом по столешнице, снова подалась вперед и черкнула пару слов в блокноте. Затем вырвала эту страницу и вручила Салли.

– Здесь фамилия и адрес психиатра, который работает в Мидтаунской клинике психического здоровья. Это на Манхэттене. Также у него частная практика. Правда, он не берет пациентов, склонных к суициду, но вашим случаем, возможно, заинтересуется, поскольку вы говорите о чувствах, вам неподконтрольных.

Салли прочла запись: «Роджер Эш, доктор медицины».

– Думаете, я сумасшедшая?

– Я этого не говорила. Ваш случай – специфический, он требует особых знаний, которых у меня нет. Вам нужен врач другой квалификации.

Салли кивнула.

– Я позвоню доктору Эшу и расскажу ему про ваш случай. Но сначала вы все-таки подпишете антисуицидальный контракт, – сказала миссис Берчуэлл.

Салли взяла ручку и медленно вывела: «Салли Портер». Я не сдержалась – выскользнула и добавила свое имя: «Дерри Холл». Миссис Берчуэлл притворилась, будто ничего не заметила, однако глаза-то у нее

округлились, чуть из орбит не выскочили. Она сразу же поднялась, и Салли поняла: миссис Берчуэлл таки упорхнула.

Салли вышла из больницы, два квартала прошагала пешком до станции «Брайтон-Бич Лайн». Всю дорогу она отчаянно пыталась вспомнить, как угодила в больницу, но, конечно, ничего у нее не получилось. Так и протрепыхалась до самого Манхэттена, чудом не сорвалась.

Еще через час она вышла на Семьдесят второй улице, села в автобус до Десятой авеню и оттуда до самого дома, то есть целых шесть кварталов, топала пешком. Уже почти стемнело, и Салли, крепко прижимая к боку сумочку, боязливо озиралась. Шаги сами собой ускорились, когда впереди замаячил дом из песчаника. Салли обрадовалась, увидев, что в ателье мистера Гринберга еще толкуются клиенты. Она всегда старалась вернуться домой прежде, чем мистер Гринберг закроется на ночь, даром что он щуплый и ледащий, и ему семьдесят пять стукнуло. Салли почему-то чувствовала себя защищенной, если знала, что мистер Гринберг еще работает.

Она взбежала на третий этаж, внимательно осмотрела дверь на предмет взлома и отперла замок. В квартире проверила все четыре комнаты, заглянула в туалет, в шкафы, поискала под кроватью, подергала оконные шпингалеты. Убедившись, что посторонних в доме нет, заперла входную дверь на три замка, да еще и на задвижку и почти упала на кровать.

Завтра мне помогут, думала Салли. Психиатр уж, наверное, знает, что делать. Ему она все расскажет, все-все.

Вообще-то, у меня на завтра был запланирован шопинг. Но я решила пока не высовываться. Меня разбирало любопытство. Честное слово, это поинтереснее триллера будет – послушать, как Салли станет говорить с психиатром, как объяснит наличие всех нас.

Глава 2

В кабинет доктора Эша на пересечении Пятьдесят седьмой улицы с Лексингтон-авеню Салли вошла в своем любимом платье с цветочным принтом. Длинные темные волосы она заплела в две косы и уложила короной (слизнула прическу у своей бабушки-польки с блеклого фото). Я бы лично надела белокурый парик.

В приемной она сидела, сложив руки на коленях. Так обычно ждут начала церковной службы. Наконец медсестра провела ее к доктору, и Салли испугалась, увидев, что он хорош собой. А я сразу запала на Роджера Эша. Типичный альфа-самец, полностью в моем вкусе. Чуть за сорок, стройный, мускулистый, подтянутый. В колледже наверняка играл в баскетбольной команде. Волосы темные, волнистые, вихор то и дело падает на глаза. Но особенно мне понравились брови. Тоже темные, густые, над переносицей почти сходятся. Этаким серьезный вид. Мне вообще по вкусу зрелые, состоявшиеся мужчины. Доктор Эш с первой минуты мог полностью рассчитывать на мое содействие.

Я изо всех сил старалась выбраться и поговорить с ним вместо Салли, но она постоянно терла себе шею сзади, там, где я своими поползновениями вызывала у нее мигрень. Вот же какая упрямая! Мучается, а позиций не сдает. А главное, сама-то все равно не смеет открыться перед Роджером. Что называется, ни себе, ни людям. По лицу Роджера Эша я понимала: Салли на него не производит ни малейшего впечатления. Он смотрел спокойно, с профессиональным вниманием. Взгляд темных, глубоко посаженных глаз не искрил. Так вообще-то на Салли смотрят практически все мужчины. Тусклая она, никого не может заинтересовать. Типичная моль. Я перестала нервничать, сказала себе: «Дерри, расслабься, пробьет и твой час. Салли сдастся, и ты выйдешь наружу, жди».

– Мне о вас рассказала миссис Берчуэлл, – сообщил Роджер Эш. – Я очень рад нашему знакомству, Салли. Можно называть вас просто Салли?

Отличный голос у Роджера Эша. Глубокий, интонации продуманные, как у диктора теленовостей.

Салли кивнула и уставилась в пол – а я хотела смотреть Роджеру Эшу в глаза!

– Я вам помогу, Салли. Ну, не стесняйтесь, расскажите, что вас мучает. Салли пожала плечами.

– Вас наверняка что-то мучает, Салли. Сестре Ванелли вы сообщили, что только за последний месяц трижды пытались свести счеты с жизнью. Кроме того, вы говорили о неких силах, заставляющих вас совершать разные поступки.

– Только не думайте, что я сумасшедшая.

– Я так не думаю. У меня нет для этого никаких оснований. Но если вам нужна моя помощь, вы должны рассказать о своих проблемах. Итак, что вас мучает?

– Провалы.

– Что вы имеете в виду?

Салли содрогнулась всем телом. Ей и не снилось раскрывать свой секрет кому бы то ни было. Однако сейчас ей в мозг кто-то вколачивал: «Доверься Роджеру Эшу. Пора все рассказать. Пора попросить помощи».

– Я понимаю, это странно, – начала Салли. – Просто, когда ко мне пристают... пристаю мужчины, или когда какая-то опасность, или мне нужно сделать что-то неприятное, начинает болеть голова, а потом я как бы просыпаюсь, глядь – а время уже прошло, и я в каком-то месте, а сначала-то я была в другом месте, ну и вот...

– А что вы сами об этом думаете? Как объясняете для себя такую странность?

– Когда я была маленькая, я думала, все люди такие. Потому что видишь – кто-то выходит из комнаты сердитый, а потом заходит – и уже улыбается. Или наоборот. Или сначала двое дружат, и вдруг один злится на второго. Я думала, люди просто теряют сознание. Я думала, у них провалы, как у меня. Потом я поняла: у остальных провалов нету. А еще самоубийства. Я боюсь. Со мной что-то не в порядке, доктор. Я ничего не понимаю. Это ужас.

– Успокойтесь, Салли. Расскажите мне о вашем прошлом. Чем подробнее будете рассказывать, тем лучше.

Салли запаниковала. С ней всегда так, когда нужно говорить о себе самой. Она сделала пару глубоких вдохов и начала скороговоркой:

– Мне двадцать девять. Братьев и сестер нет. Разведена. Я вышла за Ларри через год после школы, только чтобы отчима больше не видеть. Мой родной отец – его зовут Оскар, он был почтальоном – исчез. Давно уже. Просто не вернулся домой. А через полгода Фред женился на моей матери. У меня никогда не было друзей. Даже в детстве.

Тут Салли остановилась перевести дух. Роджер Эш ей улыбнулся.

– Нам некуда спешить, Салли. Рассказывайте помедленнее. Ничего не упускайте. Расскажите о своей матери.

Салли потупилась.

– Если я сердилась или упрямилась, она меня била. Когда мы с Ларри поженились и я ушла из дома – мне было девятнадцать, – мать порезала вены. Я, как узнала, не поверила. Она же была католичкой. А Фред – баптист.

– А вы верите в бога, Салли?

– Я больше не хожу в церковь. Я запуталась в религии. И в другом тоже запуталась.

– Расскажите о своем бывшем муже.

– Ларри – продавец. Одежду продает. У него хорошо получается, потому что он врать умеет. А как он судье врал про меня! Будто я неделями дома не бывала. Будто я агрессивная и злая, будто я вынесла из дому пять тысяч долларов – наши сбережения, – помчалась в Атлантик-Сити и все проиграла в рулетку. Он врал, чтобы получить опекунство. Судья поверил и отдал ему близнецов. А Ларри все мало. В прошлом месяце он опять пришел в суд и наговорил на меня – будто я ему по ночам названиваю и грожусь его убить, и детей тоже. Представляете? И будто я стриптизершей работаю в ночном клубе. Я и правда там работала, только не стриптизершей, а официанткой. В одежде! Причем не из-за денег. В смысле, я бы могла и на одни алименты жить. Просто мне надо чем-то заниматься. Но судья снова поверил Ларри, и вот теперь мне нельзя даже навещать близнецов!

Салли вдруг поняла, что на последней фразе повысила голос. Она тут же закрыла себе рот обеими руками.

– Ой. Простите. Простите, доктор.

– Все нормально, Салли. Нет ничего дурного в том, чтобы выражать свои эмоции.

– Я никогда не кричу.

– Вы и сейчас не кричали.

Салли заморгала.

– Правда? А мне казалось – кричала. В голове, понимаете?

– Что ж, – заговорил доктор Эш, – думаю, на сегодня историй о прошлом достаточно. Теперь я вижу, какую боль вызывают у вас воспоминания. Значит, будем углубляться в прошлое постепенно.

Если б только Салли меня выпустила, я бы Роджеру Эшу все-все рассказала. Вот ведь дуреха. Самой же легче было бы. Я снова попыталась высвободиться, однако Салли, оказывается, не теряла бдительности. Наверное, уже мускулы себе на затылке накачала, так сопротивлялась. В общем, я сообразила: буду продолжать – с ней от напряжения судороги

сделаются. Ладно, оставлю ее в покое. Все равно настанет и мое время. Рано или поздно доктор Роджер Эш столкнется со мной.

– Какая у меня болезнь, доктор?

– Нам еще предстоит поставить диагноз, Салли. Сегодня я предложу вам несколько тестов и осмотрю вас, а завтра приходите ко мне в клинику психического здоровья. Проведем интервью с помощью одного лекарства. Его еще называют сывороткой правды.

– Мне это не нужно. Я не лгунья.

– Разумеется, вы не лгунья. Дело совсем в другом. Оно расслабит вас и позволит нам с вами глубже проникнуть в ваши мысли и чувства. Мы ломаем барьеры, понимаете? Те самые барьеры, которые не дают найти причину ваших проблем.

– Я хочу стать нормальной, доктор. Я хочу жить так, чтоб не смотреть поминутно на часы, чтоб не бояться. Я теряю время. То пять минут, то час, то день. Куда оно девается? Вы не представляете, какой это кошмар, когда не знаешь, где была и что делала. Вы должны мне помочь, доктор.

– Я попытаюсь, Салли. Только вы обещайте, что не нарушите контракт. Тот самый контракт, который подписали с миссис Берчуэлл. – Он взял папку и покачал головой. – Наверняка миссис Берчуэлл сказала вам, что я, как правило, не беру пациентов, которые пытались покончить с собой. Я заинтересовался вашим случаем, узнав о провалах во времени и об ощущении внутреннего давления. У меня еще не было пациентов с такими расстройствами. Я хочу вам помочь. А вы должны обещать, что не причините себе вреда.

– Я попробую, – сквозь слезы вымучила Салли.

– Пробовать – недостаточно, – изрек Эш, прижимая папку к столу пальцем. – Я настаиваю на том, чтобы вы дали серьезное, настоящее обещание.

– Ладно. Я обещаю не вредить себе.

Эх, жаль, Салли не спросила, почему доктор Эш не берется за пациентов с суицидальными наклонностями. Что касается обещания, оно совершенно бесполезно. Это ведь не Салли хотела умереть, а Нола. Для себя я решила приглядывать за Нолой – по крайней мере, до тех пор, пока не пойму, что именно предпримет Роджер Эш.

* * *

Салли после приема здорово озадачилась, если не сказать

перепугалась. Взяла такси, поехала прямо домой. Хотела уже дверь парадного открыть, но тут ей из окна ателье помахал мистер Гринберг – тщедушный, как засушенный сверчок, вдобавок ужасно сутулый. Из-за сутулости складывалось впечатление, что мистер Гринберг застыл в подобострастном поклоне.

Салли сначала подумала, что он машет кому-то другому. Однако мистер Гринберг доковылял до двери и окликнул ее:

– Мисс Портер, вы свою одежду забирать думаете, а? Я говорю, одежда ваша давно готова, так вы забирать-то ее думаете?

– Одежда? Готова? А я разве заказывала...

Салли пошла за мистером Гринбергом, но в дверях вздрогнула, заметив мужскую фигуру. Это оказался манекен в полицейской форме и при полной экипировке – тут и фуражка, и значок, и дубинка, и весь комплект.

Салли хихикнула.

– В первую секунду я подумала, что полицейский настоящий.

Гринберг по-птичьи повернул голову вбок и вверх (разогнуться он не мог).

– А, это мой Мерфи. Купил по случаю. Красавчик! Верно, мисс Портер? На ночь буду ставить его в витрину, чтоб хулиганье всякое отпугивать. Меня ведь, мисс Портер, уж четыре раза грабили. Я говорю, четыре раза грабили меня, костюмы готовые уносили. Что за жизнь пошла, мисс Портер!

– Какая же польза от манекена? – удивилась Салли.

Гринберг «листал» костюмы и платья на плечиках, брал некоторые из них и складывал на стол, приговаривая:

– От манекена, конечно, пользы никакой. Вся польза – от полицейской формы. Психологический эффект называется. Взглянет хулиган на моего Мерфи, сробеет и, даст бог, пойдет другое что-нибудь грабить.

– Почему вы называете его Мерфи?

Гринберг пожал плечами.

– Так он лучше поладит с другими копами, чем если назвать его Коэн. Я говорю, Мерфи лучше, чем Коэн.

И мистер Гринберг подвинул ворох одежды к Салли.

– Вот. С вас восемнадцать долларов девяносто восемь центов.

Салли увидела ярко-красное платье, черный мужской костюм-двойку, синее платье-футляр и пролепетала:

– Это не мое.

Гринберг вскинул брови.

– Как так? У меня и квитанции есть. Три штуки. На всех написано: «Портер, Западная шестьдесят шестая, 628».

Салли рассматривала квитанции, стараясь не выдать замешательства. Ей и раньше случалось обнаруживать в шкафу одежду, бог весть откуда там взявшуюся. По крайней мере, она не помнила, как покупала ту или иную вещь. И всегда имелись либо чеки из магазинов, либо отметки в кредитной карте. Но в ателье она ничего не заказывала. Впрочем, мистер Гринберг про ее провалы знать не должен.

– Поглядеть – этакая скромница, – продолжал Гринберг. – А кто заставил меня прямо на вас подшивать подол вот этого платья, красного? Нехорошо, мисс Портер, так дразнить человека, который в дедушки вам годится. Я говорю, нехорошо, потому что в дедушки вам гождусь. А уж синее платье вы заказывали в другом настроении, не игривом. Потому я и запомнил. И когда я костюмчик вот этот вам ушивал, вы себя пристойно вели. А вот что вы забыли в кармане. – Старик указал на миниатюрный пластиковый пакетик, прищипленный к костюму. В нем поблескивала серебряная брошь в виде летучей рыбки. – Ваша брошка?

Он улыбнулся, щелкнув вставной челюстью.

– Если вам когда захочется, чтоб я на вас платье подшил, – я к вашим услугам. Исполню с превеликим удовольствием. Я говорю, с превеликим удовольствием исполню.

Салли ничего не помнила – ни про красное платье, ни про синее, ни про мужской костюм. Поспешно оплатив счет, она ринулась прочь из ателье, чуть не завалив бессловесного Мерфи, понеслась с вещами в свою квартиру. Салли была настолько выбита из колеи, что сунулась к двери на втором этаже, решив, что уже добежала до третьего. Увидев, что над дверью нет таблички с ее именем, она попятилась и почти взлетела на свой этаж.

Как обычно, она сначала проверила замок – нет ли следов от отмычки. Отперла тяжеленную металлическую дверь, шмыгнула в квартиру. Заперлась изнутри. Что делать с вещами, она не представляла. Сначала долго на них смотрела, надеясь пробудить память. Бесполезно. Тогда Салли повесила платье и костюм на плечики и задвинула поглубже в шкаф, чтоб глаза не мозолили. Скоро все объяснится – и как ее фамилия оказалась на квитанциях, и с какой потаскушкой спутал ее подслеповатый мистер Гринберг. Конечно, он просто обознался. Со стариками это бывает.

Салли разулась, аккуратно уложила туфли в пакет, аккуратно повесила платье на плечики, постирала колготки. Сунула в духовку «быстрый ужин» – запеканку с курятиной глубокой заморозки, а на десерт

приговорила упаковку «Твинки»^[2]. После еды, даром что квартира сияла чистотой, Салли протерла пыль и пропылесосила ковер в гостиной, а в спальне поменяла местами плюшевых зверей, занимавших полкровать.

Салли не понимала, почему в восемь вечера чувствует себя такой усталой. По утрам она просыпается совершенно разбитая и днем еле-еле тянет лямку, будто ночь напролет вкалывала. Завтра она найдет работу. Нужно сделать над собой усилие, найти во что бы то ни стало. Одних алиментов на психиатра не хватит. Салли стала прикидывать, чем могла бы зарабатывать на жизнь, но разевалась. Ничего, подумает об этом утром. Она приняла душ и вымыла голову, затем выпила стакан теплого молока и легла в постель с детективным романом. Впрочем, сон сморил ее, едва чистая голова коснулась подушки.

Салли, в числе прочего, понятия не имела и о моих привычках. Я лично люблю полуночничать у телевизора. «Эй-би-си» всю неделю показывает фильмы с Хамфри Богартом, сегодня – «Африканская королева»^[3]. Могу я такое пропустить? Нет, конечно. Едва Салли отключилась, я вышла, приготовила себе попкорн и устроилась в кресле – млеть от симпатяги Богарта и красотки Кэтрин Хепберн. Обожаю старое кино.

Утром Салли проснулась в кресле перед телевизором. Запаниковала, естественно. Позвонила в справочную – узнать, какое нынче число; немного успокоилась, поняв, что день не потерян.

Салли позавтракала кофе с кексом. Пора было приниматься за поиски работы. С чего начать, она не знала. Может, наняться управлять каким-нибудь автоматом, вроде того, последнего по времени, когда Салли день-деньской прищлепывала к шуруповертам пластиковые рукоятки?

Лично мне такое занятие не улыбалось. Бубнить в голове Салли я давно перестала – заметила, что от этого она совсем дуреет со страху. Но я заметила и другое – если напряженно о чем-то думать, мысль передается Салли. И вот я сосредоточилась на объявлении, которое видела на днях, когда бегала трусой. «В ресторан «Дорога из желтого кирпича» требуется официантка». «В ресторан «Дорога из желтого кирпича» требуется официантка»... Из названия ресторана Салли уловила слово «желтый» и взялась листать «Желтые страницы». Ладно хоть с цветом промашки не вышло. Затем Салли стала методично обзванивать рестораны, начиная с буквы «А». Этак мы с ней до ночи провозимся. Я удвоила усилия, но лишь смутила Салли. Наконец я не выдержала и крикнула:

– Опытная официантка нужна в «Дороге из желтого кирпича»!!!

Салли от неожиданности выронила телефонную трубку и даже не сразу сообразила поднять ее с пола. Затем подняла, приложила к уху и несколько раз произнесла «алло», полагая, что насчет «Дороги» ей сообщили из телефона. В ответ слышались короткие гудки. Но в целом подействовало, потому что Салли быстро долистала до буквы «Д» и почти сразу заметила нужный ресторан – хвала Господу, владелец не пожалел денег на то, чтобы выделить название особо крупным шрифтом: «ДОРОГА ИЗ ЖЕЛТОГО КИРПИЧА». КАФЕ, РЕСТОРАН, КАЖДЫЙ ВЕЧЕР ЖИВАЯ МУЗЫКА И САМЫЕ ИЗЫСКАННЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ». Салли позвонила, трубку взял некто Тодд Крамер, назвался одним из партнеров и пригласил ее на собеседование.

Салли заглянула в платяной шкаф, прикидывая, что бы такое надеть. Я направляла ее выбор на коричневый брючный костюм Нолы или на мое синее платье. Но Салли напялила свои собственные юбку и жакет – шерстяные, в гусиную лапку, – и я сдалась. Честное слово, эта женщина безнадежна.

* * *

Над двойной стеклянной дверью нависал ярко-желтый козырек, Салли шагнула под него и по ковровой дорожке с принтом в виде желтых кирпичей проследовала вниз по ступеням, длинным коридором, мимо дверей с надписями «Жевуны» и «Жевуныи». Ковровая дорожка заканчивалась принтом в виде спирали перед баром «Изумрудный город», где жирный бармен протирал бокалы. Светильник горел только над дальним столом, за танцполом. Там играли в карты.

Обстановка была такая шикарная, что Салли совсем оробела.

– Кого ищем, леди? – поинтересовался бармен.

– У меня назначено. Собеседование. По поводу работы. С мистером Тоддом Крамером.

Бармен махнул тряпкой в сторону освещенного стола.

– Крамер – там. Блондин.

– Может, лучше подождать, пока он доиграет?

Бармен рассматривал стакан на свет.

– Чтоб Крамер сам игру бросил? Не дождетесь.

Салли настолько боялась отвлекать Крамера, что хотела вовсе убраться, без собеседования. Но все-таки пересилила себя, покрепче вцепилась в сумочку и направилась к столу. Каблуки гулко стучали по

настилу танцпола, и Салли пошла на цыпочках.

Играющие подняли головы. Среди них выделялся блондин с высоким чистым лбом и такими яркими синими глазами, каких Салли в жизни не видывала. Из рта у блондина лихо торчала зубочистка. Он походил на киношного картежника, из тех, что проникают на респектабельные речные суда и облапошивают недалеких богачей. Правда, джинсы и мятая джинсовая рубашка выбивались из образа.

– Вы – мистер Крамер? – пролепетала Салли.

Он поднял глаза над картами, безо всякого интереса оглядел Салли с головы до ног и вернулся к игре.

– Еще пять – мои, – заявил Крамер и сунул в рот сразу несколько зубочисток. Голос у него оказался мягким и низким, чего Салли никак не ожидала.

– Извините, что отвлекаю, – снова заговорила Салли. – Меня зовут Салли Портер. Я сегодня звонила насчет работы. Официанткой. Если вы заняты, я могу прийти попозже...

– Минуту подождите, – скомандовал Крамер. Подался вперед, оглядел стол, расплылся в улыбке. – Три десятки.

– Извини, Тодд, – произнес низенький человечек с тюленьим лицом. – Я малость недоглядел.

И с явным злорадством разворошил кучку зубочисток.

Крамер в ярости швырнул карты, с грохотом отодвинул стул, вскочил. Стул рухнул.

– Чертовы карты! – заорал Крамер. – Две последние игры не считаются! Как минимум две!

И он пошел прочь, на ходу выставив средний палец в адрес игроков. Салли затрусила следом.

– У них карты крапленые, – бурчал Крамер. – Как я сразу не понял!

Они с Салли дошли до бара, где Крамер указал ей на табурет и уселся сам. Салли, и без того перепуганная, теперь совсем растерялась. Уж конечно, она провалит собеседование. Я стала рваться наружу. Обычно Салли до последнего борется с мигренью, но тут она, как всегда перед собеседованием, была чуть жива от страха и сдалась моментально. Правда, успела взглянуть на часы. Старый трюк, помогающий понять, сколько времени длится провал. Салли выучилась фиксировать время, еще когда мы с ней были сопливыми девчонками.

15.45.

Ну наконец-то. Ваш выход, мисс Дерри Холл!

Хмурый Тодд Крамер глядел исподлобья, наклонив голову набок.

Точно в такой же позе он изучал карты.

– Какие проблемы?

– Никаких, – весело отозвалась я. – Здесь нужна официантка, а проворнее и опытнее меня вам никого не найти. По крайней мере, среди кандидаток моложе тридцатника. Я – Злая Вестсайдская Ведьма, тот самый персонаж, которого не хватает вашему заведению.

Я поймала взгляд Крамера, закинула ногу на ногу, сверкнув бедром и улыбкой.

Он сглотнул.

– Ну вы и переключаетесь. То мышь белая, а то вдруг... Будто зажигалкой щелкнули.

– Я и есть зажигалка. Видите ли, я одно время работала фотомоделью. – Вранье, конечно. – Вот и научилась: пока на меня софит не направили – не выделяюсь. Зато уж потом... Кстати, у вас ведь и развлечения заявлены, да? Самые изысканные, так в рекламе сказано. Я, конечно, не Джуди Гарленд^[4], но под настроение могу спеть или станцевать. И я чертовски хороша в мини-юбке.

– Не сомневаюсь.

– Значит, я принята на испытательный срок?

Крамер снова меня оглядел этими своими синими, чуть затуманившимися глазами. Я его заинтересовала.

– Приходите к половине шестого, пообщаетесь с моим партнером. Его зовут Элиот. Если он согласится, вы приняты. В основном вы будете работать с ним. Потому что я в нашем тандеме – молчаливый партнер. У меня другие интересы.

– Например?

Крамер вскинул брови.

– Вам-то что за дело?

– Просто интересно. У меня пыливый ум.

– Что ж. В сезон скачек я до ночи торчу на ипподроме. А в остальное время – я здесь.

– Ой, я тоже обожаю рысаков. А что вы делаете на ипподроме? Для жокея вы крупноваты.

Он хохотнул.

– Один мой приятель занимается организацией особых мероприятий, например политических конференций, а также фандрайзинговыми проектами. Я разрабатываю для него рекламные трюки.

– Должно быть, неплохое развлечение.

– Вообще-то, это работа.

– А можно еще кое-что спросить? Не хочу показаться навязчивой. Просто мне любопытно.

Крамер кивнул.

– Сколько стоят эти зубочистки?

Крамер извлек зубочистку из кармана и сунул в рот.

– Сорок девять центов за коробочку. Мы покупаем их блоками.

– Я имела в виду – в игре. Вы ведь используете зубочистки вместо фишек, я правильно поняла? Так каковы ставки?

– Никаких ставок нет.

– То есть вообще никаких?

Крамер взглянул на меня как бы поверх очков. Которые у него отсутствовали.

– Я больше не играю в карты на деньги, – пояснил он, мусоля зубочистку. – Только для развлечения. Чтобы скоротать время.

– Вы не обиделись, что я спросила?

Он покачал головой. Вид у него по-прежнему был озадаченный, словно он силился и не мог меня раскусить.

– Ждем вас в половине шестого, мисс Портер.

Я решила не выпускать Салли до собеседования с Элиотом, а то она все испортит. Работа у меня практически в кармане – значит, я заслужила пробежку по магазинам. Давненько я не покупала себе платьев. Вкусы Салли раздражали меня несказанно. Вот как она умудряется на добрых два года отставать от моды? В жизни не купит платье правильной длины. Когда ни вырвешься – непременно все вокруг косятся на эти ее отстойные костюмы. Надоело, в конце концов! Я пыталась ее просвещать. Вырезала из «Санди Таймс» несколько фоток с девушками в тренде и даже записку с дельными советами приложила. Но дуреха Салли, когда все это обнаружила, чуть с катушек не съехала.

После собеседования я пошла в «Блумингдейл» и купила подходящий прикид в синих тонах. Это я надену к Элиоту. Еле втиснулась в десятый размер^[5]. Значит, на ужин обойдусь творогом. Из всех нас только я слежу за фигурой, остальные лопают что попало. Мне же приходится за всех отдуваться на пробежках.

* * *

Я вернулась в «Дорогу из желтого кирпича» к половине шестого, когда уже шли вечерние приготовления. В зале включили хрустальный

светильник; он вращался, разбрасывая изумрудно-зеленые блики по полу, потолку и стенам. Официантки в зеленых, расшитых пайетками, топах на бретельках и в мини-юбках разносили столовые приборы.

В покере как раз был перерыв, Тодд Крамер складывал зубочистки в пластиковый пакетик.

– Элиот появится с минуты на минуту, – сообщил он. – Подождите у него в кабинете.

– Надеюсь, я ему понравлюсь.

– Конечно, понравитесь – вы ведь женщина. Не обиделись, нет?

Я хохотнула.

– Нисколько.

Крамер провел меня в кабинет, где стены были густо оклеены фотографиями. Почти на каждой какая-нибудь смазливенькая старлетка висела на шее у жирного седого дядьки в дорогом костюме в тонкую полоску, а надпись внизу сообщала, что это – «на память доброму другу Элиоту».

Через пять минут дверь отворилась, и вошел мужчина, лишь весьма отдаленно напоминавший толстяка с фотографий. Он был строен, как молодой тополь, и одет в коричневые брюки и шелковую синюю рубашку-поло, расстегнутую у ворота. На шее болтался массивный золотой медальон, на пальцах обеих рук посверкивали перстни с бриллиантами, а волосы были выкрашены в черный цвет.

– Элиот Нельсон, – представился мужчина и, заметив мое удивление, кивнул на фотографии. – Здорово изменился, да? Весь прошлый год сидел на жесткой диете, потерял больше сотни фунтов^[6]. Теперь я – совсем другой человек. Неплохо выгляжу для сорока пяти, верно?

Он расплылся в улыбке. Вокруг глаз собрались морщины, нижняя челюсть выдвинулась вперед. Мешки под глазами, двойной подбородок и дряблые щеки в сочетании с действительно стройной фигурой делали его похожим на дружелюбного бульдога.

– Вам больше двадцати пяти не дашь, – соврала я.

Не иначе, его постиг кризис среднего возраста. Надо же посочувствовать человеку. И вообще, уважаю людей, которые соблюдают диету.

– Значит, вы хотите работать официанткой, – перешел к делу Элиот. – Опыт имеется?

– Еще какой. Я обслуживала столики всюду – от забегающих с недомытыми ложками до пафосных ресторанов. Последнее место работы – «Шальная двойка» в Ньюарке.

Элиот Нельсон кивнул.

– Ладно, возьму вас на испытательный срок. Можете начинать уже сегодня. Кажется, вы впечатлили Тодда. Вообще-то он на женщин не смотрит.

– Я не подведу, мистер Нельсон. Делаю свое дело быстро и ловко.

Он приобнял меня за талию.

– Ловко – это хорошо, а вот торопиться в некоторых случаях не нужно.

Я потрепала его по щеке.

– В смысле, ноги у меня быстрые, а руки ловкие. А еще я имею черный дан по карате.

Элиот со смехом поднял руки.

– Я пошутил. Может, как-нибудь устроим соревнования по кунг-фу. Пойдемте, я представлю вас Эви, нашей старшей официантке. Она вам форму выдаст и в курс дела введет.

Эви выдала мне зелено-желтую блестящую униформу и показала, где можно переодеться. Затем познакомила с другими официантками, поварами и подсобными рабочими и принялась «вводить в курс дела».

– Ничего сложного. Тут главное – отслеживать Элиота.

– В смысле?

– Он с тех пор, как похудел, ни одной юбки не пропускает. Ручонки у него больно уж шаловливые. Блондинки, брюнетки, толстые, худые, белые, цветные – нашему Элиоту все едино.

– Спасибо, учту.

Я хохотнула, а Эви нахмурилась.

– Небось, когда он тебя, деточка, в темном уголке зажмет, тебе не до смеха будет. У меня весь зад в синяках – так босс щиплется. Он трижды был женат, и только на моей памяти у него перебивало в любовницах семь наших официанток.

– А второй партнер такой же?

– Тодд? У него времени на женщин не хватает – все уходит на игру. По крайней мере, так было раньше. Но с некоторых пор он состоит в обществе анонимных игроков. Кто его знает – может, вектор энергии перенаправил.

– Я вам очень благодарна за информацию, Эви.

Как новенькой мне поручили самый дальний столик, и я могла наблюдать, как метрдотель приветствует и проводит на места клиентов. Эви записывала заказы, давала распоряжения бармену, затем шла за готовыми блюдами в кухню. Нетрудная работа.

Мой столик долго пустовал, но вот наконец явилась компания из шести человек – три немолодые и ворчливые семейные пары. Я сразу

просекла: с ними придется проявить смекалку.

– Что будете пить?

– Водку с сухим мартини, – подмигнув мне, откликнулся один из мужчин – крупный, грузный, с мощной, как у футболиста, шеей. Наверняка в свое время занимался продажами подержанных автомобилей.

– Вычеркните, – распорядилась его «половина». – Только попробуй хоть один напиток заказать, Леонард, я сразу уйду, так и знай.

Леонард покорно кивнул и надулся с досады. Остальные не хотели пить – только есть. Но я по дороге на кухню шепнула бармену, чтоб налил в простой стакан мартини с водкой, без добавления традиционной оливки. Ловко увернувшись от Элиота, я подхватила стакан и заскользила к столу.

– Ой, что-то ваш стакан с водой какой-то мутноватый, – сказала я Леонарду. – Вот, держите чистый. – Заменив воду на мартини с водкой, я подмигнула и добавила: – Бесплатно, сэр.

Когда я вернулась с морепродуктами и мраморной говядиной, Леонард подмигнул мне и сказал, вручая пустой стакан:

– А можно еще водички?

Плату за мартини с водкой ему удалось незаметно сунуть в мой карман, и вдобавок он оставил пять долларов чаевых. Я спросила, чем он занимается. Оказалось – держит рыбный магазин.

До конца смены я порхала по залу, лестила клиенткам, флиртовала с клиентами и получала удовольствие. Из всех занятий Салли больше всего мне по душе была работа официантки. Мне все равно, где обслуживать столики – в забегаловке или в шикарном ресторане, потому что я люблю наблюдать за людьми, угадывать, кто они по профессии, откуда родом, чем живут. Вдобавок всегда приятно обнаружить чаевые и по ним сделать вывод, насколько твоя работа понравилась клиентам.

А вот что я не люблю, так это уборку за клиентами и всякие нудные мелочи, вроде насыпать соли в солонку, протирать салфеткой бутылочки с кетчупом, перестилать скатерти и тому подобное. Поэтому я спрятала чаевые в бюстгальтер и исчезла. Пусть теперь Салли поработает.

Вышла слегка ошалевшая Салли. Последнее, что она помнила, – начало собеседования с Тоддом Крамером. Салли посмотрела на часы. Шесть часов пятнадцать минут куда-то делись. Сейчас десять вечера, Салли наряжена в зеленую блестящую униформу – топ с глубоким вырезом и неприлично короткую юбку. Ресторан почти опустел, на столах грязная посуда, на полу смятые салфетки, остальные официантки сидят на барных табуретах, болтая ногами и подсчитывая чаевые.

– Эй, крошка! Дай-ка мне еще скотча с содовой!

Салли увидела толстяка за столиком. Ее он зовет или кого другого? Салли поднялась на нетвердые ноги, но двинуться на зов не могла – мозг не контролировал тело.

– Что, устали?

Сказано было низким, бархатным голосом.

Перед Салли возникло сочувствующее лицо Тодда Крамера. Он, по обыкновению, жевал зубочистку.

– Так, пустяки. Голова болит. Я... я... – Тут Салли сообразила, что в руке у нее блокнот для записи заказов. – Я не помню, куда дела карандаш.

– Он у вас вместо шпильки.

Тодд Крамер извлек карандаш из прически Салли и дружески стиснул ей локоть.

– Вы были великолепны. Отлично справились. Я таких проворных официанток еще не видел. Кстати, вон тот субчик, похоже, добивается вашего внимания.

Салли сделала над собой усилие, двинулась к толстяку, размахивавшему пустым стаканом. Приняла заказ на скотч с содовой. Развернувшись, чтобы уйти, она почувствовала его лапу у себя на мягком месте и, взвизгнув, уронила стакан. Он разбился вдребезги, а Салли бросилась в туалет, где долго не могла успокоиться.

Видите теперь, в чем отличие между мной и Салли? Нет, ну правда, стоит ли так пугаться обычного заигрывания? Надо было отшутиться, пофлиртовать. Мужчины это любят. Толстяк бы зато чаевых отвалил. Подумаешь, задницу пощупал. Не укусил же. Пустяк, мелочь. Но только не для Салли. Когда мужчина ее груди касается мизинцем, она чуть не падает в обморок. И вот Салли торчит в туалете, убеждает себя не бежать очертя голову с новой работы. Раньше она именно так и поступала. Ничего. Скоро доктор Эш все ей разъяснит. Он ей поможет. Салли будет без труда контролировать свой разум.

Она почувствовала некий дискомфорт, запустила пальцы в бюстгальтер и обнаружила целых сорок пять долларов чаевых. Значит, она действительно хорошо сегодня работала. Вопрос только: в чем заключалась ее работа? Тодд Крамер сказал, что не видывал более проворных официанток. Наличие чаевых это подтверждает.

Из туалета Салли вышла, несколько успокоившись. И все равно от любой малости могла потерять контроль над собой. Например, она прямо подпрыгнула, когда Элиот поинтересовался ее самочувствием. Конечно, откуда ей знать, кто такой Элиот! Тем более что выглядел он как стареющий жиголо.

– Устала чуток, – осторожно ответила Салли.

Элиот улыбнулся.

– Ну так ступайте домой отдыхать. За вас кто-нибудь из девушек уберет. Первый рабочий вечер – всегда стресс. И не волнуйтесь, мы с Тоддом решили принять вас на работу.

Значит, этот человек – один из партнеров; значит, от него зависело, возьмут Салли или нет. Как она сразу не догадалась?

Промямлив «спасибо», она следом за двумя официантками прошла в комнату с табличкой «Только для персонала». Не увидев костюма в гусиную лапку, Салли изрядно струхнула. Она стала тянуть время, поправлять прическу и все такое. дождалась, пока эти две девушки переоделись. Они ушли, но на вешалках оставались еще три комплекта одежды: зеленый брючный костюм, синее платье и красная юбка с желтым свитером. Салли скрылась в туалете. В кабинке она сидела до тех пор, пока еще две официантки не закончили переодеваться. Теперь на вешалке болталось одинокое синее платье. Салли его натянула. Тесновато. Она очень надеялась, что платье принадлежит ей. Иначе завтра придется объясняться, а как – непонятно.

На выходе ей подмигнул Элиот.

– Увидимся завтра вечером.

Салли кивнула. У нее не было ни малейшего желания возвращаться на эту работу. Люди, конечно, приятные, но очень уж атмосфера суматошная. По крайней мере, для нее.

Глава 3

На следующий день Салли отправилась в Клинику психического здоровья на пересечении Лексингтон-авеню с Пятьдесят второй улицей. Снаружи клиника выглядела как обычное офисное здание из стекла и бетона. Медсестра Мэгги Холстон, в которой тщедушность странно сочеталась с пухлыми, как у бурундука, щеками, провела Салли в смотровой кабинет и осталась разбирать бумажки.

– Сейчас я доступным языком расскажу вам, для чего нужно и как действует лекарство, которым мы собираемся воспользоваться, – начал доктор Эш. – Во-первых, это вещество поможет нам с вами, Салли, пробраться сквозь блоки в вашем сознании. Вы вспомните то, что давно забыли. Я применю к вам прием, который называется «внушенная, или гипнотическая, регрессия возрастов». Вы вернетесь в детство, вспомните определенных людей и определенные события – и глядишь, мы с вами до всего докопаемся. Выясним, откуда у ваших проблем растут ноги.

Салли испугалась, вся затряслась. Доктор Эш сделал ей укол и велел считать от ста до одного. Добравшись до восьмидесяти восьми, Салли начала путаться, а потом и бормотать что-то нечленораздельное, будто у нее был полон рот ватных шариков.

– Нет, нет, Салли, засыпать нельзя, – предупредил доктор Эш. – Вы должны бодрствовать. Сосредоточьтесь. Давайте вернемся в ваше детство. Когда я досчитаю до пяти, вы окажетесь в том времени, когда у вас еще не бывало провалов, когда вы помнили все, что с вами происходило. Вы откроете глаза – и перед вами появится как бы такой телеэкран. Вы словно будете смотреть фильм о другой девочке, не о вас самой. Рассказывайте мне обо всем, что увидите или услышите, а также обо всех запахах, которые почувствуете. Понятно?

Салли кивнула.

– Тогда начнем. Один-два-три... четыре... пять!

Салли распахнула глаза, уставилась на телеэкран в собственном мозге и стала рассказывать.

Она совсем маленькая девочка. Ее папу зовут Оскар, он сутулый, с тонкими усиками и сонными глазами. Папа работает почтальоном. Каждый день он берет Салли с собой. Салли сама вручает письма разным тетенькам, а тетеньки гладят ее по голове и хвалят за то, что она так хорошо помогает папе. Один раз Салли даже получила кусок яблочного

пирога. Пирог был горячий, только-только из духовки. Салли уронила начинку себе на зеленое платице, но папа ее совсем не ругал за это, словно и не заметил. Он вообще мало что замечал. Всегда улыбался, прикрыв глаза, будто спал и видел веселые сны. Под конец дня, когда все письма были розданы, папа сажал Салли в пустую сумку и мчался по улице, взбрыкивая, точно настоящий конь. Салли это ужасно нравилось. Она знала, что папа ее обожает. По вечерам она засыпала под папины сказки и была уверена, что папа достает их из своей волшебной, бездонной почтовой сумки. Но однажды – Салли было тогда четыре года – папа зашел в бар «Шэмрок», посадил Салли, прямо в сумке, на барную стойку. Салли очень испугалась, ведь уже два раза папа, выпив, просто забывал ее в баре. А еще он потерял Салли в цирке на Медисон-сквер-гарден, потому что перед этим пил из своей фляжки. А еще как-то сел без Салли в поезд. Она тогда бежала сквозь толпу, кричала и плакала. Ей схватил полицейский, и Салли завопила ему в лицо: «Мой папочка потерялся! Нужно найти папочку!»

А потом папа потерял целую сумку писем – и пропал сам. Мать сказала, он напился, упал в реку Гудзон и утонул. Салли не поверила. До сих пор, увидев почтальона в униформе и с сумкой, она бросается к нему. Потому что надеется увидеть под фуражкой усталое лицо с печальными и сонными глазами, с тонкими усиками, будто карандашом нарисованными, с чудной улыбкой. Потому что папа не утонул. Он просто забыл где-то Салли, спохватился и теперь ищет, ищет ее повсюду.

– Очень хорошо, Салли. Отдохните. Видите, вы все отлично помните. А сейчас скажите мне, вы видите свою мать и отчима?

Канал в «телевизоре» переключился, и перед Салли возник домишко с одной-единственной комнатой. Салли принялась рассказывать. Вечер. В доме беспорядок. Возле большой двуспальной кровати стоит ее кроватка. Большая кровать вся помята, покрывало скомкано. В дровяной печке потрескивает огонь. Мать шьет. Она растолстела и носит дома мешковатый халат. Ее темные волосы собраны в узел на затылке. По набрякшим векам видно: мать часто плачет. Слишком часто.

Салли на полу играет в куклы. Ее отчим, Фред Уант – он появился в доме совсем недавно, – выключает телевизор. Встает с плетеного кресла и говорит:

– Вивиан, убери девчонку.

Мать отвечает:

– Я устала, Фред. У меня голова болит...

Фред смотрит на нее, поворачивает козырьком назад бейсболку,

которую носит всегда и везде, даже дома. Теперь на его лысой голове виден глубокий рваный шрам. Это Фреду досталось в пьяной драке.

– Я сказал, убери девчонку и ложись.

Мать роняет руки, вздыхает. Ее лицо, когда-то нежное и очень красивое, стало помятым, под глазами мешки, щеки обвисли. Лицо похоже на тесто, которое поднялось и снова опало.

Она сует шитье в рабочую корзинку, а Салли вместе с четырьмя куклами – в шкаф. Салли хнычет, потому что в шкафу темно, а она боится темноты.

«Экран» тоже темнеет. До Салли доносится скрежет – это мать приперла дверь шкафа стулом. Салли толкает изнутри, но дверь не поддается. Через несколько минут начинают скрипеть пружины, и Салли представляет, как мать с отчимом прыгают на кровати. Так вот почему ее заперли! Она сама любит прыгать на кровати, но ее за это ругают. Ей, значит, нельзя, а им можно! Наверное, это плохо, вот мать с отчимом и не хотят, чтобы Салли видела, как они занимаются тем самым, что запрещено ей.

Потом мать открывает шкаф, выпускает Салли. Отчим к тому времени уже спит. Храпит и булькает разинутым ртом. Видно, что у него выбиты передние зубы. Салли потихоньку забирается в свою кроватку.

По лицу взрослой Салли текут слезы, когда она вспоминает, как однажды мать недостаточно плотно приперла стулом дверцу шкафа. Салли удалось приоткрыть дверь, и в щель она увидела: мать и отчим, оба голые, на кровати, в желтом свете ночника. Нет, они не прыгают. Мать стоит на коленях, лицом в подушку, а Фред пристроился сзади и дергается туда-сюда. Так собаки делают. Лицо у Фреда красное от напряжения, голова кажется слишком большой по сравнению с тощим телом. А еще Фред урчит.

А потом Фред отваливается, Салли видит штуковину, которую он запихивал в ее мать, и теряет сознание.

Рассказывая об этом, взрослая Салли плакала, переходила на крик, раскачивалась взад-вперед. Пот заливал ей глаза. Затем шею и глаза пронзила боль, и Салли прямо в кабинете врача постиг провал.

* * *

Белла открыла глаза и осмотрелась. Какого черта здесь происходит? Ее взгляд упал на Роджера, она встrepенулась, облизнула губы и грудным

голосом, подражая Мэй Уэст^[7], произнесла:

– Привет, красавчик...

Роджер Эш вскинул брови, хотел было ответить, но передумал. Бросил быстрый взгляд на Мэгги, чуть качнув головой, предупредил: спокойно, не подавайте виду. Мэгги застыла с открытым ртом.

Белла сообразила, что находится в кабинете врача, на столе. Она повернулась на бок, подперла щеку ладонью, огладила бедро и продолжала с интонациями Мэй Уэст:

– Не знаю, что со мной стряслось, док. Впрочем, надеюсь, вы не побрезгуете как-нибудь заглянуть ко мне в гости.

Ответа не последовало. Тогда Белла бросила притворяться и расхохоталась.

– У вас вид, будто пациентка коньки откинула прямо на столе и сразу же из мертвых воскресла. Я что, заразная?

Роджер взял себя в руки. Впрочем, голос плохо его слушался.

– Как ваше имя? Мне нужно для отчета.

– Какого еще отчета? Я ни перед кем не отчитываюсь. Не привыкла.

– Речь идет о медицинской карте.

– Ладно, так и быть. Меня зовут Белла. По-итальянски – «красавица». Правда, я итальянского не знаю, это мне объяснил на конкурсе дарований один продюсер, который очччень, ну просто очччень мной заинтересовался...

Роджер кивал, но я-то видела: ему большого труда стоит держать себя в руках.

– Сколько вам лет?

– Восемнадцать уже исполнилось, – хихикнула Белла.

– Вы знаете, где находитесь?

Белла обвела комнату глазами.

– Я лежу на столе, вы – в белом халате. Может, это павильон на киностудии. Может, здесь снимают эпизод «Главного госпиталя».

Белла сладко потянулась, закинула руки за голову и приняла крайне провокационную позу.

– Ради этой роли я готова на все. Я очень разносторонне одаренная.

– Здесь не кинопавильон, Белла. Я – врач. Я пытаюсь вам помочь.

Белла рассмеялась.

– Знаешь, красавчик, мне такое уже говорили.

– Это Мэгги Холстон, медсестра. А меня зовут Роджер Эш. Я – доктор медицины в области психиатрии.

Белла резко выпрямилась.

– Что?! Я не сумасшедшая! Не трогайте меня!

– Конечно, вы не сумасшедшая. У вас есть некоторые проблемы, но я помогу вам с ними справиться.

– Нет у меня никаких проблем.

– Имя Салли Портер что-нибудь для вас значит?

Белла закатила глаза.

– Черт! Так вот в чем дело!

– Стало быть, вы знаете Салли Портер.

– Лично не знаю, только слышала о ней.

– От кого же вы слышали о Салли Портер?

– От Дерри.

– Кто это – Дерри?

– Не знаю ее фамилии. Я видела одежду Салли Портер и читала ее письма. И вот что я вам скажу: такой зануды, тупицы и тусклячки, как Салли, еще на свет не рождалось.

– Почему вы так решили?

– Дерри говорит, Салли только и надо, что торчать целые дни дома с метелкой для пыли. Она думает об одном – как бы отсудить у мерзавца бывшего мужа своих близнецов. Никогда не ходит ни на танцы, ни в кино, ни в театр. Вообще никогда! Не пьет алкоголь, не курит травку. Короче, овощ.

– Салли Портер – ваша родственница?

Белла на миг задумалась.

– Вообще-то, я не в курсе.

– Как же тогда вы можете знать про ее чувства и желания? Вы с ней контактируете? Вы появляетесь с ней в одних и тех же местах?

– Это трудно объяснить, – начала Белла. – Вот представьте, что вам приспичило в туалет, а все кабинки заняты. Вы бегаєте по уборной, то к одной двери сунетесь, то к другой. Слышите, как там, в кабинках, возятся, отливают и облегчаются, а сами вынуждены терпеть... В общем, как я уже говорила, про Салли мне рассказывает Дерри.

– Получается, вы не знаете, что у Салли на уме?

– А у Салли есть ум?

– Вам известно о событиях, которые происходят, когда вы неактивны?

– Нет, я только догадываюсь. Например, в прошлом году, незадолго до развода, я обнаружила Салли на свадьбе. Я такого не ожидала – обычно развлекаюсь я, Салли из дому не вытаскишь ни на какую вечеринку. Тем не менее в тот раз ее пригласили вместе с мужем, Ларри. Я активизировалась во время танца. Я танцевала с незнакомым парнем, он меня обжимал.

Танцую, а сама чувствую: он уже готов, хоть сейчас в кровать прыгай. Тут-то я и сообразила, почему вообще оказалась в таком положении. Сказать вам, почему? Потому что Салли не умеет вести себя с мужчинами. Короче, я и тот парень – гость со стороны невесты – весь вечер танцевали. Кстати, невесту и жениха я видела первый раз в жизни. А парень был что надо. Решительный. Короче, мы пошли к нему в номер, он меня уложил, раздел и стал мне соски целовать. Больше я ничего не помню. Проснулась от шума дождя. Парня и след простыл. Потом уже я узнала от Дерри, что Ларри приревновал Салли, они крупно поругались. Думаю, это и стало последней каплей. Именно после злополучной свадьбы Ларри подал на развод.

– Вам известно о попытках суицида, предпринимавшихся Салли?

Белла искренне удивилась.

– Что, серьезно? Она хотела покончить с собой?

– Так вы об этом не слышали?

– Мы с Дерри довольно давно не контактировали, так что я не в теме. Но Дерри, конечно, мне расскажет. Она любит потрепать языком, что есть, то есть. Вам бы надо с ней познакомиться. Она бы вам понравилась.

– Да, знакомство с Дерри действительно входит в мои планы. Сегодня уже поздно, полагаю, мы встретимся во время следующего сеанса. А вам, Белла, я очень благодарен.

– Обращайтесь, док. Всегда рада помочь симпатичному парню.

Роджер Эш покосился на Мэгги, скроил смущенную улыбку.

– Спасибо. А теперь, Белла, закройте глаза. Вам пора вернуться туда, откуда вы пришли. Я буду считать до пяти, и на цифре «пять» Салли очнется. У нее будет хорошее самочувствие, а из нашего разговора она запомнит ровно столько, сколько захочет запомнить. Салли, выбор за вами. Вы можете запомнить все, или часть, или ничего.

Действительно, на счет «пять» Салли открыла глаза, огляделась испуганно. Стоит ли говорить, что она ничегошеньки не помнила? Правда, она огорчилась. Гипноз у доктора Эша слишком напоминал ее провалы.

– Это невыносимо, – заныла Салли. – Я хочу жить как все люди. Хочу вечером ложиться спать и не бояться, что просплю сутки или двое. Я ведь все время боюсь. Я сумасшедшая, да?

– Ничего подобного, Салли. Сумасшествие – это совсем другое.

– А что же тогда со мной?

Эш с минуту помедлил, покосился на Мэгги, перевел взгляд на Салли, словно раздумывая, как лучше преподнести диагноз.

– Видите ли, Салли, то, что я сейчас скажу, довольно трудно принять...

– Пожалуйста, не скрывайте от меня ничего! – взмолилась Салли. –

Мне кажется, весь мой мир разваливается на части.

– Пока я не уверен на сто процентов. В последнее время случаи, подобные вашему, встречаются все чаще. До сороковых годов психиатрия знала всего около ста пятидесяти человек, страдавших тем же расстройством, что и вы. Причем их состояния описывались как истерический невроз диссоциативного типа. Однако всего за четыре десятилетия количество таких пациентов возросло до нескольких тысяч, и ныне ваше заболевание принято называть диссоциативным расстройством.

Салли наморщила лоб.

– Ничего не понимаю. О чем вы говорите?

Доктор Эш снова помедлил перед тем, как продолжить объяснения.

– Вы смотрели фильм «Три лица Евы»?

Салли отрицательно покачала головой.

– Я в кино не хожу.

– Может быть, вы читали книгу Флоры Шрайбер «Сивилла»?

Салли снова покачала головой. Ее начала бить дрожь.

– Нет, не читала. Но я слышала про эту книгу. Почему вы спрашиваете?

– Что именно вы слышали о книге «Сивилла»?

– Там про женщину со множественной личностью... – Глаза у Салли округлились. – Вы намекаете, что у меня множественная личность?

– Я пока не уверен. Но есть основания считать, что в ваших проблемах хотя бы отчасти повинен именно синдром мультиличности.

Салли даже рот раскрыла. Что за чушь порет этот доктор! Додуматься же до такого! Впрочем, Салли решила не возражать Роджеру Эшу, а то еще возьмет да откажется от нее. А ей нужна помощь. Пока она не избавится от провалов, судья не позволит видеться с детьми, не говоря уже о том, чтобы забрать их у Ларри. Значит, надо быть осторожной. Ни в коем случае не нервировать доктора.

– У вас было много таких пациентов, как я?

– Вы – первая, Салли.

– Вы потому и согласились со мной возиться? Вы ведь не беретесь за тех, кто пытался покончить с собой.

– Если честно – да.

Салли не знала, хорошо это или плохо, что доктор Эш заинтересовался ее случаем; хорошо или плохо для нее, что прежде у него не было таких пациентов. Впрочем, какая разница? Она-то ведь не мультяшка. Главное – не спорить с Эшем. Пускай думает что угодно, лишь бы сохранял интерес к

Салли. Будет интерес – будет и лечение. И результат.

– Скажите, Салли, потере сознания предшествуют какие-то особые симптомы?

– Да. Головная боль. А перед этим всегда такое странное чувство – холодок по спине. И еще мне кажется, будто воздух электричит.

Эш сделал пометку в блокноте.

– Очень похоже на ауру. Вы знаете, что такое аура? Это особое состояние, которое переживают больные эпилепсией непосредственно перед припадком.

Доктор Эш откинулся на стуле, постучал карандашом по столу и продолжал раздумчиво:

– Пока мы не нашли решение вашей проблемы, вам следует продолжать обычную жизнь. В смысле, вам совсем не нужен больничный режим. Возвращайтесь домой, делайте все как раньше – ходите на работу, по магазинам, на прогулки. Поиски решения могут занять некоторое время. С вами мы пока будем встречаться дважды в неделю – по понедельникам и пятницам, в десять утра. Потом, если понадобится, скорректируем расписание. Ну, до пятницы, Салли.

– Я вам верю, доктор. Вы мне обязательно поможете, что бы там у меня в голове ни происходило.

– Мы справимся, Салли. По крайней мере, попытаемся.

По дороге домой Салли представляла, каково это – быть множественной личностью, носить в себе группу совершенно разных людей. Представлять не получалось. Сама мысль об этом казалась безнадежно дурацкой.

Доктор Эш ошибается, твердила себе Салли. Ошибается. Ошибается. Но он будет ее лечить и, конечно, рано или поздно поймет истинную причину проблем. И тогда доктор Эш спасет Салли.

Городской автобус был переполнен. Салли почти висела на поручне. Сзади к ней пристроился какой-то прыщавый субъект и давай тереться. Из-за давки Салли с места сдвинуться не могла, а если ей удавалось чуть поменять положение, субъект делал то же самое. Салли сторала от стыда, но не решалась предпринять что-нибудь эффективное. Субъект, чувствуя ее беспомощность, становился все наглее... И тут у Салли по позвоночнику прошелестел холодок – то самое, что Роджер Эш называл аурой. За холодком последовала жестокая мигрень. Я-то уже знала, что сейчас произойдет. И даже не думала этому мешать.

Джинкс вылетела пулей. Для начала наступила парню на ногу. Затем обругала его словами, которые я не стану повторять. Наконец, лягнула в

мошонку. Мерзавец взвыл, те пассажирки, что не висели на поручнях, а сидели со свободными руками, принялись аплодировать. На нашей остановке Джинкс скрылась, оставив слегка ошалевшую Салли. Автобус был уже почти пуст.

Водитель улыбнулся ей, когда она выходила.

– Вы молодчина, мисс. Славно проучили этого козла. В другой раз не посмеет.

Салли ничего не поняла, рот раскрыла.

Иногда мне ее жалко. Как бы у нее крыша не съехала, когда Роджер Эш докажет-таки, что Салли в теле не одна. Мы ведь будто жестянка с червями. Рано или поздно Роджер распутает этот наш клубок. Он умный, Роджер. Только что он станет делать потом? Надо же нас куда-то девать. Если Роджер нас всех прикончит, ему даже трупы прятать не придется. Не будет никаких трупов. Вот что я называю идеальным преступлением.

* * *

Неделя пролетела незаметно. Я трудилась в ресторане, чаевые текли рекой. Элиот не уставал мне удивляться. Пригласил на свидание, но я отвертелась. Потому что ждала пятничной встречи с Роджером.

У дверей кабинета Салли появилась ровно в десять.

– Сегодня мы займемся кое-чем новым, Салли, – сообщил Роджер. – Вместо сыворотки правды я вас загипнотизирую. Под гипнозом можно столь же успешно вспоминать детство. Вы согласны?

Салли кивнула.

– Тогда смотрите на мою золотую ручку. Сконцентрируйтесь вот на этом блике и слушайте меня внимательно. Скоро вас начнет клонить в сон.

Гипноз! Вот здорово! Раньше я такое только в фильмах видела. Честно говоря, мне не верилось, что сработает. Считается, загипнотизировать можно только умного человека, а наша Салли умом не блещет. Но она очень старалась не огорчить доктора, таращилась на золотой блик, а Роджер говорил тихим голосом, и вот Салли начала задремывать. Потом ее разум затуманился, как всегда перед засыпанием. Обычно в это время я и выхожу, но тут осталась внутри. Интересно же посмотреть, как будет действовать доктор Эш.

– Когда я досчитаю до трех, вы откроете глаза, однако останетесь под действием гипноза. Я буду задавать вам вопросы, вы сможете отвечать легко и свободно. До скольких я должен досчитать, Салли?

- До трех...
- Хорошо. Один...два... три... Скажите, Салли, вы знакомы с Беллой?
- В детстве у меня была кукла Белла.
- Расскажите о вашей кукле.
- Я с ней разговаривала, как с настоящей девочкой.
- Она вам отвечала?

Салли медлила. Потом прошептала:

– В школьном драмкружке ставили «Белоснежку и семь гномов». В этой сказке есть персонаж – Королева Белла. Колдунья. Я назвала куклу в ее честь. И потом моя кукла Белла стала со мной разговаривать.

- У других ваших кукол тоже были имена?

Салли кивнула.

Роджер помолчал. Салли мысленно твердила себе: не лезь с подробностями, подожди, пока он спросит.

- Когда вы начали давать куклам имена?
- Каждой – в свое время.
- Как звали ваших кукол?
- Одну звали Нола.
- А вторую?
- Дерри.
- А третью?
- Джинкс.
- Кто-нибудь, кроме вас, знал имена ваших кукол?

Салли покачала головой.

– Я никому не говорила. Это были мои подружки. Дерри – в честь Синдереллы. Понимаете? Син-дере-лла. Середина имени.

- Понимаю. Почему вы назвали куклу именно так?
- Синдереллой звали мою кошечку.

Роджер Эш ждал продолжения, не дождался и спросил:

- Что случилось с вашей кошечкой?
- Она потеряла первую жизнь, хотя мой отчим, Фред, сказал, что у каждой кошки девять жизней. Он меня обманул.

- Дерри была первой куклой, которой вы дали имя?
- Нет.

- В каком порядке вы давали куклам имена?

– Первой была Джинкс. Потом – Дерри. Потом – Белла. Последней была Нола.

– Салли, слушайте меня внимательно. Я хочу поговорить с самой первой. С Джинкс. Как вы думаете, она согласится?

Салли пожала плечами.

– Ну что ж. Когда я произнесу «Выходи на свет», вы снова погрузитесь в сон. Выйдет другая личность и станет говорить со мной. Когда я скажу «Возвращайся во мрак», эта личность вернется туда, откуда пришла. Какие слова я буду произносить?

– «Выходи на свет» и «возвращайся во мрак».

– Хорошо. Итак, Салли, я хочу поговорить с Джинкс. Я велю: Джинкс, *выходи на свет*.

Надо сказать, я такого не ожидала. Думала, сейчас он меня вызовет – после рассказа Беллы. Это было бы логично: вызывать – так уж по порядку. В любом случае время для разговоров с Джинкс он выбрал неподходящее. С ней ведь хлопот не оберешься. Роджер Эш про Джинкс ничего не знал и к встрече готов не был. Поэтому, когда он произнес «Джинкс, выходи на свет», я сама выскочила. Может, это и неправильно, да только Джинкс у нас буйная, а кому нужны проблемы?

– Привет, – сказала я. – Знаю, вы звали Джинкс, но я подумала, лучше сначала мне с вами встретиться, предупредить вас. Джинкс – опасная особа.

– А вы кто?

– Дерри.

– Как жизнь, Дерри?

– Не фонтан.

– В чем проблема?

– Раньше я без труда выбиралась, а теперь – с трудом. Поначалу я в разум Салли входила запросто, как рука в перчатку. Но с некоторых пор мне сократили время.

– Чего вы хотите, Дерри?

– Хочу стать настоящей. Хочу все время жить по-нормальному, а не от случая к случаю. Хочу на лыжах кататься, под парусом ходить. Летать хочу. С парашютом прыгать.

– Вы когда-нибудь пробовали эти виды спорта?

– Один раз попыталась покататься на лыжах. Это было в Вермонте. Салли потом не могла вспомнить, где и как умудрилась вывихнуть левую лодыжку. А сейчас я трусцой бегаю – вот и весь экстрим.

– Что вы думаете о Салли?

– По-моему, таких зануд, как она, еще поискать. Вы себе не представляете, как мы все с ней мучаемся. Она же целыми днями или сериалы смотрит, или квартиру прибирает. В понедельник пылесосит, во вторник у нее стирка, в среду – мытье окон, и так без конца. Потому что

пыль неистребима, можно всю жизнь провести в бессмысленной борьбе. Мне такое не по нраву. Жить не так надо. Только и отрываюсь, когда клиентов в ресторане обслуживаю.

– Почему вы вышли ко мне вместо Джинкс?

– Потому что вас надо предупредить. Вы не представляете, сколько в Джинкс ненависти и злобы. Она умная; она хитрая; она изворотливая. Глазом моргнуть не успеете, как она вам горло перережет.

– Разве я сделал ей что-то плохое?

– Запомните, доктор: держите с ней ухо востро. Прежде чем разговаривать, проверьте, чтоб у нее не было с собой оружия.

– Джинкс совершила убийство?

– Пока нет. Ключевое слово – «пока». И знаете? Джинкс набирает силу. Для нее жизнь – вроде боевика. Крушить направо и налево – вот что ей по нраву. Например, она не прочь угнать машину и устроить охоту на прохожих. Типа, кто в стенку не вжался – я не виновата.

– Похоже, вы хорошо осведомлены насчет Салли и Джинкс. Кстати, Салли говорила мне, что вашим именем, Дерри, звали ее куклу. Не могли бы вы объяснить эту странность?

– Понимаете, доктор, какая штука, остальные знают только про себя, а я в курсе всех их мыслей и чувств. Я знаю, чем они все занимаются, когда выходят наружу, и чем занимается Салли, когда остальные прячутся. Даже когда сама сижу затаившись, я все вижу и слышу. Но никого из них я не контролирую. Каждая, стоит ей выбраться, начинает воротить что в голову взбредет, потому что каждая – отдельная личность. Я только наблюдатель. Со мной они все контактируют. Каждой я рассказываю про остальных. Только Салли не рассказываю. Салли меня не воспринимает. Даже не догадывается, что в ней скрываются разные женщины. Знает только, что у нее с головой проблемы.

– Как же вам удастся все видеть и слышать, когда вы сами скрыты?

– Когда я сама выхожу, я воспринимаю мир органами чувств, как все нормальные люди. Когда выходит Белла, Джинкс или Нола, я становлюсь маленькой-маленькой, такой, что умещаюсь в уголке сознания. Воспринимаю все, что происходит, но только чувствами соответствующей личности. Например, у Джинкс очень высокий болевой порог. Когда Джинкс на воле, точнее, когда она контролирует тело, я не боюсь ударов и всего такого. Нола – близорукая; если она без очков, передо мной тоже все предметы расплываются. Когда Белла танцует, я чувствую, как моя кровь пульсирует в такт музыке. Понимаете? Я смотрю на мир глазами разных людей. Образование у меня, можно сказать, никакое, зато я нахваталась

знаний у остальных.

Роджер слушал внимательно, кивал и подергивал собственное ухо.

– Дерри, расскажите, пожалуйста, откуда вы все взялись?

– Мы всегда были, с тех пор как Салли дала имена куклам. Не знаю, при каких обстоятельствах это совершилось, но мы стали реальными людьми. Просто Салли не понимает. А теперь можно я вас спрошу?

Роджер Эш удивился, однако позволил.

– Вот вы взялись помогать Салли. Чтобы она вылечилась, мы должны умереть, да?

Роджер еще больше удивился. Стал объяснять, но как-то не слишком убедительно. Явно он о таком конце не думал.

– Ну что вы. Нет, конечно. Ни в коем случае. То есть речь идет не о смерти. Речь идет о... Нет, лучше так скажу. Сначала я заставлю Салли осознать, что вы существуете. Она должна принять вас – разумом, а затем и чувствами. Потом мы устроим что-то вроде общей конференции. Чтобы вы выработали... гм, концепцию, этаким план дальнейшего совместного существования. Наконец, с помощью гипноза я попытаюсь слить вас всех в один разум. Вы все станете одной личностью. Понимаете? Было пять личностей – будет одна, зато разносторонняя.

– Ужас!

– Почему?

– Я – это я! Вот вам бы понравилось, если б вас поймали, загнали в котел, где уже сидят четыре человека, и сказали: «Все о'кей, потерпите, скоро вы станете одной разносторонней личностью». И состряпали бы из вас из всех рагу.

– Все будет совсем не так, Дерри.

– Откуда вам знать? Вы сказали Салли, что раньше у вас таких пациентов не было.

– Это правда.

– Другие психиатры не слишком преуспели. Нола читала и «Сивиллу», и «Три лица Евы». Там доктора знаете, что делали? Уничтожали «лишних», вот что! Ну, или им казалось, что уничтожают. А еще Нола читала статью, а там написано: уничтожать личности бесполезно, потому что появляются новые.

– Именно поэтому я не собираюсь вас изолировать от Салли и тем более уничтожать. Раньше вы были одной личностью. Цельной личностью, Дерри. Так начиналась ваша жизнь. Потом случился некий стресс, и сознание Салли расщепилось. Я всего лишь хочу сделать как было. Соединить то, что должно быть едино.

– Ага, конечно! А это слышали: «Вся королевская конница, вся королевская рать не может Шалтая, не может Болтая, Шалтая-Болтая, Болтая-Шалтая, Шалтая-Болтая собрать»?

Эш помрачнел. Обиделся на меня. Я извинилась и пообещала во всем ему помогать.

– В ваших же интересах, Дерри, сотрудничать с Салли, – заговорил Эш, отбивая такт пальцем по столу. – Помогите ей удержаться на работе. Ведь это благодаря вам ее вообще взяли, не так ли?

Я кивнула.

– Значит, следите, чтобы Салли сохранила работу. Ей нужно зарабатывать на жизнь, но главное – ей необходимо занятие, режим.

– А потом вы меня чик – и уберете, да?

– Все будет совсем иначе.

– Если кого и убирать, так это саму Салли.

– Почему вы так думаете?

– Потому что Салли про нас не знает, что делается – не представляет. А я все знаю. Понимаю, что каждая из нас думает и чувствует. Мне и карты в руки. Это только справедливо. Да и хлопот меньше.

– Видите ли, Дерри, все происходит не совсем так, как вам кажется. Я читал труды многих специалистов, и все они делают один и тот же вывод. Знаете какой? Пациент, как правило, создает «ответственного» – личность, знающую обо всех остальных и более или менее успешно регулирующую их активность. Вы, Дерри, и есть такой «ответственный», или «куратор». Медицинский термин, описывающий сосуществование разных личностей в одном теле, если вам интересно – «совместное сознание». Врачу желательно как можно скорее выйти на связь с куратором, узнать от него про остальных альтеров и заручиться поддержкой куратора. Важно помнить: куратор – всего-навсего альтер, но никак не настоящая личность.

Вот так новость – будто холодный душ! Я-то воображала: раз мне про остальных известно, раз я в их мозги проникаю, так я и есть настоящая, а Салли – самозванка!

– Куратор, говорите? Пожалуй, важная роль. Ладно, буду вам помогать, но только не задаром. Мы с вами заключим сделку, доктор.

– Ваши условия, Дерри?

– Велите Салли, чтоб сменила стиль жизни. Пускай сделает новую прическу, пускай купит нормальную одежду. И пускай перестанет лопать всякую жирную и сладкую дрянь, а то я бегая, бегая трусцой, как Бобик, а толку ноль. Хочу наслаждаться жизнью, пока «курирую». Согласны, доктор?

– Я поговорю с Салли.

Он поерзал в кресле, и я догадалась: сейчас он меня отправит обратно во мрак. Так и вышло.

Потом он вернул Салли и «прописал» ей новый имидж и все такое, о чем я говорила. А еще сказал: отныне, мол, он будет ее гипнотизировать одной фразой – «Ему известно, что скрывает мрак». А две другие фразы – «выходи на свет» и «возвращайся во мрак» – он будет использовать, чтобы вызывать и задвигать разных альтеров. То есть нас.

– Но вам, Салли, надо реагировать на эти слова лишь в тех случаях, когда произносить их буду я. Больше никто не сможет с их помощью воздействовать на ваше сознание. Вы понимаете, Салли?

Она кивнула. Эш сказал:

– Когда я досчитаю до пяти, вы проснетесь бодрой и веселой. Вы запомните все, или часть, или ничего – по вашему выбору.

Салли, конечно, ничегошеньки не запомнила.

* * *

Выходные прошли тоскливо. Я все ждала, когда же Салли начнет меняться – ведь она обещала Роджеру! – но эта овечка двое суток проторчала в квартире, шугаясь собственной тени. В общем, я уже перестала надеяться, и вдруг – о чудо! – Элиот пригласил Салли на свидание. Не меня пригласил, не Беллу, а именно Салли. Тут, конечно, дурака свалял сам Элиот. Салли хотела сказать «нет», однако в голове у нее что-то щелкнуло, она вспомнила про обещание Роджеру, покраснела, как помидор, и согласилась.

– В среду вечером вы выходная, – говорит Элиот. – Буду ждать вас в баре «Лев и Корона». Выпьем для рывка, а потом поедem куда-нибудь еще и славно повеселимся.

Всю среду Салли места себе не находила. Потом свидание вылетело у нее из головы, и она взялась мыть окна. Намывает, щурится на солнечные блики, а сама пытается вспомнить, что же у нее такое на вечер запланировано. Куда-то вроде нужно пойти, с кем-то встретиться...

Я не выдержала, прижала ее палец к стеклу и написала этим пальцем: «Э-Л-И-О-Т». Салли вообразила, что сама это сделала. Тут-то у нее память и прояснилась: «Лев и Корона», свидание.

Она стала думать, в чем пойти. Подозрительно долго смотрела на свое клетчатое платье. Кажется, впервые осознала, до чего оно нелепое.

Удивилась совершенно искренне: в магазине-то платье ей ужасно нравилось. И вдруг кажется совсем неподходящим – ни для Элиота, ни вообще. И уж конечно, Салли не поняла, почему перед ее мысленным взором вдруг возникло синее платье. Еще совсем недавно она испугалась бы такого импульса, ни за что бы ему не повиновалась. Но ей же доктор Эш сказал: не боритесь с импульсами, следуйте им, особенно если дело касается одежды. И вот Салли, чуть ли не кривясь (платье, по ее мнению, вульгарное!), таки тащит его из шкафа, натягивает не без труда и оправляет на бедрах. Хорошая, послушная девочка Салли! Впрочем, она очень надеется, что Элиот из этого платья соответствующих выводов не сделает.

* * *

Когда Салли – ровно в шесть – появилась в баре, народу было уже не протолкнуться. «Лев и Корона» стилизован под традиционный английский паб, с темными деревянными панелями и тяжеленными, грубыми столами и стульями. Элиот успел занять кабинку, помахал оттуда. Он вырядился в шелковую рубашку лавандового цвета (причем расстегнул ее чуть ли не до пупа), в лиловые брюки и белый пиджак. На шее красовалось ожерелье из акульих зубов.

– Что будете пить? – с махровым итало-бруклинским акцентом спросила официантка.

– Диетическую пепси, – пискнула Салли.

Элиот взял пинту горького пива.

Когда напитки принесли, Элиот, указывая на пепси-колу, заметил:

– Было время, я тоже этим давился. Вы же видели мои фото в кабинете; представляете, какой я был жиртрест.

Салли кивнула.

– Сейчас вас не узнать.

Элиот просиял.

– Знаете, есть такое выражение – в каждом толстяке спрятан стройняшка. Мается внутри, просится наружу. Сейчас перед вами как раз тот, настоящий. Я вырвался, понимаете? Пускай теперь толстяк вопит; пускай хоть лопнет с натуги. Назад ему ходу нет.

Салли поежилась. Неизвестно почему ей стало жутковато, даже рука задрожала, и лед клацнул о стенку стакана. Салли поставила стакан на стол.

– Наверняка вы теперь гораздо лучше себя чувствуете.

– Не то слово! – подхватил Элиот. – Не зря я в Швейцарию ездил лечиться. Один клиент наводку дал, вот я и поехал. Поглядел на него, какой он живчик, и думаю: все, хватит, я тоже так хочу! У швейцарских докторов свои секреты. Умеют омолаживать, этого не отнимешь. Диету для меня разработали, гландами занялись. Вы, например, знаете, что гланды напрямую связаны с лишним весом? Я почти десять штук баксов выложил, но оно того стоило. Мой врач, как меня нового увидел, чуть в обморок не грохнулся. Теперь, говорит, у вас, Элиот, организм тридцатилетнего.

При этих словах Элиот многозначительно заглянул Салли в глаза – дескать, не желаете ли проверить на деле?

– Очень хорошо, что вы заодно избавились от проблем со здоровьем, – промямлила Салли.

– Салли, вы уже несколько дней занимаете все мои мысли. Вы бесподобны. Я таких женщин еще не встречал. Вы таинственная; вы умеете быть разной. Я все время пытаюсь угадать, как вы поведете себя в следующий момент. И ничего не получается! Это здорово! То вы отстраненная, прохладная, и кажется – дотронься до вас – вы и разобьетесь, как хрустальная статуэтка. А через минуту вы – уверенная, дерзкая, смелая. Тогда, в первый вечер, вы просто мастер-класс для официанток устроили, честное слово. На заигрывания отвечали клиентам как опытная, искушенная женщина. А порой вы похожи на девочку, которая на улице потерялась. Удивительно, как в одном теле уживаются два разных человека. Понимаете, о чем я?

Салли сделала глоток пепси-колы, очень медленно отодвинула стакан и откинулась на стуле, прижавшись затылком к стене, обитой кожей.

– Нет, не понимаю, мистер Нельсон. У женщин бывают резкие смены настроения, только и всего. Я тоже такая...

Элиот покачал головой – дескать, рассказывайте!

– А по-моему, здесь дело глубже... Кстати, называйте меня просто Элиотом, пожалуйста.

– Слушайте, мистер Нельсон, не пойму, что вам от меня надо. Я согласилась с вами встретиться не для того, чтоб обсуждать мой характер. Вам пора бы знать, что женщины время от времени бывают раздражительными и нервными. Это нормально.

– Простите. Я не хотел вас обидеть.

– У меня голова болит. Очень сильно. Мне надо отлучиться. Сейчас вернусь.

Салли выскользнула из-за стола и неуверенной походкой направилась в туалет. Боль давила на лоб между глаз и на нижнюю часть затылка. На

спине выступила испарина, и Салли зазнобило. В туалете она умылась холодной водой. Салли знала: если сейчас расслабиться, нырнуть в темноту разума – боль отступит. Но это будет очередной провал. Нельзя его допустить. Хватит в каждой ситуации, так или иначе связанной с «отношениями», прятаться за чужую спину. Салли должна смотреть своими глазами, принимать все вызовы, что бросает ей жизнь. Должна... она должна... о боже! Нет! Только не это...

Белла улыбнулась своему отражению.

Облизнула губы, осмотрела зубы. Ужас, до чего она тусклая! Белла стала рыться в сумочке. Она искала помаду, или блеск для губ, или, на худой конец, подводку для век. Ничегошеньки! Ладно хоть платье правильное, а то прямо хоть беги! Правда, платье не ее лично, но тоже вполне себе. Белла поправила бюстгальтер, приспустила платье на плечах, чтобы обнажить ключицы. Ей хотелось танцевать или смотреть какое-нибудь шоу. А лучше – и то и другое. Уж сегодня она развлечется на славу!

Захлопнув за собой туалетную дверь, Белла направилась прямо к выходу, причем мимо Элиота Нельсона.

– Салли, куда же вы? – воскликнул Элиот.

Белла обернулась, шагнула назад. Она в первый раз видит этого типа. Не первой молодости, конечно, но, судя по прикиду, готов пуститься во все тяжкие. Белла уселась к нему за столик и выдала:

– Привет. Клево выглядишь.

Незнакомец удивился.

– Что с вами, Салли? Вас несколько минут не было – и такая разительная перемена!

– Лучше зови меня Беллой. Меня так называют самые близкие люди.

– Беллой?

– Ну да. А тебя как называть?

Он растерянно огляделся, будто рассчитывал увидеть кого-то третьего.

– Как правило, друзья зовут меня Элиотом.

– А я смотрю, кольца-то обручального у тебя нету, Элиот.

Он хохотнул.

– Хвала господу, третья жена ушла пару лет назад. С тех пор я живу в свое удовольствие.

Беллины пальцы пробежались по лавандовому шелку.

– Удовольствие может быть разным, Элиот. Что-то мне подсказывает, что ты отлично танцуешь. А мне ужасно хочется потанцевать. Сто лет не танцевала. Ты диско любишь? А рок? Отлично! А не хочешь задать ритм?

– Вы... ты снова другая.

Белла улыбнулась и облизнула губы.

– В обольщении нужно разнообразие, милый.

– Помнишь, о чем мы говорили перед тем, как ты пошла попудрить носик?

Белла изобразила работу мысли.

– Смутно. Наверно, я задумалась о своем, о девичьем. Ладно, хватит разговоров. Мы же развлекаться пришли. В смысле, я не люблю заморачиваться сама и заморачивать других. Так хочешь танцевать, Элиот?

– В общем, да. Только я планировал сначала поужинать, а потом махнуть в кино...

– К черту кино. Я люблю живые представления. Хочется чем-нибудь настоящим заняться. Посмотреть шоу, потанцевать, потом выпить, потом... потом развлечься по-взрослому. Можно и наоборот – сначала развлечься по-взрослому, потом потанцевать, потом...

– Желание дамы – закон. Как насчет покушать?

– Покушать я всегда успею. А сейчас мне подавай музыку, огни, ритм. Я и забыла, когда в последний раз танцевала. Меня просто распирает.

– Тогда поехали в дансинг, детка. Мне вдруг тоже захотелось растряситься. Есть одно милое местечко. Я там завсегдатай.

Элиот заплатил за напитки, оба выскочили на улицу и стали ловить такси. Элиот распахнул перед Беллой дверцу, уселся с ней рядом и велел шоферу ехать в клуб «Черный кот».

– Поразительно, как ты переменялась.

Белла вдруг обняла его за шею, прижалась к нему и поцеловала в губы. Буквально присосалась, как пиявка.

– Ничего себе! – выдохнул Элиот, когда Белла, наконец, отпустила его. – Я думал, тебе танцевать хочется.

– Хочется.

– Ну и как я теперь буду танцевать, когда ты меня завела?

Белла хихикнула.

– Ой, прости. Я как-то не подумала.

Она накрыла ладонью его мошонку и вдруг стиснула.

– Ой!

– Тише, малыш! Ну-ка, успокаивайся! Ложись!

– Тебе легко говорить!

Элиот обнял Беллу, но она вывернулась.

– Ишь какой хитрый! Нет, сначала танцы, потом шоу, и только потом мы поедем к тебе и выпустим пар.

Она подалась к Элиоту, кончиком языка коснулась угла его губ.

– Прежде чем жалить, надо было погремушкой погременуть, – посетовал Элиот.

Едва такси остановилось, Белла, не дожидаясь, пока Элиот расплатится, выскочила и взлетела на крыльцо. Она сразу поняла: заведение рассчитано на юнцов в активном поиске.

– Не пори горячку, Белла. Успеешь!

– А ты не копайся! Пошевеливайся, а то этак и ночь впустую пройдет.

Элиот расплатился с таксистом, задыхаясь, догнал Беллу.

– Не пройдет и не впустую. Не спеши. Я за тобой угнаться не могу. Время детское еще.

– Нет, я буду, буду спешить! Я уже не могу остановиться! Я завелась! – кричала Белла, перекрывая грохот музыки, вертась на танцполе. – Жизнь проходит! Есть только «сейчас» и никакого «потом». Живи настоящим, как я!

– Ничего не слышу! – крикнул Элиот и задергался неумело и не в такт, словно заводная игрушка.

– Не суть! – отозвала Белла.

Музыка наполнила ее, но чем больше Белла танцевала, тем больше ей хотелось танцевать. Каждая клетка ее тела откликалась на звуки, на ритм. Звук поднимался по ногам к бедрам, массировал напрягшиеся соски. Белле хотелось сорвать одежду и танцевать обнаженной.

– Ты прекрасна, – сказал Элиот, когда Белла, наконец, села к нему за столик.

– Продолжай.

– Ты – самая восхитительная, непредсказуемая, необычная, привлекательная, сумасшедшая женщина из всех, кого я встречал. Второй такой нет.

– Тут ты прав, Элиот, – шепнула Белла.

– А еще ты – самая непонятная, самая загадочная, самая изменчивая, самая провоцирующая...

– Кто провоцирующий? Малышка Белла – провоцирующая?

– Я только одного боюсь.

– Чего ты боишься, милый?

– Боюсь, что ты снова переменишься. Пойдешь носик попудрить – и вернешься другой. Или, допустим, я моргну, а когда открою глаза – передо мной будет совсем не та женщина. А ведь я еще не успел толком обнять тебя, не успел...

– Все потому, что я – величайшая в мире актриса. А вот серьезных разговоров я не люблю. Я пришла развлекаться.

– Нет, мы должны это обсудить.

Белла поднялась из-за стола.

– Будешь продолжать в том же духе – уйду, так и знай. Я такая, какая есть. Не нравится – пожалуйста, никто тебя не держит. Начнешь выпрашивать, кто я да что я – все, прости-прощай. Ясно?

– Ах, Синдерелла, постой, не ускользай. Я не хотел тебя обидеть.

Белла снова уселась.

– Я тебе не Синдерелла. Никогда больше не называй меня этим именем. Я могу сыграть любую роль – только не эту.

– Не буду, не буду. Прости.

– Лучше расскажи о себе. Чем ты на жизнь зарабатываешь?

Элиот напрягся, и Белла мигом сообразила, что допустила ошибку. Она хотела сбежать, но Элиот стиснул ей кисть руки.

– Я – владелец ресторана, где ты работаешь, Белла. Точнее, совладелец. Один из партнеров. А ресторан называется «Дорога из желтого кирпича».

– Я в курсе, – заговорила Белла, стараясь сгладить впечатление. – Спросила, только чтобы подразнить тебя.

– В таком случае ты и правда величайшая в мире актриса.

– Об этом я всегда мечтала. Если б только мне выпал шанс, уж я показала бы им всем, как надо играть. Я бы состояние сделала на песнях и танцах.

– Не сомневаюсь.

– А еще я умею играть на сцене. По-настоящему. У меня была пара ролей – правда, не в бродвейских постановках и даже не во внебродвейских, но все-таки^[8]. Меня хвалили. Мне хлопали.

– Послушай, Белла, почему бы тебе не выступить в нашем заведении? У нас тоже бывают шоу. Ты могла бы спеть, или станцевать, или еще что-нибудь сделать, на свой вкус.

– С удовольствием. Нет, честно. Это было бы здорово.

И Белла надолго приложила к его губам.

– Поедем, Белла?

– Куда?

– Ко мне домой. Или к тебе.

– Я хочу танцевать.

– Господи! Ты решила всю ночь здесь провести?

– Почему бы нет? Ночь – самое время для танцев. По утрам никто не танцует и днем тоже.

– У меня ноги гудят, – пожаловался Элиот. – Я хочу есть. И тебя.

– А я хочу танцевать.

Дальше она танцевала или одна, или с посторонними мужчинами. Все ее тело, до последней клеточки, подчинялось ритму. Оно и понятно: таким способом, отдаваясь музыке и танцу, Белла цеплялась за реальность. Ведь для нас, для альтеров, и правда существует только «здесь» и «сейчас». Белла была уверена: стоит ей остановиться – и все изменится. Это будет конец первого акта, занавес упадет прежде, чем она покажет зрителям все, на что способна. Эта мысль страшила ее. А потом Белла почувствовала боль в основании затылка. О, как отчаянно она пыталась побороть эту боль! Несправедливо! Это же чудовищно несправедливо! Белла только-только начала – а ее уже гонят обратно. Ей стало трудно дышать. Перед глазами все поплыло, и Белла грохнулась на пол.

* * *

Салли открыла глаза и закашлялась от резкого запаха. Ее приводили в чувство нашатырем.

Она огляделась.

– Где я? Что случилось?

– Вы упали на танцполе, – пояснил владелец клуба, закручивая крышечку пузырька с нашатырем. – Вам лучше? Может, врача вызвать?

– На танцполе? Я думала, что я... что я... В общем, я пошла в уборную, и там...

Владелец клуба переглянулся с Элиотом.

– Разве она ходила в уборную?

– Ходила, ходила, – подтвердил Элиот. – Ей стало дурно, вот она и пошла. Я отвезу ее домой. Не волнуйтесь.

– Который час? – спросила Салли.

– Половина двенадцатого.

– Ужас! Элиот, отвезите меня домой, пожалуйста. Прошу вас! Поскорее!

В такси Салли заметила, что Элиот смотрит на нее крайне подозрительно.

– Может, объяснишься?

– Я упала в обморок, только и всего.

– Нет, Белла, не только и не всего. Произошло что-то еще.

– Почему вы называете меня Беллой? Вы мне в пепси-колу чего-то подсыпали, да?

– Конечно, нет!

– Мы были в баре. Вы купили мне диетическую пепси-колу, я выпила – и очнулась на полу в клубе. Значит, мне в стакан налили чего-то не того.

– Послушай, Белла...

– Не называйте меня Беллой. Вы отлично знаете, что мое имя – Салли.

– Хорошо. Послушай, Салли, я пока не пойму, что с тобой такое происходит. Я за тобой наблюдал весь вечер. Тодд говорил правду. Ты просто как доктор Джекилл и мистер Хайд, только женского рода. То сидишь спокойно и отзываешься на имя «Салли», а потом идешь в уборную – и возвращаешься уже Беллой. Ты в курсе, что ты три часа без передышки протанцевала? Потом потеряла сознание. Очнулась – и ты снова Салли. Может, ты и величайшая в мире актриса, да только...

– Элиот, я не умею танцевать. Я вообще не танцую. Никогда.

Он прямо глаза выпучил.

– Ты не танцуешь? Рассказывай! Я сам видел!

– Я неловкая. Не попадаю в такт. Двигаться не умею. Людей стесняюсь.

– А кто обещал выступить в «Дороге из желтого кирпича»? Скажешь, не ты? Кто грозился петь и плясать?

– Точно не я. Да я умру, если перед публикой окажусь.

Элиот сник на кожаном сиденье.

– Если бы я все собственными глазами не видел... если бы собственными ушами не слышал... А знаешь, что самое интересное? Эти две женщины, которых я сегодня наблюдал, очень сильно отличаются от третьей женщины – от той, что у меня в заведении работает официанткой.

Салли притихла. В груди шевелился противный холодок, на глаза наворачивались слезы.

– Салли, ты к психиатру обращалась? Тебе определенно нужна медицинская помощь.

Она кивнула.

– Я потому и на работу пошла. Психиатр стоит дорого, алиментов не хватает...

До самого дома Элиот молчал. У подъезда расплатился с таксистом, пошел вслед за Салли. Заметил в темной витрине манекен, остановился.

– Эй, Салли! Там коп!

– Не волнуйтесь. Это не живой человек. Это манекен в форме. Его зовут Мерфи.

– Что-что?

Салли подвела Элиота ближе к витрине, где, подняв правую руку, а в

левой сжимая дубинку, застыл безмолвный страж.

– Мистер Гринберг его на ночь выставляет. Вроде охранника. Потому что к нему в ателье уже четыре раза залезали воры. Выносили готовую одежду. И мистер Гринберг придумал – нарядил манекен. Надеется, воры в темноте примут его за настоящего копа.

– Это вряд ли, – заметил Элиот.

Салли пожала плечами.

– Мистер Гринберг говорит, люди обычно не присматриваются. Тем более в темноте. Тем более хулиганы. Они будут реагировать на полицейскую форму и грабить другие магазины. Психологический эффект называется.

Элиот рассмеялся.

– А пожалуй, этот твой мистер Гринберг прав. Спокойного вам дежурства, офицер Мерфи!

Салли приблизилась к своей двери, села на ступени.

– Ты уверена, что тебе не нужна помощь? – уточнил Элиот, глядя на нее сверху вниз.

Салли чуть подвинулась – дескать, присаживайтесь.

– Мне сейчас не хочется домой. Давайте поговорим. Расскажите о себе, Элиот.

Он уселся рядом.

– О, это мой любимый конек. Что именно рассказать?

– Как вы с Тоддом стали партнерами? Как решили заняться ресторанным бизнесом?

Элиот улыбнулся, оперся локтем о верхнюю ступеньку.

– Ресторан принадлежал мне одному до середины семидесятых. Отец меня отправил в колледж. Хотел, чтобы я стал ветеринаром. Я честно отучился, у меня и диплом имеется. А потом выяснилось, что у меня аллергия на шерсть животных. – Элиот хлопнул себя по колену. – Но я ничуть не огорчился. Мне хотелось чего-нибудь захватывающего.

– Как вы это поняли?

– Просто пошел по дороге из желтого кирпича. А вела она с гор Западной Вирджинии.

– Я не понимаю.

– Желтыми кирпичами у мошенников принято называть разные заманушки для простаков. Якобы выгодные капиталовложения. По аналогии с золотыми слитками. Мой отец тоже был мошенником. Только вместо дутых золотых слитков он впаривал легковверным акции угольных шахт. Тот уголь содержит столько серы, что его только в аду и можно жечь.

Обычные дома отапливать не годится. Для отца дорожка оборвалась в Нью-Йорке. Он разорился и загремел в тюрьму. Но прежде успел купить ресторан и записать на мое имя. Это и было мое наследство.

– А как Тодд стал вашим молчаливым партнером?

– В семидесятые, во время рецессии, мне приходилось туго. Помните, тогда еще действовало первое эмбарго на арабскую нефть? Я чуть не потерял бизнес. А Тодд как раз выиграл в покер крупную сумму. Вот и решил вложиться в мой ресторан. Потом ему перестало везти в карты. Невезение длилось полгода. В конце концов Тодд с игрой завязал. И все, что у него осталось – доля в «Дороге из желтого кирпича». Вам кажется, что для успешного партнерства у нас с Тоддом слишком большая разница в возрасте? Может, и так, да только мы подружились. По-настоящему.

– Это здорово.

Оба замолчали. Первым заговорил Элиот.

– Ну, Салли, теперь ваша очередь. Так что же действительно случилось нынче ночью, а?

Салли, до того улыбавшаяся, помрачнела.

– Вы правда не помните, что происходило с тех пор, как вы пошли попудрить носик в баре, и до тех пор, как очнулись в дансинге?

Салли покачала головой.

– Правда. Полный провал.

– Имя «Белла» что-нибудь вам говорит?

Она уставилась на свои руки.

– Ко мне иногда так обращаются. Люди, которых я впервые вижу. Утверждают, что знакомы со мной, видели там-то и там-то. Наверное, по соседству живет женщина, похожая на меня. Бывают же двойники...

– Вернувшись из уборной, вы попросили меня называть вас Беллой.

– Не может быть.

– И вы вели себя как совершенно другая женщина. Вы были очень веселы, оживлены и – как бы это помягче сказать – настроены на романтическое продолжение вечера. Вы танцевали в прямом смысле до упаду. Целых три часа.

Салли долго смотрела на Элиота с сомнением, а потом вдруг заплакала.

– Нет, только не слезы! – взмолился Элиот. – Я не хотел вас обидеть. Просто должны же вы знать, что с вами происходило. По-моему, Салли, вам срочно нужно принимать меры. Обратитесь к врачу. Наверняка ваше расстройство – пустячное. Вас мигом вылечат. И вот еще что: у вас отныне есть друг. Звоните мне в любое время дня и ночи. А насчет работы не

волнуйтесь. Если что, я вас прикрою.

– Спасибо, Элиот, – всхлипнула Салли. Вытерла слезы, улыбнулась. – Мне такие славные люди еще не встречались.

Элиот проводил Салли до двери квартиры, она протянула ему руку. Он эту руку пожал и пожелал ей спокойной ночи.

Переступив порог, Салли по привычке обошла все комнаты, убедилась, что в квартире никого нет. Потом уставилась в зеркало. Она боялась, что оттуда глянет чужое, незнакомое лицо.

– У тебя крыша едет, – сказала Салли самой себе.

Легла в постель и стала смотреть в потолок.

Салли уснула нескоро. Ей снилось, будто она танцует на пляже с Элиотом. Только это был не Элиот, а Мерфи, и не она, а манекен по имени Белла. Два манекена, Мерфи и Белла, танцевали на берегу океана, постепенно заходя в воду все глубже и глубже, пока волны не разделили их, пока они оба не захлебнулись.

Глава 4

Следующей ночью Салли снилось ровно то же самое. В пятницу она рассказала о своем сне доктору Эшу. Тот велел Салли лечь на кушетку и пуститься в спонтанные ассоциации на тему танцующих манекенов. Вот какой ассоциативный ряд получился у Салли: манекены... одежда... гладкая твердая поверхность... танец... расставание... обнаженное тело... смерть... Синдерелла...

На «Синдерелле» ее заклинило. Ассоциации иссякли.

– Давайте вернемся назад, – предложил Эш. – О чем вы думали, когда произнесли слово «расставание»?

– Ни о чем, – сказала Салли.

– Ваше подсознание пытается навести вас на некую мысль. Вы должны открыться. Вы должны стать реципиентом для этой мысли, иначе ваш мозг не сумеет помочь вам, Салли.

– Ничего не понимаю.

– Салли, я могу вас вылечить. Но только в вашей власти позволить мне это сделать, ибо мое лечение предполагает задействование вашей памяти. Вы блокируете разум от воспоминаний. Что ж, попробуем зайти с другого бока. Итак: о чем вы думали, когда произнесли имя «Синдерелла»?

– О смерти.

– Почему?

– Синдереллой звали мою кошечку. Она умерла.

– Отчего она умерла?

– Не помню. – При этих словах Салли заплакала. – Я столько всего не помню, ужас!

– О чем вы думали, когда произнесли слово «танец»?

Салли поерзала на кушетке и после долгой паузы сказала:

– Нет, я кое-что вспомнила про Синдереллу. Мне пришло на ум имя «Дерри». Дело в том, доктор, что я одну свою куклу назвала Дерри, потому что «Дерри» – это середина имени... Ой, кажется, я об этом уже рассказывала?

– Вы помните, как рассказывали мне об этом?

– Нет, не помню. Но мне кажется, что рассказывала. Было такое?

– Было. Под гипнозом вы рассказали про Дерри, но после ничего не помнили.

– Вот-вот! После провалов то же самое! Не помню, что говорила, что

делала. Все так мутно...

Салли замолчала.

– Вы хотели рассказать про ассоциации со словом «танец».

– Разве?

– Именно так, – с улыбкой подтвердил доктор Эш. – Но вы отвлеклись, стали ассоциировать по касательной.

Салли снова поерзала. Кушетка, обитая дерматином, показалась ей слишком мягкой, готовой, подобно трясине, поглотить ее тело.

– Я не умею танцевать, – сказала Салли. – Никогда не умела. Я неуклюжая. Ритма не чувствую. Терпеть не могу танцы.

Доктор Эш кивнул. Салли передернуло от отвращения, потому что перед глазами у нее возник смутный образ молодой женщины с длинной гривой рыжих волос, и тут же всплыло имя «Белла».

– Позавчера я ходила на свидание с одним из моих боссов. С Элиотом. Он сказал, что я танцевала и называла себя другим именем.

– Как вы называли себя?

– Белла.

– Вы когда-нибудь называете себя Беллой?

– Конечно, нет! Правда, у меня была кукла Белла...

– Почему вы замолчали? Продолжайте.

– По-моему, я уже рассказывала про эту куклу.

Эш кивнул.

– Верно. Вы называли мне имена всех своих кукол.

– Под гипнозом?

– Да.

– Почему я ничего не помню?

– Воспоминания связаны с болью. Вы не помните, потому что не хотите помнить.

– Но ведь если я не буду помнить, я не поправлюсь?

– Постепенно вы примете свои воспоминания. Только не надо спешить.

Салли села на кушетке и спросила, глядя в пол:

– А я говорила вам, что эти куклы потом стали моими воображаемыми подружками? Что я с ними беседовала и делала вид, будто они мне отвечают?

– Вы упоминали про разговоры с Беллой.

– Друг с другом они не общались. Только со мной. А я про них никогда никому не рассказывала. Я организовала клуб, понимаете? Только я и мои воображаемые подружки. Клуб назывался «Тайная пятерка». Там были

Дерри и Белла... и Нола. И еще одна – не помню имени – из-за нее всегда возникали проблемы. Я устраивала чаепития – понарошку. Представляла, как мои «девочки» пьют чай и едят печенье, длинненькое такое, называется «дамские пальчики». Я обсуждала с ними занятия в школе, мальчиков и разные важные вещи.

– Что случилось с вашими «девочками»?

– Не знаю.

– Когда вы в последний раз общались с ними?

– Кажется, клуб распался, когда я начала встречаться с Ларри.

– А точнее?

– Сразу после выпускного.

– Как именно вы распустили клуб?

Салли долго смотрела на Роджера Эша, недоумевая, почему вдруг доверила ему самую страшную свою тайну. Эш морщил лоб – явно сочувствовал.

– Я просто сказала девочкам, что они мне больше не нужны. А Дерри отвечает: нет, от нас так просто не отделаешься. Раз, говорит, ты нас придумала, мы не исчезнем. А Нола сказала, что у них тоже есть права.

– А вы что сделали?

– Я их всех выбросила из головы. Заняла голову другим.

Эш кивал: дескать, продолжайте.

– С тех пор провалы стали чаще. И длились дольше. Я не помнила, что делала целыми неделями. Потом мне говорили, что именно. Всякие вещи. Которые я никогда бы не стала делать...

– Например?

– Например, Элиот сказал, что я назвалась Беллой и танцевала до упаду. В прямом смысле до упаду...

– А сами вы что думаете по этому поводу?

– Я ничего не понимаю. Сначала я думала, что я – чокнутая, но вы говорите, что я вроде нормальная...

Эш покачал головой и повторил наставительно:

– Вы не чокнутая, не сумасшедшая, не психическая... Так принято называть людей, слишком оторвавшихся от реальности – настолько, что сама жизнь в обществе становится для них невозможной. Или так говорят о людях, представляющих опасность для себя и для других. О тех, кого необходимо лечить в специальных закрытых учреждениях, дабы избежать этой опасности.

– Ну а я тогда кто?

– До недавнего времени ваше расстройство называли неврозом.

Однако сейчас уже ясно, что «невроз» – название слишком общее. Мы, психиатры, используем другой термин – диссоциативное расстройство личности. Сюда входят потеря памяти, психогенная фуга, сомнамбулизм, а также состояние, описанное совсем недавно – расщепленная личность.

Салли кивнула.

– Вот-вот – потеря памяти. Как раз про меня. Это лечится, доктор?

Роджер Эш поднялся, шагнул к столу.

– Конечно, лечится. Но при условии, что вы примете разумом свое расстройство. Это будет ваш первый шаг на пути к излечению. Вторым шагом станет эмоциональное принятие. Вы должны поверить, прочувствовать ваше состояние; вы должны точно представлять себе все. Лишь тогда я смогу вам помочь.

Салли сообразила: Роджер Эш пытается донести до нее некую мысль.

– Доктор, вы намекаете, что у меня не простая потеря памяти?

Он кивнул.

– Но у меня ведь не... не это, как его – расщепление?

Эш положил ладони ей на плечи.

– Салли, к сожалению, вы страдаете именно расщеплением личности. Ваши воображаемые подружки отделились, зажили каждая своей жизнью и стали так называемыми альтерами. Поэтому-то вам и приписывают поступки, которых вы не помните. Вы совершали их, находясь под контролем того или иного альтера.

Салли понурилась.

– Вон оно что. Теперь понятно. А я-то все голову ломаю, все ломаю...

На самом деле Салли думала: «Неправда. Не может быть». Все аргументы Эша, высказанные и те, что он только собирался привести, наталкивались на ее неверие.

– Нам с вами, Салли, предстоит серьезный труд. О расщеплении личности пока известно очень мало. Методы лечения толком не опробованы, каждый врач полагается в основном на интуицию. Главное – примите свое состояние. Тогда мы сумеем разработать стратегию. Тогда, возможно, я вас вылечу.

– Спасибо, доктор. Я буду вас слушаться.

– Увидимся на следующей неделе.

По дороге домой Салли думала: «Ага, разбежалась я деньги тратить! Он мне какой-то нелепый диагноз шьет. Расщепленная личность! Что за чушь! Должно быть другое объяснение – правдоподобное».

В ту ночь она долго ворочалась в постели и наконец решила: надо себя «учитать». В шкафу была пропасть книг (Салли не помнила, как их покупала). Например, «Критика чистого разума» Канта и «Поминки по Финнегану» Джойса. Перелистывая страницы, Салли моргала и жмурилась. Ничегошеньки не понятно. Раздосадованная, она бросила книги на пол. Как ее вообще угораздило купить эту заумь?

Салли раскрыла брошюру под названием «Новая женщина: равноправие сегодня». Ей попалось на глаза имя «НОЛА», написанное уверенным почерком, печатными буквами на первом развороте. Салли скорчилась над книгами, которые минуту назад швырнула на пол. И в них тоже красовалось это имя – Нола.

Наверно, Салли надписала так книги шутки ради, а потом забыла. Нельзя же, в самом деле, все помнить!

За книгами, в глубине шкафа, обнаружилась коробочка с вибратором и рекламка нового крема для упругости кожи. Ну ладно – книги; а вибратор когда Салли успела купить? Еще она нашла два журнала «Плейгерл», свернутые в трубку. Салли открыла один журнал на середине, охнула, выронила. Что за гадость! Неужели и это она сама купила? Исключено; совершенно исключено. Салли никогда не стала бы разглядывать фото голых мужчин.

Ларри покупал и читал «Плейбой». Пялился на фото голых женщин. И на всякие прикормы, чтоб развлекаться «по полной программе». Вспомнить противно, что Салли была замужем за таким моральным уродом!

Она снова улеглась в постель, но спать не могла. Стоило ей задремать – перед глазами возникало море, только вместо манекенов Мерфи и Беллы снились близнецы, дрейфующие на волнах. Потом близнецов выносило на берег – облепленных водорослями, скрюченных, перекореженных морем.

Очнувшись в очередной раз от кошмара, Салли долго не могла прийти в себя. Пусть сейчас глухая ночь, надо позвонить бывшему мужу, узнать, здоровы ли дети. Она позвонила. Ларри ответил сонным и недовольным голосом.

– Извини, Ларри. Не сердись. Мне просто приснился дурной сон о наших детях. Будто они утонули.

– Пенни и Пэт в полном порядке.

– Можно мне с ними поговорить?

– Они давно спят. Ты в курсе, что сейчас два часа ночи?
– Я имею право поговорить со своими детьми.
– Твои права кончились, Салли.
– Ларри, пожалуйста, хотя бы сходи к ним, проверь, как они. У меня дурное предчувствие.

– Тоже мне новость – предчувствие твое... Ладно, схожу. Подожди на телефоне.

Салли ждала и прислушивалась. Там, в чужом доме, звенел чужой женский голос. Чужая женщина – Анна – спрашивала, кому это не спится.

А потом она сама взяла трубку.

– Ты что, не можешь оставить его в покое? Названиваешь днем и ночью. Мы из-за тебя рехнемся скоро. Не уймешься – обратимся в полицию.

– Кто названивает? Я названиваю? Да я несколько месяцев не звонила!

– Врешь. Ты нас подняла вчера среди ночи, и позавчера тоже. Чего тебе надо? Ты в уме вообще? То ты хочешь, чтоб Ларри к тебе вернулся, то грозишься его убить, и Пэта заодно... Судья говорит, если так будет продолжаться, он тебя навечно лишит права общаться с детьми.

– Нет! – взывала Салли. – А ты сама – какое ты право имеешь на моих детей? Я их мать, Ларри – отец, а ты им чужая...

– Я, может, и чужая, зато адекватная. А вот по тебе психушка плачет. Не перестанешь лезть в нашу жизнь...

Послышался шепот Ларри:

– Успокойся, Анна. Она больной человек, с ней надо мягче...

– Пока ты с ней мягче, она нас обоих в гроб вгонит...

Они еще некоторое время препирались, наконец Ларри взял трубку.

– Дети спокойно спят, Салли, не волнуйся. Теперь послушай. Я понимаю, у тебя сейчас проблемы, и все такое. Но Анна права. Нехорошо звонить по ночам, беспокоить людей. Постарайся больше так не делать, Салли.

– Я только один раз позвонила, и то из-за дурного сна! Почему Анна говорит, будто я названиваю каждую ночь? Я все еще люблю тебя, Ларри.

– Что? Опять снова-здорово? Когда ты прекратишь эти свои манипуляции? Когда перестанешь лгать? За последний месяц ты нас три раза будила. Мало того, что ты домогаешься меня на работе, так тебе еще непременно надо звонить после двух ночи! Ты меня достала уже! Сколько можно? Чего ты добиваешься? Ты разрушила наш брак; ладно. Я начал новую жизнь, так ты и тут покоя не даешь. Больше года прошло, а тебе все нейдет! Когда ты только образумишься?

– Я лечусь, Ларри. У психиатра. Мне уже лучше. И у меня теперь постоянная работа. Я работаю официанткой. Скоро сама смогу себя обеспечивать, без твоих алиментов. Я не хотела тебя беспокоить, просто я все время думаю о тебе. Знаешь, как это тяжело? И я волнуюсь за детей.

– Зря волнуешься. Мы с Анной о них заботимся.

– Анна им не мать. Я их мать, и я – твоя жена.

– Салли, не начинай. Мы с тобой развелись. Теперь я женат на Анне. Она любит Пенни и Пэта как родных детей.

– Как родных? Быть не может! Потому что они ей не родные. Это мои дети, Ларри! Я их никому не отдам! Чем с мачехой жить, так лучше уж пусть...

Салли не договорила – перед ней снова возникли два маленьких утопленника. Что она несет? Что у нее за мысли такие?

– В смысле, я не то имела в виду. Прости, Ларри. Я только хочу, чтобы все было у нас с тобой, как раньше...

Раздался щелчок – Ларри повесил трубку.

Салли легла, завернувшись в одеяло. Ладно, по крайней мере, дети живы и здоровы. Можно спокойно спать.

Тут-то я и вышла. А почему нет? Время для выхода не хуже, чем всякое другое. Мой мозг прокручивал сказанное нынче Роджером. Спать совсем не хотелось. Я оделась и пошла поговорить с Мерфи. Сейчас-то я понимаю: это дико звучит, нормальные люди не разговаривают с манекенами. Просто других собеседников у меня тогда не было. Конечно, появился Роджер, но с ним так, как с Мерфи, не потолкуешь. Не поймет. В конце концов, имею я право на собственного воображаемого друга?

Мерфи исправно нес службу в витрине – правая рука поднята, левая сжимает дубинку.

– Привет, Мерфи. Что-то мне не спится. Давай поговорим, – произнесла я и уселась на крыльце. – Как я тебя понимаю, Мерфи! Стоишь на посту ночь за ночью, смотришь, как другие идут развлекаться. Тебе нельзя – ты работаешь. Бдишь. Спорим, у тебя та же мечта, что у меня? Ты ведь мечтаешь, чтобы бог сделал тебя живым человеком, правда? Помнишь сказку про Пиноккио? Мне она всегда ужасно нравилась. Оскар читал ее Салли. Знаешь, Мерфи, чем там дело кончилось? Пиноккио стал человеком. Ты тоже можешь стать человеком. В мире, наверное, миллионы таких, как мы с тобой – воображаемых друзей, – которые хотят стать настоящими.

Мерфи молчал, но я и не ждала от него ответов. Достаточно было, что он меня слушал.

– Видишь ли, Мерфи, в чем проблема... Салли не верит Роджеру. Не знаю, хорошо это для нее будет или плохо, если она смирится с диагнозом, если поймет – мы тоже существуем? Роджер мне сказал, лечение не в том состоит, чтобы меня уничтожить. Думаю, он не лжет. Только вдруг он и сам точно не знает?

Мерфи слушал, по обыкновению, грустно улыбаясь.

– А вдруг Салли или Нола убьет себя? Что тогда будет со всеми нами? Я всегда считала, что после смерти тела души освобождаются, сколько бы их в теле ни было. Если тело Салли умрет, каждая из нас получит по заслугам. Кто-то отправится в ад, а кто-то – в рай. Вряд ли бог пошлет меня на страдания за то, что натворили Джинкс и Белла. Мы-то с Салли – чистенькие. Мы заслуживаем места в раю. А ты как думаешь, Мерфи? Насчет Нолы? Я пока насчет Нолы не решила. Она в целом неплохая, вдобавок образованная. Однако не верит в бога. Поминает имя господи всуе и ужас что говорит о нашем правительстве. У нее всякие идеи – коммунизм во всем мире, а может, и кое-что похлеще. Например, Нола – она за поправку о равных правах^[9], представляешь? Когда она про эту поправку думает, я готова с ней согласиться. Потому что я тоже считаю, все должны быть свободными и равными. Но когда вмешивается Белла, когда начинает объяснять: мол, лучше оставить все как есть, потому что женщины умеют управлять мужчинами исподволь, – тогда я соглашаюсь с Беллой, тогда мне кажется, что Нола ошибается. А еще Нола хочет легализировать аборт. Разве таких, как она, пускают в рай? По-моему, нет. Не то чтобы Нола сильно нагрешила – подумаешь, пару-тройку книжек стырила, – но у нее вредные идеи. Как считаешь, Мерфи, можно угодить в ад за одни вредные идеи, без поступков, а? Например, самоубийство – это же грех, так? А если оно не удалось, значит, и греха не было?

Я отлично представляла, как именно ответил бы Мерфи, если б только мог. Что не знает и что это знать вообще никому не дано.

– Иногда, Мерфи, я думаю про нашу компашку, которую Роджер называет множественной личностью, и мне кажется, если бы одна из нас умерла и отправилась без разницы куда, в ад или в рай, прочие остались бы жить. Тогда я узнала бы, что происходит после смерти, прямоком от очевидца... Занятно было бы, правда?

Я чувствовала, что Мерфи со мной полностью согласен.

– Скажи, Мерфи, разве я не достойна быть живой, настоящей? По-моему, еще как достойна.

Я проговорила с Мерфи до четырех утра. Под конец разговор уже велся силой мысли, я почти умоляла Мерфи помочь мне.

Он благословил меня своей воздетой правой рукой, и мне полегчало. По ходу беседы я в себе много чего открыла, правда-правда. Появилась надежда: даже когда Салли смирится с диагнозом, в ее мире найдется местечко и для Дерри.

* * *

На следующее утро Салли проснулась с чувством стыда – зачем только она звонила бывшему мужу! Сначала она хотела снова позвонить и извиниться, но рассудила, что только взбесит этим Ларри. Определившись насчет звонка, Салли стала прикидывать, что бы надеть. Почему-то все вещи в платяном шкафу казались никуда не годными. Она решила, что пора обновить гардероб.

И поехала на метро в «Хортонз». До самой Тридцать четвертой улицы сидела вся напряженная. Конечно – начиталась про нападения в поездах подземки. В каждом мужчине, особенно в молодом, Салли мерещился преступник. Однако больше всего ее страшили подростки. Вот-вот подскочит какой-нибудь юный наркоман и вырвет сумочку, чтобы наскрести на дозу. Определенно, Нью-Йорк стал кошмарным местом.

Салли вздохнула с облегчением, лишь переступив порог торгового центра. Здесь она бывала частенько, здесь все было почти родное. И все-таки Салли несла сумку именно так, как рекомендовано во всяких памятках, выпускаемых властями, – продев руку в ремешок, плотно прижав к боку.

Она купила два платья, брюки и купальник. Еще совсем недавно Салли ни за что бы не выбрала эти вещи – слишком «молодежные», слишком «дерзкие», на ее прежний вкус. Денег осталось ровно на дорогу домой. Салли решила, что пора бы ей уже завести в «Хортонз» кредитку.

Ступив на эскалатор, она заметила: за ней следит прыщавый тип в джинсах и бежевой ветровке. Салли сошла на втором этаже, хотя ей нужно было вниз, и направилась к лифту. Мужчина заскочил в лифт за ней, держа руки в карманах. Салли вжалась в стену. В затылке нарастала привычная боль. Салли дождется, пока подозрительный тип выйдет, и только тогда нажмет кнопку нужного ей этажа. Лифт приехал на самый верх. Мужчина и не думал выходить. Головная боль чуть отпустила, но зато Салли прошиб мерзкий холодный пот...

Из лифта вышла Нола. На миг задумалась: а что она, собственно, делает в «Хортонз»?

С неудачной попытки утопления Нола впервые вышла из тени. Ей помнился дождь, сырой песок между пальцев, трое под настилом. Надо будет расспросить Дерри, что же там такое случилось.

Нола заглянула в сумку, обнаружила купальник весьма смелого фасона. Уж конечно, Салли не могла такое купить. Это или Белла, или Дерри. Затем Нола прикинула: раз уж она попала в торговый центр, почему бы не пополнить запасы красок и кистей? Увы, в кошельке обнаружилось только полтора доллара. Даже на такси до дома не хватит. И чековой книжки при себе нет.

Нола здорово разозлилась на ту, что затащила ее в торговый центр без наличных и чековой книжки. Потом взяла себя в руки, вошла в отдел художественных принадлежностей, дождалась, пока продавщица отвернется, и прихватила три больших тюбика масляных красок и две кисточки. Все было проделано с привычной ловкостью.

Уверенная, что за ней не следят, Нола шагнула на эскалатор и только тут заметила прямо за спиной прыщавого типа в джинсах и бежевой ветровке. Ну, если он интересуется кошельком Нола, его ждет большое разочарование.

Нола уже собиралась выйти из торгового центра, когда прыщавый взял ее за локоть.

– Я – представитель охраны. Извольте пройти со мной.
– Это на каком же основании?
– Пройдемте со мной. Нужно кое-что прояснить.
– Чем докажете свой статус? Может, вы – карманник. Предъявите удостоверение.

Нола еще надеялась замять дело.

– Вот, пожалуйста. – Прыщавый достал из бумажника удостоверение. – Читайте: «Частное охранное предприятие». Довольны?

Когда прыщавый доставал бумажник, из-под ветровки на мгновение мелькнула кобура.

– Я ничего плохого не сделала, сэр.
– Тогда вам нечего бояться, – резонно заметил прыщавый.
Ноле пришлось пойти с ним.
– Скоро с вами свяжется мой адвокат, – пригрозила она. – Я вас научу, как без повода арестовывать клиентов.

Прыщавый подвел ее к лифту с табличкой «Только для персонала».

– Сейчас, мисс, мы проедем в директорский кабинет. Впрочем, если вас это не устраивает, мы можем...

– Что мы можем?

– Спуститься на нулевой этаж. Там есть подсобка, в которой я время от времени отдыхаю. Ключи – только у меня...

– И дальше что?

– Дальше, если вы будете ласковы со мной, я замну ваше дело.

– И не отберете товар?

– Конечно, нет! – усмехнулся прыщавый. – Не мне же за него платить!

Нола сама нажала кнопку нулевого этажа, рассчитывая выиграть время.

Прыщавый по-хозяйски положил ладонь ей на ягодицы, принялся мять и щупать.

– А ты красотка, – хрипло шепнул он.

– Знаю, – ответила Нола. – А еще я – в твоём вкусе, верно?

Лифт остановился, дверь открылась. Прыщавый повел Нолу между картонных коробок, прямо в заявленную подсобку. Кругом не было ни души. Нола сникла. Выхода из ситуации она не видела. Прыщавый схватил ее за грудь. Нолу затрясло.

– Я смотрю, тебе тоже этого хочется, киса, – ухмыльнулся прыщавый. – Чуть ли не больше, чем мне. – Он расстегнул «молнию» на джинсах. Нола отвернулась и закрыла глаза.

* * *

Едва какой-то прыщавый тип сцапал Джинкс, она отпихнула его изо всех сил.

– Руки убери, урод! Убери, говорю!

Голос был совсем другой, и это озадачило прыщавого. Он свалил дурака – схватил женщину за предплечье. Она применила к нему прием дзюдо, и через миг он уже валялся на бетонном полу. А женщина, точно дикая кошка, прыгнула ему на грудь, коленом придавила мошонку и принялась душить.

– Я тебя прикончу, ублюдок! Так и знай, тебе кранты!

Она обладала нечеловеческой силой. У парня глаза вылезли из орбит. Женщина нащупала пистолет у него на груди и мигом им овладела, прошипев: «А вот это кстати!»

Затем приставила дуло к виску парня, и тот от ужаса лишился чувств.

– Будешь знать, козел, как домогаться приличных женщин!

Бесчувственное тело она задвинула в угол, придала ему позу спящего, а пистолет отправила в сумочку. Закрыла дверь подсобки и долго блуждала

среди коробок, пока не обнаружила лифт для персонала. Вошла, нажала кнопку первого этажа и поспешно покинула торговый центр через ту дверь, что вела на Седьмую авеню.

На метро Джинкс добралась до дома. Вытрясла сумку, скривилась при виде одежды, красок и кистей. С удовольствием убедилась, что револьвер тридцать восьмого калибра полностью заряжен. Надо спрятать его понадежнее, чтобы остальные не нашли... Джинкс поместила револьвер в целлофановый пакет, дождалась темноты, добыла лопату и через черный ход проникла на задний двор. Удостоверилась, что за ней не следят, вырыла яму в правом углу двора, спрятала револьвер и забросала это место сорной травой.

Довольная, вернулась в квартиру, легла на диван и мгновенно заснула.

Проснувшись поздним утром, Салли долго пыталась вспомнить, где была и что делала накануне. Память подсовывала лифт в торговом центре «Хортонз» и страх, как бы прыщавый парень в джинсах не украл ее сумочку. Но это было почти сутки назад. Что произошло в промежутке? Руки выпачканы землей. Почему они грязные и почему Салли их не вымыла, прежде чем ложиться спать?

Она принялась искать сумку с покупками. К ее облегчению, сумка обнаружилась в шкафу. Салли достала новую одежду, аккуратно повесила на плечики. Заметила две кисточки и три тюбика с масляными красками – желтой, кобальтом и синей жженой. Откуда они взялись? Чеки за платья, брюки и купальник присутствовали, чеков за кисти и краски не было. Возможно ли такое? Если Салли купила краски и по рассеянности забыла об этом, должны быть чеки. А раз чеков нет, значит...

Салли не позволила себе облечь догадку в слова.

Она приняла душ и надела старое платье с цветочным принтом. Кое-как позавтракала, не переставая думать о красках и прочем. Головоломка не складывалась. Вот так стараешься изо всех сил, а толку никакого. Провалы глубже, чем когда-либо. Салли что-то делает, куда-то ходит – и ничегошеньки не помнит. Если доктор Эш в ближайшее время не найдет причину расстройства, Салли загремит прямехонько в дурдом. По дороге на автобусную остановку она купила «Дейли Ньюс» и прочла статью о нападении на сотрудника охраны торгового центра «Хортонз». Статья занимала целый разворот, Салли долго смотрела на фото прыщавого охранника.

Он заявил, что подвергся нападению магазинной воровки, похитившей кисти и краски. Воровка держала в руках большую красную сумку и пакет для покупок с символикой «Хортонз». Салли запаниковала. Прыщавый

описал ее очень точно: темная шатенка среднего роста с испуганным лицом. Этот-то испуг и навел охранника на подозрения. Дальше шли факты, которые не лезли ни в какие ворота: испуганная шатенка якобы превратилась в бешеную дикую кошку, чуть не задушила парня и забрала его оружие. Салли затрясло. Надо все как следует обмозговать. Нет, надо ехать на работу. Она потом про это подумает.

Хорошо, что сегодня дежурит Тодд. Салли совсем не улыбались расспросы Элиота о свидании и тем более его щипки на кухне. Однако и Тодд смотрел как-то подозрительно. Несколько раз порывался что-то спросить, но отворачивался, интенсивно жуя неизменную зубочистку. Он что – тоже читал статью в «Дейли Ньюс»? И догадался, что речь идет о Салли?

Было время ланча, когда посетителей мало. Я решила, Салли и сама справится. Она действительно почти не напортачила, и никто ее не кадрил, так что мне удалось отдохнуть.

Выходя из ресторана, Салли не заметила, что за ней следит Тодд. Из головы не шли прыщавый охранник и похищенный револьвер. В мозгу кто-то отчетливо произнес слово «церковь». Честное слово – не я и никто из наших. Бывает, людям в голову лезут всякие такие мысли, хотя даже мне слышался некий голос. Пока Салли ждала, чтобы на светофоре загорелся зеленый, я снова заметила Тодда. Он стоял на противоположной стороне улицы. Салли его не видела. От нашего ресторана до собора Святого Михаила всего два квартала. Салли, помня, что говорил доктор Эш насчет внутренних голосов, сняла с шеи кашне, покрыла им голову и вошла в церковь.

Полумрак заставил ее вздрогнуть. После дневного света она в первые секунды ничего не видела. Исповедальни показались телефонными будками. Салли представила, как сейчас войдет в такую будку, закажет «межгород» с богом и спросит, почему в ее мозг все время поступают странные сигналы и почему связь то и дело прерывается. Но разве на небесах есть телефоны? А если есть, то какой там код? И можно ли позвонить богу напрямую или сначала нужно пробиться через секретаря? И вообще, едва ли его номер включен в телефонную книгу.

Для начала нужно вспомнить свои грехи. Она напрягала мозг, но не вспомнила ни единого. Так не бывает. Не может человек вовсе не иметь грехов. Не далее как утром Салли читала о магазинной воровке, однако и сердце, и разум молчали. С другой стороны, если Салли безгрешна, почему ей так тяжело? Почему она чувствует себя беспомощной? Неужели можно натворить столько ужасных вещей и напроць забыть об этом?

Так она стояла в центральном нефѐ, пока на нее не стали коситься. Тогда Салли опустилась на колени, осенила себя крестным знаменiem, после чего скользнула на скамью и уже там начала молиться. Ее не отпускало ощущение, что в церковь вслед за нею кто-то проник. Салли подняла глаза и увидела Тодда. Наверняка ему все известно. Он читал «Дейли Ньюс», узнал Салли по описанию. Она хотела заговорить, но затылок пронзила боль. Часы показывали 14.23. Салли закрыла лицо руками, склонила голову, но была вытеснена прежде, чем успела прошептать «Радуйся, о Мария, благодати полная...».

Глава 5

Нола приготовилась выскочить из подсобки. Пускай прыщавый зовет полицию, если хочет. Но вдруг перед ней оказались алтарь, Распятие и ряды свечек.

– О нет! – пробормотала Нола.

– Салли, вам нехорошо?

Она обернулась. Вместо прыщавого охранника возник молодой блондин. В его синих глазах читалась неподдельная тревога. На блондине были джинсы и белая рубашка с закатанными рукавами.

Нола не ответила, молча поднялась и пошла прочь из церкви. Блондин последовал за ней и уже на улице произнес:

– Вы сегодня какая-то странная, Салли. Может, вам хочется излить душу?

Нола замедлила шаг.

– С чего это вы взяли?

– Просто сегодня вы совсем не так себя вели на работе. Вы уходили такая расстроенная, что я пошел за вами.

– Ну и как же я себя вела?

– В ваших глазах были отчаяние и страх. Сейчас они куда-то исчезли. Вы снова изменились.

– Вы можете выражаться конкретнее?

– Вы совсем не та женщина, с которой я проводил собеседование. Сначала вы казались серой мышкой, а потом вдруг осмелели. Я даже повелся на историю про то, как вы якобы работали фотомodelью. А потом Элиот рассказал про ваше с ним свидание. По его словам, вы были очень оживлены и танцевали буквально до упаду. Тут-то я и заподозрил...

Нола понятия не имела ни о каком Элиоте, но вспомнила: Дерри говорила, что Белла без ума от танцев. Наверно, этот Элиот, кто бы он ни был, встречался именно с Беллой.

– Ну а сейчас какой я вам кажусь?

– Сейчас вы серьезная. И речь у вас другая – и выговор, и словарный запас.

– Да, я всегда отличалась переменчивостью.

– Вероятно, именно этим вы меня и зацепили.

– Что вы имеете в виду?

– Я хочу, чтобы наши рабочие отношения перешли... ну, хотя бы в

дружеские.

– Уговорили. Поедьте в «Вилледж». Разрешаю вам угостить меня капучино.

Тут Нола увидела свое отражение в витрине и даже вскрикнула.

– Ой, нет! В таких платьях в «Вилледж» являться не принято. Мне нужно переодеться. Давайте встретимся чуть позже.

– У меня другое предложение – давайте я поеду вместе с вами. Подожду, пока вы будете прихорашиваться.

– Думаете, я вас обману?

– Элиот предупредил, что вы непредсказуемы.

– Поедем, если вам так угодно. Только я хочу сразу расставить все точки над «i». Не знаю, сколько мне отведено времени. А планов – не счесть. И заметьте: секс в повестке дня не фигурирует. Если вам хочется секса, поищите другой объект.

– Я хочу лишь провести с вами вечер, Салли. Мне никак не удастся вас раскусить.

Нола решила, что этому парню можно указать место, не вдаваясь в излишние подробности.

– У меня, чтоб вы знали, неустойчивая психика. И предпочтения меняются со скоростью звука. Без всякого предупреждения, очень резко, я могу выбрать совершенно новый курс. Будьте готовы.

– Вы совсем не такая, как другие женщины. Меня это заводит.

– Имейте в виду: вы меня не заводите.

– Салли, я только...

– Называйте меня Нолой. Это мое прозвище.

– Господи, сколько же у вас прозвищ?

– А ничего, что некоторые коллекционируют банки из-под пива?

Они поймали такси, и Нола не дала Тодду расплатиться. Тодд помахал манекену в витрине ателье и сказал:

– Привет, Мерфи.

Нола округлила глаза.

– Что это вы делаете?

– Элиот упоминал, что вы рассказывали ему про особую охранную систему мистера Гринберга.

– По-моему, дико глупо – ставить в витрину манекен для охраны. А еще глупее напяливать на него полицейскую фуражку и давать ему имя. Очередной полый человек [\[10\]](#).

Тодд поспешно кивнул.

– Абсолютно с вами согласен.

– Не пойму только, почему Гринберг окрестил его Мерфи.

– Видимо, это намек на закон Мерфи. Помните: «Если есть вероятность того, что неприятность может произойти – она непременно произойдет». Наверно, ваш Гринберг – просто старый пессимист.

В квартире Нола усадила Тодда в гостиной, а сама пошла переодеваться в спальню. Она надела свою любимую джинсовую рубашку, джинсы, заляпанные краской, и сандалии.

Внезапно Нола увидела, что ее книги валяются на полу за кроватью. Когда только эта овца Салли усвоит: приличные люди не роются в чужих вещах!.. Нола собрала свое имущество, залезла на стул и спрятала на верхней полке платяного шкафа. Черт побери, для Нола эти книги – один из немногих способов расширить горизонты, вырваться из ментальной ловушки. Ноле казалось, она заперта в одной клетке с четырьмя невидимыми животными; она ощущала необходимость быть осторожной, не ступать на чужую территорию – и не ступала. Так почему же остальные постоянно лезут на территорию Нола? Она даже кулаки стиснула, так была сердита.

Нола вышла из спальни и, не взглянув на Тодда, скомандовала:

– Идемте.

– Вы чем-то расстроены?

– Идете вы или нет?

Они снова поймали такси. Нола терпеть не могла подземку, толпы людей ее нервировали. Она была втайне благодарна Тодду: уважая ее личное пространство, он уселся чуть поодаль. Нола вторично настояла на том, чтобы заплатить самой, однако в глубине души хотела, чтобы на сей раз раскошелился Тодд. Нет, нельзя допустить, чтобы он счел Нолу обязанной – даже в такой мелочи.

– Куда мы едем? – спросил Тодд.

– В «Дочь лошаdnика».

– А это еще что?

– Рассказ Дэвида Герберта Лоуренса. А еще – арт-кафе.

– Понятно. Должно быть, славное местечко – вы в первый раз за день улыбнулись.

В «Дочери лошаdnика» Нолу мигом обступили, стали спрашивать, где она столько времени пропадала, говорить, что соскучились по ее читкам и по ней самой. Нола обожала это место – здесь она чувствовала себя принадлежащей к писательской и актерской братии.

В ресторане шли перепланировочные работы, слышался стук молотков – строители делали проход в стене, за которой пустовала комната. Пахло

заплесневелой штукатуркой. Сама кофейня была стилизована под старинное французское заведение. Столешницы представляли собой разделочные столы, вроде как на мясном рынке, стены были оклеены пожелтевшими французскими, немецкими, итальянскими газетами с целью придать всему помещению вид честной бедности, когда нет денег на нормальные обои. Стулья были разностилевые – частично деревянные, как из приличной столовой, частично – обмотанные проволокой для прочности. Вдоль одной стены вообще стояли скамейки, как в парке, и крохотные круглые столики. Лампы Тиффани распространяли красноватый свет, отблески падали на голый дощатый пол. Огромная кофемашина для эспresso поблескивала крутыми боками, многочисленными рычагами и кнопками.

Нола заметила неодобрение в глазах Тодда.

– Знаю, знаю, это бутафория, – заявила Нола, не озаботившись понизить голос. – Но она мне по вкусу.

– Я же ничего не сказал!

– Зато в выражение лица всю экспрессию вложили.

– Какая кофемашина, такое и лицо, – сострил Тодд.

Нола вздохнула.

– Лапуля Нола!

Она сразу узнала голос, произнесший эти слова. Чуть обернувшись, и сейчас же низкорослый толстяк в вельветовом пиджаке внакидку приложился губами к ее запястью.

– Лапуля Кирк! Чем живешь, чем дышишь?

– Тобой, – признался Кирк, глядя на Нолу сквозь толстые стекла очков. – Я все жду, когда же ты придешь ко мне в пятницу. Но ты, похоже, забыла, что по пятницам я устраиваю дома нечто особенное.

Нола представила Тодда и Кирка друг другу.

– Кирк преподает экономику в техническом колледже. Но его истинное призвание – это устроение пятничных вечеринок, и преподавательская работа нужна ему лишь для того, чтобы хватало денег. Знаете, Тодд, какой спрос на эти вечеринки? Все стремятся туда попасть. А Кирк бродит по городу и приглашает к себе всякого, кто хоть чем-то интересен или, по крайней мере, отличен от других.

– Я приглашаю вас обоих, – учтиво произнес Кирк. – Все, что требуется – принести бутылочку вина.

Он опять приложился к Нолиной руке и откланялся. Новой его жертвой стала очень худая и очень сутулая молодая женщина в этнической кофточке и кожаных сапогах. Сквозь гул и шум Нола расслышала: «...в

пятницу вечером... бутылочку вина...».

Через минуту ее облапил хозяин заведения.

– Тебя Мейсон ищет. Насчет арендной платы.

– Я к ней как раз и шла. Сейчас, только выпью капучино да с нашими поздороваюсь. Знакомься, Эйб, это Тодд Крамер. Тодд, это Эйб Коломбо.

Тодд протянул руку, Эйб, вместо того, чтобы пожать, хлопнул его по открытой ладони, клюнул Нолу в щеку и вернулся на кассу.

– Эйб – это ведь уменьшительное от «Абрахам»? Тогда почему же он – Коломбо? – шепотом спросил Тодд.

Нола улыбнулась.

– Его отец – паршивая овца в семье. Женился на еврейке, шуму на всю Маленькую Италию наделал. Еврейка, к слову, красавица. Эйб пошел по папиным стопам. Вон его жена, Сара – столики обслуживает.

Нола находила забавным, что большинству посетителей официантки кажутся на одно лицо. Сама она их различала, несмотря на кукольный бело-розовый грим в тон передничкам, надетым поверх черных трико. На ногах у всех были черные балетки, и передвигались девушки бесшумно: скользили по залу, держа миниатюрные доски с мелкими для записи заказов. На кожаном шнурке у каждой болтался блокнот.

Сара заметила Нолу и вручила Тодду доску и мел.

– Знаете, Нола, вас Норман Уолдрон уже несколько раз спрашивал. Он очередной опус сочинил, хочет вам показать.

– Я что-то закрутилась, – произнесла Нола. – Как только выдается свободная минутка – рисую. По тусовкам бегать, как раньше, времени нет.

Сара приняла заказ – две чашки капучино – и исчезла.

– Я смотрю, у вас тьма друзей, – прокомментировал Тодд.

– Приятелей, а не друзей, – поправила Нола. – Я ведь художница, мне необходимо общение с творческими людьми.

– Вы умеете рисовать? Не знал! А можно мне посмотреть ваши работы?

– То есть вы напрашиваетесь ко мне в студию, так я понимаю?

– Так.

– А в студии вам захочется выпить вина и взять меня прямо на полу, при свете свечей?

– Не путайте, пожалуйста, меня с Элиотом. Это Элиот слышет Дон Жуаном. Я совсем не такой – любого спросите. Вы – первая женщина, которой я заинтересовался с тех пор, как окончил колледж.

Нола рассмеялась.

– Это было не слишком давно!.. Ладно, покажу вам свои работы.

Только имейте в виду: никаких глупостей.

Они вышли из кафе и направились по Хьюстон-стрит в Сохо, где Нола снимала часть мансарды у художницы по фамилии Мейсон. Сама Мейсон обнаружилась там же, сидящей на полу перед мольбертом, с косяком во рту. Очень курносая, с квадратным лицом, обрамленным тусклыми каштановыми волосами, Мейсон всегда напоминала Ноле пекинеса.

– Привет, – сказала Мейсон и неуверенно поднялась с пола. На Тодда она не обратила ни малейшего внимания, а Ноле шепнула: – Взгляни на мою последнюю работу. Я решила с цветом и формой маленько поиграть.

Нола бросила взгляд на композицию из квадратов и кругов, нанесенных на холст посредством красок-спреев, вроде тех, что используются для граффити.

– Оригинально. Мне нравится твоя техника, Мейсон. Очень современная, – произнесла Нола.

– Согласен, – вставил Тодд.

Мейсон едва не испепелила его взглядом и вновь обратилась к Ноле.

– Хочу достучаться до молодого поколения бунтарей.

Нола увлекла Тодда в свой угол, и Мейсон пулей выскочила из студии.

– Что это с ней? – удивился Тодд.

– Она не жалуется мужчин.

– А вы?

– Не больше, чем женщин.

– На что вы намекаете?

– Я не намекаю, а констатирую.

– Господи, вы меня совсем запутали. Не успеваю за ходом ваших мыслей.

– Извините, но менять этот ход для вашего удобства я не стану. Не успеваете – значит, заблудитесь рано или поздно.

Тодд тряхнул головой.

– По-моему, это вы как раз и заблудились. Почему вы пытаетесь меня запутать, а?

– Я?

– Конечно. Вот мне уже три имени известно – Салли, Белла, Нола. Кто вы на самом деле?

– Я – это я. Что значит имя? Роза пахнет...

– Знаю, знаю – роза пахнет розой^[11]. Вам не надоели эти прятки?

Нола отвела взгляд.

– Вы вроде хотели посмотреть мои художества.

– Да вы просто как ртуть. Все время ускользаете сквозь пальцы.

– Вот, взгляните. Правда, это не новые работы. Я давно ничего не писала. Времени не было...

Нола принялась разворачивать холсты, стоявшие лицом к стене, и выстраивать их так, чтобы Тодду было удобно смотреть.

У него дух занялся.

Нола отлично знала: посторонним ее произведения, со всеми персонажами, предметами, существами из ночных кошмаров должны казаться иллюстрациями к Дантову «Аду». Сама Нола понятия не имела, откуда в ее голове берутся эти образы. Писала она всегда в исступлении, торопясь перенести на холст вереницы ассоциаций. Женщина без лица. Ребенок со смещенными щеками, лбом, подбородком, вперивший в зрителя взор мертвых глаз. Целая серия холстов на тему смерти – попытки совершить суицид разными способами. Эту серию Нола успела выполнить в масле. Но были и наброски – лицо с множеством ртов, каждый из которых искажен беззвучным воплем. Голова, расколотая тесаком.

– Нола, почему вы все это рисуете?

– Пытаюсь упорядочить эмоции. Такой способ обуздать некую сущность внутри меня. Я как бы вынимаю из разума и души весь ужас, рассматриваю его до тех пор, пока не пойму и смогу проанализировать. Ну а тогда уже он у меня под контролем.

Тодд качнул головой.

– Господь свидетель, я не понаслышке знаю, что такое пройти через ад, потерять себя... Но ЭТО... это будто из Зазеркалья привалило, прямо от старушки Алисы.

Нола кивнула.

– Знаете, Тодд, вы не такой, как другие мужчины, которые...

– Которые – что?

– Так, ничего. Забудьте.

– Которые обижали Салли?

– Кто и что вам напел? Что конкретно вы знаете?

Тодд указал на изображение девочки со смещенными чертами лица.

– Я просто догадался. По этой картине. Готов поставить десять против одного, что вы – не та и не то, чем кажетесь в настоящий момент.

– Так-так. Ну и чем же я кажусь?

– Умной, образованной женщиной без предрассудков и со способностями к живописи. Холодной, резкой интеллектуалкой.

– Допустим. А кто я тогда на самом деле? Кто скрывается за этой маской?

– Шалтай-Болтай.

– И вся королевская конница, и вся королевская рать...

– И даже все лошатники, вместе взятые...

Нола не сводила взгляда с женского лица, отраженного в треснутом зеркале.

– Не могут Шалтая, не могут Болтая, Шалтая-Болтая собрать.

– Вам не обязательно ломать себя. Я просто заигрался в слова. Я принимаю вас такой, какая вы есть.

– Но какая я? И какой вы? Расскажите.

– В каждом из нас скрыто несколько личностей. Одна личность на определенный период времени. Например, взять меня. В шестидесятые я активно выступал за прекращение войны во Вьетнаме. В семидесятые – играл в азартные игры. А сейчас я – уважаемый бизнесмен. И список, конечно, далеко не полон. То же касается любого человека.

Нола покачала головой.

– Нет, вы просто перечислили разные периоды человеческой жизни. Большинство людей, подобно бриллиантам, имеют грани. В каждой грани отражается свет. Я – другая. Я – как гладкая жемчужина, одна из пяти подвесок в колье.

– Этим-то вы меня и зацепили. Я взглянул на вас – и снова почувствовал интерес к жизни. Раньше это ощущение у меня появлялось, когда я делал очередную ставку. Для того и играл. Ну а как завязал с азартными играми – скис. Вы меня пробудили к жизни. Не стану утверждать, будто понимаю, что именно происходит. Ни черта я не понимаю! Но меня заводит ваша переменчивость. Только не обижайтесь! Я вовсе не считаю вас неврастеничкой. Вы кажетесь мне самой потрясающей женщиной в мире. Уж конечно, кто с вами жизнь свяжет – никогда не заскучает.

– Ну, на это рассчитывать у вас права нет.

– Может, и нет. А мечтать вы мне не запретите. С самого первого дня все мои мысли – только о вас.

Синие мальчишеские глаза смотрели с мольбой. Нола впервые заметила, что Тодд – симпатяга.

Она позволила обнять себя. Тодд вдохновился, сжал ее крепче. Нола не ответила на его поцелуй, но и не оттолкнула его. Правда, когда он положил ладонь на ее грудь, Нола испугалась. Напряглась, как струна. Она хотела, чтобы Тодд продолжил ласки и поцелуи, однако знала: если расслабится, если потеряет контроль, на волю выйдет другая личность.

Почему, ну почему Нола не может остаться в сознании, отдать тело тому, кто ей приятен? Как несправедливо, что она обречена получать

жизненный опыт лишь из книг! Как ей хочется всем телом ощутить тепло этого человека!

Тодд увлек ее на кушетку. Нола изо всех сил держалась. Пусть, пусть он овладеет ею! Но одна мысль о полноценной близости заставила ее окаменеть. Восторг, который нарастал в Ноле, вдруг куда-то делся, она стала холодной, бесчувственной и уже знала: она не ощутит ни возбуждения, ни боли. Тогда-то дверь и приоткрылась, и та, другая, выпихнула Нолу вон.

* * *

Джинкс лежала на кушетке, на спине. На ней пыхтел какой-то тип, шарил меж бедер. Джинкс стиснула его запястье, вонзилась ногтями в плоть. Вскочила.

– КАКОГО ЧЕРТА ТЫ ДЕЛАЕШЬ?

– Я хочу тебя. Я по тебе с ума схожу.

Джинкс с гадливостью отбросила его руку, ударила по лицу.

– СУКИН СЫН! ЛАПИЩИ СВОИ ГРЯЗНЫЕ УБЕРИ!

Тодд попятился, бормоча:

– Господи! Еще одна!

Джинкс запустила в Тодда стулом. Тодд увернулся, а стул угодил в одну из картин Нола. Тодд схватил Джинкс за руки, распял на кушетке. Она лягалась, плевалась, вопила, извивалась, пытаясь освободиться. Но Тодд был сильнее.

– Я тебя убью! Ты – труп! – орала Джинкс. – Застрелю тебя, урод! У меня револьвер есть! Я тебе мозги вышибу!

– Может, обсудим все спокойно?

– Ты меня чуть не изнасиловал – и хочешь это обсуждать?

– Я действовал по твоему согласию. Что с тобой, Нола? Что не так?

Джинкс вдруг обмякла. Гнева как не бывало. Она огляделась и поняла, в чем дело. Обычно (по словам Дерри) с мужчинами связывалась Белла. Сегодня этой же фигней решила заняться Нола. Сперва она впуталась в историю с охранником, теперь вот с этим типом.

Тодд сильнее сжал ей запястья. Джинкс не могла шевельнуться. Никто не смеет лишать ее свободы. Боль – пустяк, Джинкс почти не чувствует ее, разве что некое слабое онеменение. А вот невозможность двинуться вселяет в Джинкс панику. Ей кажется, что ее душат.

– Ладно, давай поговорим, – прохрипела Джинкс. – Отпусти меня.

Мужчина поднялся с кушетки, по-прежнему стискивая запястья Джинкс. Она дышала тяжело, словно после бега. Она знала, что причина – ярость. Какого черта этот тип не отпускает Джинкс? Словно прочтя ее мысли, незнакомец осторожно ослабил хватку.

Она прошла по студии, вглядываясь в картины Нола. Они пугали. Изображенные были ей смутно знакомы. Добравшись до девочки со смещенными чертами лица и мертвыми глазами, Джинкс вздрогнула. Она словно увидела саму себя в зеркальном коридоре. Тогда Джинкс схватила нож и располосовала картину. Она металась по студии, вспарывала холсты, а если Тодд приближался к ней – набрасывалась с ножом и на него. Только Тодд всякий раз как-то умудрялся увернуться. Наконец, все картины, включая те, что написала Мейсон, были искромсаны.

Тодд давно уже прекратил попытки остановить Джинкс. Он сидел на кушетке и наблюдал. Покончив с картинами, Джинкс остановилась посреди студии, обессиленная и опустошенная.

– Ну что, полегчало? – спросил Тодд.

– Заткнись!

– Вы, похоже, излили ярость до капли. Вам должно было стать легче. Вы готовы разговаривать спокойно?

– Это с тобой, что ли?

– Хотя бы и со мной.

– Вы все одинаковые, только одно на уме. Вы нас, женщин, используете, а потом бросаете, как старые тачки, на свалке.

– Нола, это не разговор.

– Заткнись, я сказала! Слышать ничего не желаю!

Джинкс вновь кинулась на него с ножом. Тодд отскочил, но она успела задеть его левую руку. Проступила кровь.

– Что, получил? Так-то лучше. Тебе к лицу красное. Я ухожу. Только попробуй пойти за мной – ужокошу!

Джинкс отшвырнула нож и бросилась вон. За дверью торчала похожая на мопса тетка в заляпанных краской джинсах. Увидев Джинкс, она крикнула:

– Эй, Нола! Куда ты? А парень твой где?

Джинкс было некогда отвечать курносой тетке. Она выскочила на улицу и пешком проделала весь путь до Вашингтон-сквер-парк. Остановилась, добравшись до детской игровой площадки.

В песочнице мальчик терроризировал девочку. Паршивый недоносок! Вырастет очередной мерзавец, насильник, извращенец. Вот зачем он топчет песочные куличики, а? Девочке это надоело, она толкнула пухлую ножку в

сандалике. Мальчик дернул ее за волосы. Джинкс приблизилась. Мальчик, наскучив топтать куличики, шел к качелям.

Фред, отчим Салли, бывало, драл ее за волосы, спускал с нее трусишки и, уложив к себе на колени животом вниз, лупил по попке. Джинкс отлично помнила торчавший вверх твердый член Фреда. Уже тогда, в детстве, она не чувствовала особенной боли, и Фред лупил ее подолгу, с остервенением, а когда отпускал, Джинкс видела, что член у него больше не торчит. Глаза отчима подергивались особой поволокой. Такие же были сейчас глаза у мальчика. Джинкс подскочила к нему, схватила за шею и начала душить.

Другие дети завопили в ужасе. Джинкс растерялась, я воспользовалась заминкой и задвинула Джинкс. Потом отпустила ребенка и сбежала. Обычно я не вмешиваюсь, но сегодня Джинкс перешла все границы. Душить детей – это слишком. Мне отчетливо представился зал суда и приговор: сто лет заключения в камере-одиночке. Хороши бы мы были там впятером!

На Макдугал-стрит я заскочила в телефонную будку и принялась звонить Роджеру на работу. Я сообщила Мэгги, что Джинкс пыталась убить маленького мальчика и надо поторопиться с лечением. Роджер был в больнице, и Мэгги велела ехать прямо туда – она, Мэгги, встретит меня у служебного входа.

Меня трясло. Неужели вот эти самые – мои! – руки кромсали картины, а позже душили ребенка? Нужно что-то делать. Но что? Может, Нола правильно решила с суицидом? Может, лучше нам всем умереть? Я отбросила эту мысль. Должен быть другой способ. Роджер – вот кто нас спасет.

На случай, если Салли завладеет телом прежде, чем я доберусь до Роджера, я вырвала листок из Нолиного блокнота и написала: «Когда прочтешь это, беги в психиатрическую больницу, где практикует Роджер. Мэгги ждет тебя у служебного входа».

Сначала я хотела поймать такси, но прикинула: так мы разоримся, и поехала на автобусе. Записку я крепко держала в руке – специально для Салли. Все наши беды из-за нее. Не будь Салли такой рохлей, давно бы уже загнала Джинкс куда поглубже. Самое обидное, что расхлебывать приходится мне. По милости Джинкс у меня ни минуты покоя. Я вынуждена отслеживать эту маньячку, улаживать проблемы, выпутывать Салли из переплетов. Вот если бы мне стать настоящей! Я закрыла глаза, представила: я лечу, как вольная птица, все выше и выше, к самому солнцу... Размечталась! Птицу подбили, она рухнула, снова угодила в

клетку обратной стороны разума Салли.

* * *

Салли обернулась к Тодду – надо же было выяснить, почему он пошел за ней в церковь – и вдруг обнаружила, что едет в автобусе, одетая в заляпанные краской джинсы. Она огляделась – не заметил ли кто из пассажиров ее шока? Где она была столько времени? Чем занималась? И куда везет ее автобус? Сколько на этот раз длился провал? Часы показывали 17.31. Последнее, что помнила Салли – как вошла в церковь Святого Михаила в 14.23 и обнаружила, что за нею вошел Тодд. А вдруг прошло не три часа, а больше суток? Почему Салли одета в грязные джинсы? Впрочем, у нее хватило сил не замечаться, не запаниковать публично.

Скоро стало ясно, что в ближайшее время провал ей не грозит. Салли чуть расслабилась, вздохнула свободнее. Прижалась лбом к оконному стеклу. Может, сойти на ближайшей остановке, позвонить доктору Эшу? Хотя... он занят, стоит ли его отвлекать? С другой стороны, Салли понятия не имеет, что с ней происходило в течение целых трех часов. Она стиснула кулаки и обнаружила, что в руке держит некую бумажку. Развернула ее, прочла.

«Пожалуйста, Господи! Не дай случиться беде! Я ведь хорошая. Я добрая. Я никому не желаю зла», – мысленно молилась Салли.

Она подняла взгляд. Автобус приближался к психиатрической больнице. Салли вскочила, заторопилась к выходу.

Она прошла пешком от Пятой авеню до Лексингтон-авеню, тиская в кулаке записку. Снова прочла ее. Почерк незнакомый. Уверенный, с сильным нажимом, без наклона. Будто не написано, а напечатано. У самой Салли буквы пляшут, заваливаются влево и вправо. Вдобавок они такие мелкие, что в свое время Салли умещала на одной странице целую лекцию, на которую у других учеников уходило три-четыре страницы. Определенно, записка написана посторонним человеком. Салли проскользнула через вертушку у больничного входа. Мэгги уже ждала ее.

– Как самочувствие? – осведомилась Мэгги.

– Потряхивает что-то.

– Кто...

– Я – Салли, – сказала Салли и сунула Мэгги скомканную записку.

Мэгги только головой покачала.

– Вам, должно быть, несладко пришлось, Салли.

– Я очень извиняюсь. Не хотела беспокоить доктора по пустякам...

– Никакого беспокойства нет. Звоните в любое время суток.

Мэгги провела ее в прохладную смотровую комнату, где все – стены, потолок, мебель, ширмы – были белого цвета.

– Передохните пока. Доктор Эш занят с пациентом. Освободится минут через пять.

– Самое интересное, Мэгги, я не знаю, почему я здесь. Не знаю, что случилось, кто написал записку. Может, зря я пришла. Только отвлекаю доктора. Мне стыдно.

– Раз вы пришли, значит, причина точно есть. И нечего стыдиться, Салли. Доктор Эш вам поможет.

– Ох, скорей бы. Я боюсь. Пожалуйста, не закрывайте дверь.

Салли села на стул с низкой спинкой, прислонилась затылком к стене. Ее познабливало. Она всегда нервничала в больничной обстановке.

Через пару минут ее взбудоражил разговор из коридора. Две женщины, проходя мимо смотрового кабинета, заглянули внутрь. Одна была в больничной униформе, вышивка на кармашке гласила: «П. Даффи, медсестра». Вторая женщина была в обычной одежде. Увидев, как встрепелась Салли, обе поспешно дали разворот на сто восемьдесят градусов.

– Это и есть мультяшка? – донеслось до Салли.

Судя по звукам, женщины разговаривали теперь в соседней комнате.

– Так Эш считает.

– Брр. Даже представить жутко.

– Успокойся. Мультяшек не существует.

– Да, но ведь Эш...

– Лучше вспомни, что было с Эшем, пока ему не попалась эта невротичка. Сама знаешь: любой психиатр рано или поздно устает от шизиков да типов с маниакально-депрессивным синдромом. Тогда-то он и начинает выискивать что-нибудь экзотическое.

– Думаешь, она простая симулянтка?

– Ну почему сразу симулянтка? Всякому известно: истерический невротик чувствует именно то, что требуется его лечащему врачу. И ведет себя соответственно. Все симптомы такому персонажу врач навязывает. Они ж внушаемые, невротики эти. А невротички – и подавно. Пока эта Портер не появилась, Эш сам в пациенты годился. Потому что чем лучше психиатр, тем выше для него риск заполучить синдром эмоционального выгорания.

Затем дверь закрылась, и Салли больше ничего не слышала. А может,

ей весь разговор померещился?

Открылась другая дверь, и в коридор вышла худенькая девочка-подросток с затравленным взглядом, жидкими прямыми волосами и вся в прыщах. Девочку сопровождала Мэгги.

Салли поспешно опустила взгляд, чтобы не встретиться глазами с девочкой. Ей ни с кем не хотелось говорить. После услышанного от медсестры Даффи и ее приятельницы у Салли было одно желание – поскорее смыться.

Скоро за ней пришла Мэгги.

– Ну, Салли, как поживаете? – бодро начал Роджер Эш. – У вас все в порядке?

– Голова раскалывается.

– Несколько минут назад она себя нормально чувствовала, – встряла Мэгги.

Доктор Эш поднялся, лично усадил Салли в кресло.

– Что-то случилось, да?

– Я слышала разговор сестры Даффи и еще другой женщины. Они обсуждали расщепленное сознание. Сказали, истерические невротички все делают, чтоб врачу угодить. Чтоб симптомы... ну, это... совпадали. А я ничего такого не делала, доктор. Клянусь! Я не симулянтка. Я правда не знаю, что у меня в голове творится, но там ужас какой-то! Ад!

– Ох уж эта Даффи! Вот у кого язык без костей. Будь моя воля, я бы ее давно уже...

– Ой, как больно! Голова болит! Сил нет терпеть!

На темя давило что-то вроде бетонной плиты, мозги завязывались в узел. От боли волосы шевелились, тянулись к макушке, словно под действием статического электричества.

– Началось! ЭТО началось! Я ничего не могу сделать!

Роджер Эш взял Салли за руку.

– Не сопротивляйтесь, Салли. Расслабьтесь. Забудьте все глупости, что наговорили сестра Даффи и ее подруга. Мы это после обсудим. Мэгги, дайте, пожалуйста, стакан воды.

Салли еще видела, как Мэгги пошла за водой, потом перед глазами все поплыло, голоса врача и медсестры стали звучать будто издалека, а в голове закрутились в разных направлениях, на разных скоростях колесики. Меньшие колесики были встроены в большие, и Салли постепенно относилось от центра – себя самой – к периферии.

Доктор Эш что-то говорил ей, тщился достучаться, однако Салли не могла удерживаться в центре. Ее зацепило вторым колесом, затем –

третьим. Некоторое время она вращалась, потом – лежала без движения, наблюдая в центре мутное пятно. Ее затошнило, но прежде, чем наступил провал, Салли успела подумать: придет день, когда она сможет спросить: «Почему вы перегорели, Роджер Эш?»

Глава 6

Нола открыла глаза. Она хотела ответить на поцелуй, но оказалось, что никакого Тодда рядом нет, сама она в больнице, и над ней навис незнакомый врач в белом халате. По привычке Нола молчала, ждала подсказки.

– Итак, Салли, – произнес врач, – сейчас вы расскажете все, что помните о сегодняшнем дне, начиная с того момента, как ушли с работы.

Значит, он думает, перед ним – Салли. Если это психиатр, о котором говорила Дерри, Нола не желает иметь с ним ничего общего.

– Салли, вам все еще дурно? – приставал врач. – У вас взгляд какой-то отсутствующий.

– Едва ли надо этому удивляться, – заговорила Нола. – За последние несколько дней я немало пережила. Я не понимаю, как угодила в больницу, и это меня нервирует.

– Вы находитесь в больнице, потому что Дерри договорилась насчет встречи: позвонила и сказала, что вы чуть не убили маленького мальчика. По-моему, это серьезный повод, чтобы обратиться к психиатру.

Нола прижала ладонь ко рту.

– Я детей не трогаю. Это сделала не я. А у Дерри нет никаких прав назначать для меня какие бы то ни было встречи.

Врач и медсестра переглянулись, и Нола поняла, что проговорилась. Она села расслабленно, закинула ногу на ногу, посмотрела на врача, потом на медсестру. Тряхнула головой и запустила пальцы в волосы.

Врач приблизил к ней лицо.

– Будьте добры, назовите ваше имя.

– Сначала вы должны представиться, сказать, где я нахожусь, а главное – почему.

– Что ж, справедливо, – согласился врач. – Меня зовут Роджер Эш, я – ваш психиатр. Это Мэгги Холстон, медсестра и моя первая помощница. Вы находитесь в Мидтаунской клинике психического здоровья, потому что Дерри позвонила Мэгги и сказала, что у Салли проблемы.

Нола кивнула.

– Так вот, я – не Салли. Полагаю, вы уже и сами сообразили. Меня зовут Нола. Вы, Роджер Эш, – не мой психиатр. – Изумление в глазах Эша рассмешило Нолу, и она добавила: – А вы явно не меня ждали, не так ли?

– Верно. Звонила-то Дерри. Вы знаете Дерри?

– Знаю.

– Можно задать вам вопрос, Нола?

Нола чуть наклонила голову, улыбнулась.

– Можно. Только имейте в виду: я к вам на сеанс не записывалась и платить не намерена.

– Договорились. Вас не затруднит объяснить, почему сейчас на свет вышли именно вы?

Нола задумалась.

– Я хотела посмотреть, что происходит. – Взглянув на свои испачканные краской джинсы, она добавила: – Полагаю, сегодняшний день продолжается. Дело в том, что сегодня я была у себя в студии с одним... впрочем, не важно. Теперь-то я здесь.

– Вы хотите сказать, что не знакомы ни со мной, ни с мисс Холстон?

– Знакома, только заочно. Я слышала о вас обоих от Дерри. Вы для меня вроде теней на стене.

– А с другими альтерами вы знакомы?

– Только с Дерри. Через нее мне известно, что есть еще двое. Я будто бы существую в темной комнате, где то и дело натыкаешься на мутных персонажей. Картину окружающей действительности я вынуждена составлять из рассказов Дерри, а также из слов посторонних людей. Такая напряженная работа мысли даже Шерлоку Холмсу не снилась. Мне приходится довольствоваться крохами информации, по осколкам судить о целом. Вообразите, как это трудно. Кстати, именно я читала «Три лица Евы»^[12] и «Сивиллу»^[13]. Именно я рассказала Дерри об этих книгах. И я неплохо подкована по части расщепленного сознания. Вероятно, мои рассказы и заронили в Дерри подозрение, что мы тоже – мультяшка, и тогда Дерри надоумила Салли обратиться за медицинской помощью. Ну так что, доктор, права я насчет расщепленного сознания?

Эш скорбно кивнул.

– Салли пока ничего не знает, верно?

– Я ей сказал, но она не принимает диагноз. Салли предстоит настоящий шок. Хорошо бы вы или Дерри донесли истину до ее сознания.

– Я с Салли не контактирую. Между нами чудовищная пропасть. Вдобавок положение день ото дня ухудшается. В былые времена я гораздо чаще выходила на свет, занималась самообразованием и живописью. Сейчас, по вашей милости, а также из-за интриг и легкомыслия Дерри, из-за распутства Беллы я успеваю только рекламу в подземке читать.

– По вашим словам, вы читали об исцелении людей, страдающих расщеплением сознания. Вам следовало бы понимать, что я пытаюсь

помочь Салли.

– Всюду написано, что у психиатра только два пути – либо отделить всех альтеров от хозяина – по сути, убить их; либо объединить с хозяином. Это называется слиянием.

Роджер вскинул брови – явно впечатлен.

– Совершенно верно. Я смотрю, вы хорошо проштудировали этот вопрос.

– Не увиливайте. Что именно вы наметили для нас?

Он покосился на Мэгги, занятую записями.

– Слияние, если получится. Мне придется импровизировать. Вы, конечно, понимаете, Нола, что феномен множественной личности пока недостаточно изучен.

Нола кивнула.

– В специальной литературе написано, насколько редки подобные случаи. Это правда? Мы – особенные?

Роджер Эш улыбнулся.

– Ваш случай – то есть случай Салли – заставил меня вновь обратиться к публикациям более чем тридцатилетней давности. Феномен множественной личности известен с конца девятнадцатого века, но до 1944 года было описано лишь семьдесят шесть случаев. Альманах «Индекс Медикус», впрочем, полагает, что случаев гораздо больше, просто информация засекречена. У меня есть основания думать, что количество, как вы выражаетесь, мультяшек до 1944 года составляло сотни полторы.

– Значит, это действительно редкое расстройство психики.

– Зато после 1944 года такие случаи стали учащаться. И вот что странно: стоит психиатру диагностировать один случай, как почти сразу ему подворачиваются еще несколько таких больных. В третьем издании «Руководства по диагностированию и каталогизации психических расстройств», выпущенном Ассоциацией американских психиатров, феномен множественной личности описан в разделе «Диссоциативные расстройства» вместе с амнезией, фугой и тому подобным. Сейчас выходит даже «Бюллетень множественной личности». Общепризнано, что трое из каждой сотни в тот или иной жизненный период ощущали симптомы этого расстройства. Получается, это вовсе не редкое заболевание; мы пока имеем дело лишь с вершиной айсберга.

Нола задумалась на минуту.

– Чем лично вы, доктор, объясняете такой всплеск?

Роджер Эш пожал плечами.

– Пожалуй, мы, психиатры, слишком долго игнорировали феномен

множественной личности. Наши потенциальные пациенты совершали самоубийства, получали тюремные сроки, содержались взаперти в сумасшедших домах или просто исчезали среди жителей крупных городов, оставаясь один на один со своей проблемой. О таких людях просто никто не знал. Теперь, когда нам известно, кого конкретно надо искать, без труда обнаруживаются все новые и новые случаи.

Нола покачала головой.

– Мне видится другое объяснение. Возможно, феномен множественной личности – это отличительная черта нашего века. Человечество научилось расщеплять атом, и природа приготовила свой ответ – расщепляет сознание представителей слишком агрессивной цивилизации. Или мы имеем дело с генной мутацией, которая возникла после атомного взрыва. Принцип цепной реакции...

– Ваши версии не выдерживают никакой критики, Нола.

Нола поднялась, прошла к окну, выглянула.

– Не выдерживают критики? Откуда такая уверенность, доктор? Посмотрите на людей там, внизу. Может, так все и должно было случиться. Человек всегда адаптируется к окружающей среде. В век тотальной власти информации гораздо удобнее жить, если разум имеет автономные сегменты. Этакое разделение труда. Своеобразный конвейер. Или вы не согласны?

– Хорош труд, когда один альтер методично уничтожает созданное другим альтером. В результате получается хаос. И этот хаос рано или поздно погубит всех альтеров, заодно с хозяином.

– Если такой риск и есть, то виной всему – амнезия и недостаточный внутренний контроль, – надменно заявила Нола. – Эволюционный процесс только начался, ошибки неизбежны. Постепенно природа создаст нового человека. Возможно, в один прекрасный день родится потенциальный мультяшка с новой хромосомой. Со временем у него выработается способность противостоять амнезии и контролировать своих альтеров. Тогда-то мы и получим высшую расу. Миром станет править Человек Разумный Множественный, он же – *Homo sapiens multiplus*. Из дефекта феномен множественной личности превратится в преимущество.

Эш не выдержал – стиснул кулак.

– Моя работа – бороться с синдромом множественной личности, поскольку такие люди представляют опасность как для себя, так и для окружающих. Процесс необходимо повернуть вспять.

– Вы говорите о слиянии?

Эш кивнул.

- Слияние антонимично расщеплению. Вы согласны с моим планом?
- Пока не поняла. От Дерри мне известно, что мы слишком разные. Едва ли вам удастся слить нас воедино. Однако, будучи реалисткой, я склоняюсь к слиянию, ведь в противном случае мы все можем погибнуть. Бог свидетель, я сама хотела свести счеты со всеми нами, причем неоднократно. И всякий раз вмешивается некая сила. Наверное, поэтому я сейчас и вышла на свет. Но вы, доктор, кое о чем умалчиваете. А именно: как вы собираетесь впихнуть в новую Салли нашу Джинкс – садистку и потенциальную убийцу? Или вы тешитесь иллюзией, будто Джинкс рассосется сама по себе, если не обращать на нее внимания?
- Вы просто мои мысли читаете, Нола. Я пока не придумал, что делать с Джинкс. Я даже еще не общался с ней.
- Едва ли вы получите удовольствие от такого общения.
- Рано или поздно встреча неизбежна. Как вы думаете, Нола, Джинкс станет со мной разговаривать?
- Спросите об этом Дерри. Она уже всем нам растрезвонила, что является куратором. Ее буквально распирает от гордости.
- Хорошо, я буду действовать через Дерри. А вы можете остаться и послушать наш разговор. Если хотите, конечно. Я все устрою посредством постгипнотического внушения.
- Нола быстро взвесила «за» и «против».
- Пожалуй, это было бы занятно. Только вы ведь таким способом пытаетесь прикрыть первый шаг к слиянию. Я угадала? А значит – нет, многоуважаемый доктор Эш. Может, в другой раз, когда я буду уверена, что у вас все под контролем, включая Джинкс.
- Как угодно, Нола. Я вовсе не собираюсь принуждать вас к чему бы то ни было. От вас всех требуется одно – оставаться в живых. Слияние произойдет в свое время, я буду рядом и помогу, если понадобится.
- Нола почувствовала на своей руке ладонь Роджера Эша и закрыла глаза.
- На счет «три» появится Дерри и будет говорить со мной. Нам необходимо обсудить крайне важные вещи. Один... два... три... Дерри, *выходи на свет.*

* * *

Я открыла глаза и улыбнулась Роджеру Эшу.

– Привет!

– Привет! – сказал Роджер. – Пожалуйста, назовите ваше полное имя. Это нужно для отчета.

– Дерри Холл.

– Как дела, Дерри?

– Неплохо. Работа мне по вкусу. Правда, порой трудновато приходится, зато нескучно.

– Может быть, хотите задать мне вопрос? Не стесняйтесь.

– Да, хочу. О том, что случайно услышала Салли. Насчет выгорания, или как там его.

Роджер покраснел, покосился на Мэгги, снова взглянул на меня.

– О чем вы, Дерри?

– Ну как же! Медсестра Даффи говорила своей приятельнице, будто бы всем известно – доктор Эш перегорел. Что это значит?

– Вообще-то, я имел в виду, что вы зададите вопрос о себе или о других альтерах.

Понятно: Роджер обиделся и попытался увильнуть. Чем, конечно, только разжег мое любопытство.

– Ну я же постоянно отвечаю на личные вопросы, не так ли, доктор? А мне интересно и самой что-нибудь узнать. Конечно, если я задела вас за живое...

Роджер сверкнул глазами, потом вдруг улыбнулся.

– Ладно. Вижу, вы так просто не отстанете. Так вот, врачи подвержены расстройству под названием «синдром эмоционального выгорания». И еще открою вам секрет: врач всегда последним узнает, что с ним происходит нечто плохое.

– Что за синдром?

Роджер избегал моего взгляда, внимательно изучал вены на собственной правой руке.

– Это целая серия расстройств, которые наваливаются всем скопом. В данном случае расстройства поражают психиатра, слишком много времени уделяющего своим пациентам, или, как сейчас принято говорить – своим клиентам. Видите ли, Дерри, психиатры годами имеют дело с чужими фобиями, воспоминаниями, снами, галлюцинациями и тому подобным. Это не проходит бесследно. У психиатра вырабатывается защитный механизм, в просторечии именуемый душевной черствостью. Психиатр перестает сопереживать. Вокруг его мозга, фигурально выражаясь, формируется плотная, почти непробиваемая скорлупа. Это лишь способ защиты. Внешне поведение такого врача остается прежним. Он, как ему и подобает, сидит с пациентами, делает внимательное лицо, кивает, произносит заученные

фразы – но ему больше нет никакого дела до больных.

Мне стало ужасно жаль Роджера. Наверное, лучше меня никто не понимает, каково это – постоянно служить «жилеткой», примерять на себя чужие страдания. Я ведь тоже чем-то подобным занимаюсь – для Салли и всех «наших». Может, и меня постиг синдром эмоционального выгорания?

– Я рада, что вы поделились со мной, Роджер.

Он взглянул мне в глаза, заговорил сухо:

– Вы должны понимать: я сейчас просто в общих чертах объяснил вам, что такое синдром эмоционального выгорания. Я рассказывал о синдроме, а не о себе. Однако довольно теории. Что случилось сегодня после работы?

– А разве что-то случилось?

– Вы позвонили Мэгги и сообщили о нападении на маленького мальчика. Было такое?

– Ах, это! Было. Теперь я вспомнила. Вам нужно принять меры, потому что Джинкс совсем распоясалась. – И я рассказала Роджеру про случай в песочнице. Роджер расстроился. – Вы должны избавиться от Джинкс, – добавила я, – пока она кого-нибудь не убила.

Роджер только головой покачал.

– Джинкс – часть Салли, как и вы. Придется вам всем научиться сосуществовать с ней.

– Сами попробуйте сосуществовать с этой маньячкой.

Несколько минут Роджер хмурил лоб.

– Как считаете, Дерри, Джинкс захочет говорить со мной?

– Сомневаюсь.

– Может, попытаемся наладить с ней контакт?

– Отчего не попытаться. Только к добру это не приведет. Джинкс знает, что вы начали на нее охоту.

– Охоту? Глупости. Я не намерен уничтожать Джинкс. Откуда она это взяла?

– Наверное, от меня. Я предположила, что садюги вроде нее в нашей новой жизни не нужны. Роджер, она опасна. Она – воплощение зла.

– Обвинять других нетрудно, Дерри. Моя задача – понять Джинкс, а не судить ее.

– Вы ведь не хотите, чтоб мы тащили в новую жизнь ненависть, садизм и злобу?

– Нола, насколько я понял, считает, что изолировать Джинкс не получится. По мнению Нола, Джинкс всегда будет присутствовать тайно, а при малейшей возможности – вырываться наружу. Не лучше ли наладить с ней отношения?

У меня от таких слов волосы зашевелились.

– Это все равно что сделку с дьяволом заключать!

– Вы утрируете, Дерри.

– А вы просто не имели дела с Джинкс!

– Можете устроить нам встречу?

– Джинкс едва ли согласится, но я попробую. Только для того, чтоб вы сами убедились, какова она.

– Спасибо, Дерри, – сказал Роджер. – Джинкс, *выходи на свет*.

Я стиснула зубы и зажмурилась. Прошло не меньше минуты, но ничего не случилось.

– Она не хочет выходить. Она вам не доверяет.

– Скажите Джинкс, я просто хочу посмотреть на нее.

Я снова напряглась.

– Бесполезно. Она заартачилась. Ой, мне уже дурно. Видите – у меня мурашки по коже. Ох, чует мое сердце – сегодня Джинкс кого-нибудь грохнет.

– Кого?

– Первый в списке – бывший муж Салли. Джинкс уже давно носит с идеей убить Ларри.

– Почему она хочет убить Ларри?

– Наверное, чтобы отомстить. Ларри, еще когда жил с Салли, практиковал обмен женами.

– А это еще что?

– Я сама толком не знаю. Ларри вроде как таскал Салли на вечеринки со своими сослуживцами. Те тоже приходили с женами. Вся компания сначала ужинала, потом отправлялась в клуб или еще куда, и мужчины намечали, кто сегодня спит с чьей женой. Ларри заставлял Салли ложиться со своими коллегами, чтобы продвинуться по службе.

– Салли сопротивлялась?

– Всякий раз у нее начинала болеть голова. Она просила Ларри отвезти ее домой.

– А Ларри что?

– Роджер, я уже сказала: я ничего толком не знаю. Салли с этими мужчинами точно не спала, и я не спала, и Нола тоже. Хотите подробностей – спросите Беллу.

– Будь по-вашему, – сказал Роджер. – Дерри, *возвращайся во мрак*. Белла, *выходи на свет*.

– А я уже здесь! – пропела Белла и зажмурилась, словно от софитов. – Как поживаешь, красавчик?

– Белла, я позвал вас в надежде, что вы сообщите факты о бывшем муже Салли. Дерри считает, что Джинкс решила его убить из-за некоего обмена женами. Вам что-нибудь об этом известно?

– Еще бы! Кому, как не мне! Салли – она же трусиха и мышь белая. Ларри нужна была жена, которая могла его по работе продвинуть. А у Салли, как только до дела доходит, – сразу мигрень! Вот я и заменяла ее. Ничего плохого про обмен женами не скажу. Это было приятно – ужин, потом танцы, ну и со всеми вытекающими, хи-хи!

– А Ларри как реагировал? Он замечал подмену?

– Замечал, конечно, не слепой. Ларри мне говорил: «Ты или самая переменчивая женщина в мире, или величайшая актриса». А я отвечала: «Я и то и другое».

– Белла, вам известно, почему Джинкс хочет убить Ларри?

– Дерри говорила, Джинкс здорово разозлилась при последнем обмене женами. Мы в тот вечер пошли в «Копакабана» на шоу Бадди Хэкетта. Обожаю его сальные шуточки! У Салли голова разболелась раньше обычного. Потому что у нее никакого чувства юмора. Я ж говорю – зануда и мышь белая. Начала жеманиться, кривиться – неприлично, дескать, хохмит Бадди. Ну и пришлось мне ее задвинуть. Хоть остаток шоу посмотрела. Мне ведь никогда ничего забавного с начала посмотреть не удастся. А потом Ларри махнулся с одним комми, который в пригородах орудует, и я подумала: вот теперь будет весело. У этого парня был шикарный белый «Кадиллак», повез в шикарный отель – в «Американу». Короче, мне светил отличный вечер.

Я хотела танцевать, но мой кавалер хватил лишнего, поволок меня в номер. Я подумала, мы сейчас по-быстрому перепихнемся для рывка и снова пойдем на танцпол. А этот маньяк взял да и связал мне руки за спиной. Я было задергалась – тогда он и ноги мне связал. Я говорю: не надо ремней, я согласна на твою игру. А он: нет, с ремнями мне больше нравится, а жена не дает. Тогда я стала умолять его. Отпусти, говорю, пожалуйста. Не делай этого. Я боли не выношу. А он: не беспокойся, еще сама потом добавки захочешь. У меня, говорит, от этого знаешь как встает? И вообще, телки любят, когда их наказывают. Я ему: не надо, а он: давай-давай, умоляй, меня это еще хлеще заводит. И тацит ремень из штанов, и вдвое складывает! Сейчас лупить начнет! Тогда я честно предупредила. Ты, говорю, не понимаешь, что делаешь. Остановись, не то пожалеешь. Он, конечно, не слушает. А я боли боюсь ужасно! Ну, он ремень только поднял – я и скрылась.

– Что было дальше?

– Точно не знаю. Говорю же – я скрылась. Мне потом Дерри рассказывала, что мое место заняла Джинкс. Конечно, она мигом от ремней освободилась. Парень попал в травматологию, а Ларри пришлось искать новую работу. С тех пор Джинкс только и думает, как бы Ларри убить.

– Большое спасибо, Белла. Вы мне очень помогли. Теперь многое прояснилось.

– Всегда к твоим услугам, красавчик, – ответила Белла, по своему обыкновению, голосом Мэй Уэст, и хохотнула.

– А сейчас, Белла, *возвращайся во мрак*. Когда я досчитаю до пяти, на свет выйдет Салли. Об этих разговорах она будет помнить ровно столько, сколько захочет.

Роджер стал считать, и появилась Салли – дрожащая и с затравленным взглядом.

– Это все из-за мигрени, доктор! Я ничего не могла поделать!

– Вы помните что-нибудь из произошедшего сегодня в этом кабинете?

Салли повела вокруг затуманенным взором.

– Я вошла и села на стул, да?

– Вы потеряли сознание, Салли. Неужели вы ничего не помните? Во время вашего провала происходили кое-какие события.

– Нет, не помню. Я никогда ничего не помню.

– Мы над этим еще поработаем.

Затем Роджер пересказал Салли разговоры со мной и с Нолой насчет налаживания связей. Это, дескать, единственный способ победить амнезию.

Салли только головой трясла.

– Извините, доктор Эш. Вы все время говорите про этих, других, что у меня внутри живут. Но я вам не верю. Невозможно такое, и все. Никак невозможно.

Губы у нее дрожали, того и гляди – разревется.

– Можете не извиняться, Салли. По свидетельствам буквально всех психиатров, люди с синдромом множественной личности всегда поначалу отрицают свое расстройство. Это защитная реакция, осложняющая лечение. Стоит ли удивляться, что и вы не верите в диагноз? Не волнуйтесь. В один прекрасный день вы примете ваших альтеров. И этот день настанет совсем скоро.

– Я очень стараюсь. Не получается.

– Вам, Салли, понадобились годы, чтобы сформировать защитный механизм. Стены не рухнут лишь оттого, что мы пару раз дунем на них.

Всю дорогу домой Салли шевелила губами, проговаривала что-то про

себя. На нее оглядывались. Но только я одна знала, что именно бормочет Салли. «Нету никаких альтеров. Есть только я. Я – единственная личность. Других никого нет. Есть я. Я одна. Никаких альтеров...»

Господи, как же Салли меня притомила!

Глава 7

Следующие несколько недель все шло спокойно. Я извинилась перед Тоддом за свои закидоны, Тодд сказал, что это ерунда. Салли исправно ходила к доктору Эшу. Белла и Нола периодически появлялись, но ненадолго, и проблем из-за них не возникало. Джинкс ушла в подполье. Я отлично справлялась с работой в ресторане и тешила себя надеждой, что все устаканится как-нибудь само и слияния не потребуется. Раз уж стать настоящей мне не светит, пусть тогда все остается как есть.

А потом, вечером, уже после закрытия, меня перехватил Тодд. Вынул зубочистку изо рта и говорит:

– Знаю, Салли, завтра у вас выходной, но прошу об одном одолжении.

– О каком?

– Вы в курсе, что в сезон рысистых бегов я обычно работаю менеджером-устроителем?

Я кивнула.

– В День памяти^[14], перед последним заездом, у нас на банкете всегда присутствует девушка, одетая жокеем. Ну, вы знаете – лосины, шлем, защитные очки. Мы называем ее Бетти Уинз^[15]. Ну и вот, наша бессменная Бетти приболела, а Элиот говорит: чем Салли хуже? Она отлично справится.

– Что нужно делать?

– Ничего особенного. Пройтись туда-сюда, спеть пару песенок на ваш выбор, достать из барабана несколько мячиков. Гонорар – пятьдесят баксов.

– Разве за одолжение платят, а, Тодд?

– Это не из моего кармана. Это из фонда. Мы проведем вечер на рысистых бегах. Я вас со всеми перезнакомлю. Само ваше выступление не займет больше пятнадцати минут.

– Согласна, – сказала я.

Тодд потер губы, посмотрел на меня внимательно.

– Вы уверены, что согласны? В смысле, вас не постигнет резкая перемена настроения?

Я рассмеялась.

– Ваша задача, Тодд, – толкнуть меня локтем, когда зажгутся софиты. Шоу беру на себя. Вы не пожалеете, обещаю.

Тодд заехал за мной на завтра в шесть на своем черном «Линкольне». Пока я собиралась, он пристально смотрел мне в лицо – наверняка уже что-то подозревал.

– Ничего себе! – воскликнула я, погладив сиденье, обитое красновато-коричневой кожей. – Этак я привыкну к хорошему.

– В том-то и проблема, – сообщил Тодд, вырывая на Шестидесят шестую улицу. – Как только привыкнешь к кожаным сиденьям и прочим примочкам, шикарная машина становится обычным средством передвижения, ничуть не круче какого-нибудь добитого «Шевроле», а взносы по кредиту никуда не деваются.

– Зачем тогда весь этот пафос?

– Куда ж бизнесмену без пафоса?

Перед мостом Куинсборо он сбавил скорость. Всю дорогу мы подшучивали друг над другом, было очень весело. Вдруг Тодд сказал:

– Салли, а ведь я...

Я сообразила: сейчас он с шуточек перейдет к теме моей переменчивости, и быстренько выдала:

– Просто не верится, что в университете вы были бунтарем-активистом-леваком-радикалом и так далее!

– Ну и почему же вам не верится?

– Я в свое время таким радикалам в рот смотрела. Как раз шла война во Вьетнаме. Я восхищалась идеалистами, для которых идеи важнее, чем материальные блага. Только знаете что? Бунтари не любят побеждать. Они хотели поражения своей стране, потому что считали войну несправедливой. Игроки – совсем другое дело. Каждый игрок заточен на победу.

Тодд улыбнулся.

– Вот и видно, что вы ничегошеньки не знаете о нас, игроках. Один мой брат по разуму так выразился: «Вопрос не в том, выиграешь ты или проиграешь. Вопрос в том, как ты будешь играть». Игрок вступает в игру не ради куша, а ради адреналина.

– Сколько вам было лет, когда вы впервые сделали ставку?

Тодд отвернулся, стал смотреть вперед. Машина вдруг рванула, стрелка задрожала на отметке восемьдесят пять миль в час.

– Точно не помню. Примерно тогда же, когда научился ходить. Я ведь родом из Вест-Сайда, а это настоящая адская кухня. Я начинал со ставок в один-два цента.

– То есть вы были совсем ребенком?

– До университета я жил игрой. Но и в университете страсть делать ставки не отпускала. Я собирал деньги для всяких фондов, для вьетнамцев, пострадавших от войны, а набрав мало-мальскую сумму, говорил себе: можно на эти деньги поставить. Удача должна мне улыбнуться – дело-то благое!

– И что – удача улыбалась?

– Да. Как-то мне везло три недели подряд, и за мной закрепилась слава самого эффективного сборщика средств.

– А потом вы проиграли, да?

– Я терпел адские муки, но продолжал играть. Иначе как бы колесо фортуны стало вращаться в другом направлении?

– И в итоге вам снова повезло?

– Самое умное, что я за жизнь сделал, – это послушался Элиота. Элиот уломал меня вложить часть выигрыша в «Дорогу из желтого кирпича». Иначе сейчас я бы в ночлежке жил и суп бесплатный ел.

– А когда вы обратились в Общество анонимных игроков?

– Вложившись в ресторан, я долго терпел неудачи. Потерял все, что выиграл. Десять штук баксов, если точнее. Я был в отчаянии. Чертовски нуждался в деньгах, просил свою долю у Элиота. Денег он мне не дал, зато притащил меня к анонимным игрокам. Вот уже полгода я не бросал кости, не играл на деньги в карты и не ставил ни на лошадь, ни на собаку.

Я растрогалась и погладила его по плечу. Мне ли не понять, через что прошел Тодд! Страсть к игре – тоже ведь душевная болезнь.

– А как же скачки? – спросила я, когда Тодд свернул на парковку. – Разве вы сами не создаете себе ненужный соблазн?

– Это совсем другое. Здесь я ставок не делаю. Мои деньги в безопасности.

Он заметил, что я не поверила, и рассмеялся.

– Увидите через пару минут.

Мы прошли через служебный вход. Охранник кивнул, коснулся фуражки.

– Добрый вечер, мистер Крамер.

Пожилый чернокожий лифтер держал бюллетень. Он тоже поздоровался с Тоддом.

– Как думаете, мистер Крамер, хорошие шансы у Принца Индии?

– В прошлый раз, Джейсон, этот жеребец вообще ничего не выиграл.

– Ваша правда! – Джейсон поскреб темя карандашом. – Да только ведь помните, какая слякоть тогда была! Нынче-то сухо! Я вот думаю, не

поставить ли пару долларов на Принца Индии. Уборщица наша слыхала от жокея, что Принц Индии придет первым.

– Ты, Джейсон, вроде не вчера к работе приступил. Должен понимать, у кого есть шансы, а у кого нет.

– Так-то я советов не слушаю, мистер Крамер. Только сегодня этот конь из головы у меня нейдет. Потому что я сон видел про индийского принца, которому на день рождения столько золота подарили, сколько он сам весил. Уж наверно, это знак, а не простое совпадение.

– Как знаешь, Джейсон. В конце концов, это твои деньги – тебе их и тратить.

– Раньше вы по-другому рассуждали, мистер Крамер.

– Я был на самом дне. Не так-то просто всплыть, и второй шанс мало кому дается.

Джейсон улыбнулся.

– Ну, я ж не то что вы, мистер Крамер. Изредка ставлю доллар-другой, для развлечения. За такое в аду не горят.

– И правильно делаешь, Джейсон. Продолжай в том же духе – и не будешь развлекаться в аду анонимных игроков.

Мы вышли из лифта на последнем этаже. Джейсон поехал вниз, а я подумала, что ад у каждого свой.

– Интересно, что происходит в аду с игроками? Может, их поджаривают на кострах из проигрышных лотерейных билетов? Или они должны до скончания времен ползать на коленках, искать выигрышный билет, что выпал через дырку в кармане?

Тодд смотрел на жокеев, щеголявших осанкой. В козырьках шлемов плясали отраженные огни.

– Буйная у вас фантазия, Салли. Только все гораздо проще. Ад для игрока – пассивно смотреть, как другие делают ставки. Собственно, мы с вами уже в этом аду.

Тодду махали из окошек касс, из киосков; уборщики отвлекались от своего занятия, чтобы поздороваться с Тоддом. Казалось, все хорошо его знают и любят. Тодд прошел через пресс-центр, где его поприветствовали сразу несколько журналистов. Он ответил каждому и взглянул на часы.

– До первого забега всего пятнадцать минут! А я еще со Стэном не переговорил!

Он устремился на зыбкую внешнюю лестницу, к будке комментатора.

Будка была из стекла и металла, мы лезли по винтовой лестнице, голова кружилась от высоты. Стекланную дверь караулила брюнетка с впечатляющим бюстом и глянцевым журналом. Увидев Тодда, она не

улыбнулась и не кивнула, а просто отперла дверь,пустила нас и вернулась к своему журналу.

– Это Холли, – сказал Тодд. – Подруга Стэна. Два года назад она получила титул «Мисс Энглвуд».

Сам Стэн и его ассистент сидели за столом с микрофонами, откуда отлично был виден весь ипподром. Стэн неотрывно смотрел в бинокль.

– Сегодня трек отличный, верно? – сказал Тодд.

Стэн поднял глаза. Лицо у него было мальчишеское, с кислым выражением, как у грустного, густо набеленного клоуна. Стэн кивнул, полез в кожаный чемоданчик и достал пачку сто долларовых купюр, перехваченных резинкой. Деньги он вручил Тодду. Тодд принялся считать. Купюр было двадцать штук. Все они отправились к Тодду в брючный карман.

– Есть интересные кандидаты? – спросил Тодд.

Стэн приложился к биноклю, окинул взглядом рысаков.

– Нет. Четыре лошадки недурны, только у них шансы почти равные, ставить пока не вижу смысла. Подождем второго забега. Звякни мне.

Голос у Стэна оказался ровный, тусклый, интонации никакие, что вполне сочеталось с его застывшим, как маска, лицом. Мисс Энглвуд отвлеклась от журнала ровно на столько, чтобы выпустить нас и запереть за нами стеклянную дверь.

– Ну и что это было, Тодд?

– Стэну всего двадцать шесть. Он – самый молодой комментатор рысистых бегах. И вдобавок – один из лучших судей. Мало кто знает, что комментирование для него – только дополнительная работа. Настоящие деньги Стэн делает, отслеживая иноходцев и рысаков по всей стране.

До меня стало доходить.

– А вы делаете ставки за Стэна...

Тодд улыбнулся и кивнул.

– Ему запрещено ставить на бегах, которые он же и комментирует. За скромное вознаграждение в пять процентов я оказываю Стэну эти услуги. Либо здесь, либо по телефону, через моего букмекера. У меня репутация игрока, поэтому персонажи, от которых что-то зависит, ничего не подозревают.

Мы вышли из лифта. Официант проводил нас к столику в вип-зале, принял заказ и принес нам программу бегах заодно с рекомендациями насчет ставок.

– Тодд, мне неловко, что вы за меня платите, – сказала я, когда принесли напитки.

Он тряхнул головой.

– Успокойтесь, это же не из моего кармана. Ужин с напитками полагается Бетти Уинз, таковы наши правила.

– Тогда ладно. – Я подняла бокал с коктейлем «Александр». – Ну, за приятный вечер!

Тодд чокнулся со мной.

– За приятный вечер с самой восхитительной и волнующей женщиной из всех, кого я встречал.

Честное слово, Тодд был очень мил. Казалось, мы сто лет дружим. Из динамика донесся голос – сочный, глубокий, проникновенный. Неужели это Стэн?

В зале прибавилось людей. Все они знали Тодда.

– Ну что, Стэн кого-нибудь выделил в первом забеге? – спросил краснолицый тип с огромной сигарой и бриллиантовыми кольцами на трех пальцах.

Тодд покачал головой.

– Может, ко второму забегу определится.

– Черт! – рассердился краснолицый. – Я рассчитывал, Стэн сразу победителя назовет.

Тодд вручил мне двадцатидолларовую купюру.

– Это еще зачем?

– Чтобы вы сделали ставку, Салли.

– Разве мы ставим в первом забеге?

– Я и Стэн – нет. Стэн – вообще не игрок. Он – судья, а это серьезно меняет дело. Персонажи вроде Стэна ставят только для того, чтобы выиграть. Обычный игрок ставит ради адреналина, как я уже говорил. Вот вы и сделайте ставку. Может, и мне вашего адреналинчика перепадет.

– На какую лошадь мне поставить?

– Воспользуйтесь вещим сном Джейсона. Поставьте на Принца Индии.

Я сделала, как советовал Тодд. Несмотря на то что я вся извелась, а Тодду действительно перепало моего адреналина, Принц Индии несколько раз останавливался и в итоге пришел предпоследним.

Перед вторым забегом Тодд позвонил Стэну. Не успел он повесить трубку, как его окружили четверо пажонов во главе с краснолицым любителем толстых сигар.

– Ставьте на Истинного Маккоя, – объявил Тодд.

Каждый из четверых сунул Тодду двадцатку, и все они направились к Джейсону, чтобы сделать ставки. Одну из двадцаток Тодд дал мне.

– Видите, как легко деньги зарабатывать? Ну же, поставьте двадцать

баксов на Истинного Маккоя!

Пока я шла к окошечку букмекера, в голове у меня крутилась песенка из «Парней и куколок», про жеребца по кличке Пол Ривер, который придет первым, если ветра не будет. Тодд поставил на Истинного Маккоя пятьдесят баксов. От лица Стэна, конечно.

Забег начался. Никогда в жизни я так не кричала! Истинный Маккой стабильно держался третьим, пока лошади не вышли на последний круг. Тут-то Истинный Маккой и показал, на что способен. Финишировал с триумфом. Мы победили. Мне за мои двадцать долларов полагалось впятеро больше, то есть сотня. Пока я обналичивала билеты, руки у меня тряслись. Кассир отсчитал сто баксов, я поспешно спрятала деньги в сумочку. Вот это жизнь! Настоящая! Истинная! Тодд получил четыре пятидесятидолларовые купюры для Стэна.

– Выигрыш ваш, – сказала я, протягивая деньги Тодду.

Тодд покачал головой.

– Ни за что не возьму. Вдруг дойдет до моих друзей – анонимных игроков?

Следующая лошадь, выбранная Стэном, пришла третьей, но, кроме нее, были и другие, так что к восьмому забегу я успела выиграть четыреста семьдесят долларов тридцать пять центов.

– Ну и на кого мне теперь поставить, Тодд?

– Не знаю. И Стэн не знает. Сегодня очень сильный состав. А вам, Салли, еще работа предстоит.

Тогда я вспомнила, зачем, собственно, пришла. Нужно задействовать Беллу – только сделать так, чтобы она не пронюхала про деньги. Я огляделась. Вокруг была целая толпа народу.

– Мне бы уединиться на пару минут, Тодд. Для настройки.

– Сразу за секретариатом есть раздевалка. Там, кстати, жокейский костюм. А я пока отдам Стэну выигрыш.

Я быстро переоделась, спрятала деньги в бюстгальтер, причесалась и вызвала Беллу.

– Вот еще! – скисла Белла, выслушав меня. – Чтобы я в жокейском костюме танцевала? Поищи другую клоунессу.

– Белла, я же Тодду обещала!

– Ты обещала – тебе и выполнять.

В дверь постучали.

– Салли, вы скоро? – крикнул Тодд.

– Минутку!

– Вас водитель ждет!

– Слушай, Белла. Я поделюсь с тобой выигрышем, если ты за меня споешь. Я выиграла сегодня четыреста семьдесят баксов.

– Я согласна на половину суммы, и чтобы ты не вздумала задвигать меня после песен. Остаток вечера – мой.

– Белла, побойся бога. Это грабеж.

– Нет, это – шоу-бизнес. Не нравится – найми кого другого.

– Ладно, будь по-твоему. Твоего персонажа зовут Бетти Уинз.

Прежде чем отключиться, я успела подумать: ничего, Белла, когда-нибудь я с тобой поквитаюсь.

* * *

Белла взглянула в зеркало, наредила губы, надела красный шелковый шарфик, который обнаружился в шкафу.

– Значит, нас ждут! Ладно, Бетти Уинз. Пойдем, устроим им шоу.

Вместе с Тоддом под дверью раздевалки торчал еще какой-то тип. Белла приложилась к Тоддовым губам, чего он явно не ожидал, и пропела:

– Увидимся позже, милый.

– Господи! – пробормотал Тодд.

– Я не подведу, – хихикнула Белла и пошла за водителем, отчаянно виляя бедрами.

Водитель, молодой смазливый пуэрториканец по имени Пако, провел Беллу к платформе, украшенной цветами. Везти платформу должен был белый пикап. Помимо цветов имелись бутафорский жеребец с коляской, большой лотерейный барабан, четыре усилителя звука и один микрофон.

– Что делать, знаешь? – уточнил Пако.

– Я всегда знаю, что делать, – голосом Мэй Уэст проговорила Белла, забираясь в коляску и беря поводья. – Так-то, красавчик Пако.

– Отлично, – хохотнул Пако. – В кабине тоже есть микрофон. Я тебя объявлю, а тебе надо будет спеть пару песенок на свой вкус, а потом махать всем этим пижонам, пока я три раза не проеду перед ними. Ползти буду как черепаха, сразу предупреждаю. Потом остановлюсь посреди зала, а ты займешься лотереей.

Появление платформы было встречено бурными аплодисментами.

– Привет, Бетти Уинз!

– Спой для нас, Бетти!

– А сиськи у тебя настоящие?

– Кто из жеребцов нынче у тебя в фаворе, Бетти?

– А кто на очереди?

Белла взяла микрофон и спела «Кэмптонские скачки». Аудитория взорвалась овациями.

Пако поблагодарил всех за то, что пришли на мероприятие. Бетти Уинз собиралась вытащить мячик из лотерейного барабана. Все время на нее были направлены объективы кинокамер.

– Бетти, мои мячики лучше!

– Бетти, захочешь погарцевать – я к твоим услугам!

Белла помахала рукой, сняла жокейский шлем, крутнула барабан, извлекла несколько мячиков и объявила:

– Каждому симпатичному победителю достанется бонус – мой поцелуй.

Толпа восторженно завопила.

Белла продолжала заигрывать со зрителями. Потом заметила кинокамеру, облизнула губы и с интонациями Мэрилин Монро произнесла в микрофон:

– Измельчал шоу-бизнес. Чтобы получить эту роль, мне даже спать ни с кем не пришлось.

Под рев зрителей Белла исполнила зажигательный танец с элементами стриптиза.

Затем она вытащила пять выигрышных номеров. Владельцами первых трех билетов оказались мужчины; каждому достался поцелуй. Под конец Белла исполнила «Мое сердце принадлежит папуле». Ей аплодировали стоя. Несколько мужчин помоложе вспрыгнули на платформу. Пако газанул, двинулся к выходу. Охрана с большим трудом согнала посторонних с платформы.

– Вы были неподражаемы, – сказал Тодд.

Белла вновь поцеловала его в губы, на сей раз – еще более страстно.

– Пойдемте, – выдохнул Тодд.

– Куда?

– Вы переоденетесь, я отвезу вас домой.

– Нет, я хочу сделать ставку. Еще ведь будет один забег.

– Стэн говорит, фаворитов определить невозможно.

– А кто это – Стэн?

Тодд долго смотрел на Беллу, соображая. Качнул головой.

– Вы – не вы. Я это сразу понял, еще возле раздевалки.

– Как это – не я? А кто же?

– Женщина, которая была с Элиотом. Которая танцевала до упаду и просила называть ее Беллой.

– Ты меня совсем запутал, котик, – пропела Белла, забравшись

пальцами к Тодду за пазуху. – А эти придурки мне надоели. Пойдем. Я вся горю.

Пока Белла переодевалась, я долбила ей мозг: хочу выйти, хочу выйти.

– Мы ведь договорились, – отшучивалась Белла.

– Я тебе весь выигрыш отдам, все четыреста семьдесят баксов, только скройся!

– Нетушки! Я пела, я зажигала. Значит, и деньги мои, и время тоже.

– Ты об этом пожалеешь, Белла.

– Чего?! Ты сама согласилась на мои условия. Поздненько метаться.

Мне оставалось только отступить. Возле раздевалки Беллу дожидался Тодд.

– Если уж вам не удастся сделать ставку, не шикайте. Стэн говорит, шансы у лошадей примерно равны.

– Пусть себе говорит.

Белла подошла к окошку, где принимали ставки на пятьдесят долларов и выше, и поставила все четыреста семьдесят долларов на победу Сумрачной Салли. Думала, очень остроумно. Сумрачная Салли пришла четвертой.

– Ну и что ж, – сказала Белла, сексуально потягиваясь. – Зато нервишки пощекотала.

– Вы умеете проигрывать.

– Про деньги, как и про мужчин, я всегда говорю: свято место пусто не бывает.

Тодд отвез Беллу домой, и она пригласила его выпить.

Он шагнул за ней по лестнице, а я кляла себя за идиотскую сделку. Если Белла вздумает переспать с Тоддом, неминуемо появится Джинкс. Бестолочь Белла о Джинкс и не вспоминает, а зря.

Тут меня осенило. Сделку-то я заключала, остальные не в курсе. Значит, можно выпустить кого-нибудь другого и устроить Белле жестокий облом. Но кого выпустить? С Нолой хлопот не оберешься. Значит, подойдет дуреха Салли.

Белла пошла в спальню переодеться во что-нибудь более удобное, а Тодд занялся напитками. Тогда-то я и стала выталкивать на свет Салли. Та упиралась, не желала включать мозг. Белла попробовала возмутиться, дескать, нечестно это.

Но кто ее слушал?

И вот Салли завязывает поясок новенького розового банного халата и слышит какие-то шумы из гостиной. Пугается, конечно. Выглядывает, видит Тодда с бокалом в одной руке и телевизионным пультом – в другой.

– Решил похозяйничать, – объясняет Тодд. – Надеюсь, вас покажут в вечерних новостях.

Салли медленно-медленно идет к нему, тянет время, соображает, о чем это он толкует и с какой стати ее будут показывать по телевизору.

– Почему вы так думаете?

– А помните, сколько кинокамер было на ипподроме?

Салли опешила.

– Что вы вообще делаете в моей квартире? И при чем здесь ипподром?

– Нет, только не это! – Тодд поставил бокал и приготовился ретироваться. Задом стал пятиться в прихожую. – В кого она теперь перевоплотилась?

Салли смотрела строго.

– Не знаю, что за игру вы затеяли, Тодд. Я целый день дома провела.

– Целый день? А это как вы объясните? – И Тодд указал на телеэкран.

– ...на нью-йоркском ипподроме, – вещал диктор, – прошли рысистые бега. Как обычно, зрителей развлекала всеобщая любимица Бетти Уинз, которая сегодня была в ударе.

У Салли чуть глаза не выскочили, когда она увидела в телевизоре саму себя.

– Боже!

– Если вы целый день дома провели, это тогда кто?

– Я... – выдохнула Салли. – Но я ничего не помню...

Она смотрела, как зажигает на платформе Белла, как виляет бедрами, поет и непристойно шутит. По щекам Салли катились слезы.

– Это не я. Этого не может быть. Я не такая. Я ничего не помню.

Тодд попытался ее успокоить, но она отшатнулась.

– Не трогайте меня! Я должна подумать. Мне нужно остаться одной и все взвесить.

– Будь по-вашему, я уйду. Но вы уверены, что вам не нужна помощь? И вот еще что: я люблю вас, Салли. Помните об этом.

Заперев за Тоддом дверь, Салли выключила телевизор и долго таращилась в пустой экран.

Больше она уже не могла отрицать диагноз. Она видела все своими глазами.

Тишина была жуткая, а Салли так мучилась, что мне стало ее жаль. Ведь если разобраться, с нее сорвали маску, за которой она благополучно пряталась. И вот она будто смотрит в зеркало – и видит все, что происходило в течение долгих лет во время ее провалов. Салли думала, ее злые люди обвиняют чуть ли не во всех смертных грехах, лгуньей

называют, наказывают, за спиной перешептываются, пальцем у виска крутят. А тут выясняется, что все обвинения – заслуженные! Она и вправду творила бог знает что!

– Я жить теперь не хочу!

Возглас, а точнее, вой вырвался из самого сердца Салли.

И тут же неизвестный голос ответил:

– Ты должна жить!

– Кто это говорит? Чей это голос? Ты что – один из моих альтеров?

– Нет. Я за тобой присматриваю.

– Я страдаю расщеплением личности. Я ненормальная. Я хочу умереть!

– Теперь, когда ты знаешь правду, ты сможешь вылечиться. Не сдавайся.

– Сил нет терпеть этот ужас! Дай мне умереть!

Салли схватила стакан, шарахнула об столешницу и осколком принялась пилить себе запястье.

– Ты видела Беллу, – вновь зазвучал голос. – Тебе известна правда. Скоро ты признаешь также и остальных своих альтеров – не только разумом, но и чувствами. Расскажи обо всем доктору Эшу. Лечение отныне пойдет ускоренными темпами.

Салли потеряла сознание.

Не представляю, чей это был голос. Может, мы все рехнулись.

* * *

В пятницу Салли честно все выложила Роджеру Эшу. Тот расстроился.

– Я планировал столкнуть вас с вашими альтерами. Но я хотел сам при этом присутствовать. Ваше осознание правды должно было произойти при мне, под моим наблюдением. Кто мог подумать, что собственного альтера вы увидите по телевизору!

– Я хотела умереть, доктор. Никогда в жизни мне не было так плохо.

– Знаю, знаю, это очень болезненный опыт. Вы сделали первый шаг на пути к исцелению, сломали первый выстроенный вами барьер – барьер отрицания самого факта болезни. Зато теперь, когда вы на эмоциональном уровне приняли всех ваших альтеров, вы сможете двигаться к нормальной жизни вполне осмысленно. Как только вы и ваши альтеры научитесь считаться друг с другом, основная опасность минует. В чем она заключается? В том, что никто из вас не представляет, чем заняты

остальные.

– Простите, что пыталась убить себя.

Роджер несколько секунд пытливо смотрел на Салли. Затем произнес веско, подавшись к ней, приблизив лицо к ее лицу:

– Это меня крайне беспокоит.

– Я больше не буду.

– Сейчас, Салли, ваша психика очень неустойчива. Вы подвергаетесь опасности. Вам следует лечь в больницу. Ненадолго. До тех пор, пока не будет выстроено взаимопонимание между вами и вашими альтерами.

Салли чуть не задохнулась.

– Лечь в больницу? Зачем? Я не сумасшедшая. Вы сами говорили, что я не сумасшедшая!

– Говорил и сейчас повторяю. Просто следующий шаг к исцелению будет решающим, и для вашей же пользы необходимо, чтобы вы находились под наблюдением специалистов двадцать четыре часа в сутки. Сами подумайте, вдруг вас снова постигнет провал?

Салли качала головой и хмурилась.

– У меня всю жизнь провалы, и ничего. Никто меня в больницу не укладывал. Вы что-то хотите со мной сделать, да?

Роджер взял ее за руки, заглянул в глаза.

– Салли, я уже неоднократно вводил вас в состояние гипноза и будил, оставляя за вами право помнить весь сеанс, или часть его, или вообще не помнить. И до сих пор вы просыпались с абсолютно чистой памятью. Понимаете, что это значит? Я вам объясню. Вы, Салли, всякий раз ставите столь сильную блокировку, столь активно отрицаете своих альтеров, что терапия не приносит ни малейшей пользы. Мы с вами просто на месте топчемся, если уж совсем простым языком говорить.

– Что вы хотите со мной сделать? – почти взвизгнула Салли.

– Я введу вас в состояние гипноза и буду давать вам команды запоминать то, что происходит во время моих контактов с вашими альтерами. Вы будете слышать наши разговоры, оставаясь собой – Салли Портер; но еще вы сохраните в памяти все услышанное. Так вы сможете принять своих альтеров.

– Не хочу я их принимать. Я хочу от них избавиться!

– Нельзя. Теперь, когда вы смирились с их наличием – ведь до сих пор вы лишь знали о них, а это не одно и то же, – мы должны собрать из расщепленных личностей одну целостную личность. Вам, всем пятерым, придется контактировать непосредственно друг с другом.

– Я боюсь.

– Вполне понятно. Вы создали альтеров, поскольку нуждались в них, а теперь сами же от них и отрешиваетесь с помощью амнезии. Я хочу разрушить этот ваш контрпродуктивный механизм защиты, свести вас с другими личностями, чтобы вы могли работать вместе. Помните – когда-то альтеры были вашими воображаемыми подружками?

Салли вытерла слезы.

– Да, помню. Но я не думала, что мне придется вновь с ними встретиться.

– Другого пути к выздоровлению нет, Салли. Я планирую начать групповую терапию со всеми вашими альтерами, а для этого надо, чтобы вы были в больнице, под круглосуточным наблюдением.

– А как же моя работа в ресторане?

– Скажите Элиоту и Тодду, что вам нужен больничный на пару недель, не больше. В подробности вдаваться необязательно. Я распоряжусь насчет места в палате.

Салли кивнула.

– Вам виднее, доктор.

От Эша Салли выходила вся как натянутая струна. В голове вертелось: скорее собрать вещи и валить. Однако Салли знала: никуда она не свалит. Она встретится лицом к лицу с людьми, что явились из ночных кошмаров и рвут на части ее жизнь. Тогда все решится. Салли либо выздоровеет, либо умрет.

Часть вторая

Глава 8

Всю следующую неделю Салли провела в больнице. Ее поместили на третьем этаже, в палате со свободным входом и выходом. Обстановка больше напоминала современный отель, но Салли пугали медсестры, врачи и другие пациенты, поэтому она из этого отеля мысленно выехала. Что мне оставалось, кроме как взять власть в свои руки? Языкатая Даффи то и дело заглядывала в палату, порой даже будила меня среди ночи и всякий раз спрашивала – кто я, как мое имя? Зная, что Даффи считает Салли симулянткой и в нас не верит, я придумала несколько совершенно новых имен и здорово ее озадачила. Один раз я назвалась девочкой Луизой, четырех лет от роду, которая потеряла свою мамочку. Даффи чуть удар не хватил. В другой раз я была Мартином Косаком, ограбившим банк в аризонской глубинке. Даффи прилежно записывала все мои показания.

В больнице я завела знакомства – к ним очень располагал просторный, светлый холл с многочисленными комнатными растениями. Однако вскоре кто-то напел моим новым приятелям, что я – мультяшка, и они начали меня сторониться.

– Ну и кто вы сегодня? – спрашивала одна седенькая старушка.

До тех пор спрашивала, пока я не сказала:

– Джек-потрошитель. Знаете, сколько я таких вот старушенций выпотрошил?

Нехорошо, конечно, пугать пожилых людей, но ведь и мое терпение имеет границы.

Я близко сошлась с Марианной – прыщавой, жидковолосой девочкой-подростком. Марианна твердила, какая я милая и дружелюбная. Стоило выйти в холл и устроиться на кушетке, обитой кожей с радужным принтом, как появлялась Марианна и начинала чесать языком. Она всегда была в курсе мелких больничных событий и охотно выкладывала новости. Ей льстила роль главной больничной сороки. Я слушала внимательно – Марианну наблюдал Роджер, из болтовни я выуживала информацию о нем.

На третий день, с утра, меня долго тестировали. Я и фигуры в чернильных пятнах искала, и даже делала «Калифорнийский психологический тест». Здорово вымоталась, в холл пришла мрачная. Мечтала посидеть в тишине.

А Марианна только и ждала, когда я появлюсь.

– Не хочу, чтобы доктор Эш меня и дальше лечил, – зашептала она,

придвинувшись ко мне вместе со стулом.

Я раскладывала пасьянс. Не глядя на Марианну, спросила:

– Почему?

– О нем такое говорят, такое говорят! Я вот в буфете со стола убирала, а там трое докторов болтали. Я и подслушала. Эша хотят исключить из врачей-консультантов, да боятся проблем. Один доктор сказал: «Эш – настоящий диктатор. Если уж что решил, нипочем его не разубедишь. Воображает, будто все знает лучше всех».

– Может, так и есть.

Я очень устала после тестов, пасьянс не складывался. Я смухлевала – убрала туза.

– А еще говорят, Эш слишком много времени уделяет твоему случаю, а остальные пациенты у него позабыты. Другим докторам приходится делать его работу. И это правда. Эш с тобой больше возится, чем со всеми нами.

– Это потому, что нас – пятеро, а вас – каждого по одному, – сказала я.

– Так ты это признаешь? – опешила Марианна.

– Не просто признаю – я этим горжусь. Я ведь в пять раз умнее, в пять раз красивее, в пять раз сексуальнее любой из вас.

Такого Марианна никак не ожидала.

– Ах ты дрянь! Недаром говорят, что ты притворяешься, лишь бы Эш с тобой возился! Ты время у нас ворует, потаскуха!

Я только рассмеялась.

– Конечно, притворяюсь. Я никакая не больная. Я – актриса. Сейчас фильм снимается про расщепленных личностей, вот я и вживаюсь в роль. Да ты скоро сама увидишь. Вы все увидите.

– Ты меня разыгрываешь. Ты меня всерьез не принимаешь. А знаешь, что я еще слышала? Медсестры говорят, у Эша жена повесилась на дереве перед их же домом, – вот до чего он ее довел!

– Врешь! Врешь, мерзавка прыщавая!

Тут, наверно, я переборщила. Но Марианна сама нарвалась, честное слово. Зачем было хаять Роджера? Услышав про «прыщавую мерзавку», она подскочила, расшвыряла мои карты и опрокинула меня вместе со стулом. Я здорово ушиблась. И вот я валяюсь на полу, а Марианна сидит у меня на груди и волосы мои дерет. Я решила, что сама с ней справлюсь, без Джинкс. Потому что Джинкс, уж конечно, девчонку насмерть задушит, а мне осложнения без надобности.

Короче, мы катались по полу, Марианна разодрала мое платье, но я все-таки сумела положить ее на лопатки.

– погоди! – вопила Марианна из своего незавидного положения. – Ты

еще пожалеешь, что напала на меня!

– То есть это я на тебя напала? Недурно! По-моему, все было как раз наобо...

Прежде чем я договорила, подросли языкатая Даффи и еще одна медсестра. Меня схватили за руки, практически распяли, а мерзавка Марианна вскочила и давай лягаться. Прямо в живот била. Трое на одну – несправедливо, подумала я и вызвала подкрепление.

Джинкс лягнула в ответ, угодила Марианне в челюсть и отправила паршивку в нокаут. После чего обмякла, заставив медсестер потерять бдительность, и высвободила левую руку. Почти сразу одна медсестра получила удар слева, а вторая, секундой позже, соответственно – удар справа. Раздались свист и вой (кто-то нажал тревожную кнопку). Набежали другие пациенты, попрятались по углам, как стадо овец. Джинкс продолжала обрабатывать медсестер. Пол обагрился кровью.

Даффи сопротивлялась отчаянно, предприняла вторую попытку зафиксировать Джинкс, но была жестоко бита ногами. Дверь отворилась, ворвались дюжие санитары, один – со смиренной рубашкой. Джинкс окружили. Только тогда она перестала пинать Даффи.

– Ну, подходите ближе! Что застыли, ублюдки? Я и вам покажу, почему фунт лиха!

Во рту скопилась кровь. Джинкс тошнило, однако она решила сдерживаться до последнего. И сдерживать натиск санитаров.

Все-таки здоровенный санитар изловчился и схватил ее. Джинкс лягнула его в мошонку, но он успел выставить для защиты ногу, еще крепче сжал Джинкс и произнес со смехом:

– Вот бешеная кошка!

– Держи ее, Тоби. Я пока рубашку надену.

– Поторопись! Откуда только у таких субтильных силы берутся?

Джинкс пыталась царапаться, санитар уворачивался. В конце концов Джинкс повалили на пол и затащили на ней смиренную рубашку.

Одного она не понимала – как ее угораздило сюда загреметь? Чьи это интриги? Мало того что упекли Джинкс в дурдом, так еще и на драку спровоцировали. Ох и не поздоровится теперь кое-кому!

– Надо сообщить Эшу, – сказал санитар. – Пускай сам разбирается.

Второй кивнул.

– Распустил своих психов, а нам расхлебывать. Глянь, она меня укусила! Придется от бешенства уколы колоть.

Даффи со скрипом поднялась.

– Спасибо, ребята. Теперь я справлюсь. И доктору Эшу я тоже сама

доложу. Помогите только в палату ее втащить и к койке пристегнуть. Эш не велел давать ей аминазин, так что пускай эта сучка в зафиксированном виде поостынет. Ситуация под контролем. Незачем беспокоить доктора в выходные.

– Ты труп, – прошипела Джинкс. – Вот только освобожусь – сердце твое вырву и съем, так и знай.

Даффи взглянула холодно, с плохо скрываемой ненавистью.

– У вас, Салли, завидные актерские данные. Но сегодня вы явно переигрываете. Может, доктора Эша вы и вводите в заблуждение, однако остальных вам не одурачить.

Джинкс поволокли в палату и стали «фиксировать» ремнями на койке. Она отчаянно лягалась, но в конце концов оказалась намертво прикреплена за запястья и лодыжки.

– Какого черта, Дерри? Не я эту драку начала! Давай, вылезай и лежи тут вместо меня! Вылезай, кому говорю!

– Ага, разбежалась. Не выношу ремней и всего такого прочего.

– Как хочешь, а я исчезаю. Не полезешь в ремни сама – подсунь нашу овцу.

Мне было стыдно перед Салли – в конце концов, она же не виновата, – но лучше пускай она в ремнях мается, чем я. Поэтому я молча наблюдала, как уходит Джинкс. И тут у меня появилось странное ощущение – будто за всеми нами наблюдает кто-то еще. Быть такого, конечно, не могло. Я – единственный куратор.

Из тени вытолкнули Салли. Обнаружив себя прикованной к койке, она задергалась, застонала и завывала.

Тогда-то неизвестно чей голос и стал говорить с Салли.

– Успокойся, Салли, детка. Ты поранишься, если будешь так метаться. Наберись терпения. Доверься доктору Эшу. Полностью доверься. Найди в себе смелость посмотреть в глаза остальным. Доктор Эш говорит, вам всем грозит опасность и надо срочно принять меры – и он совершенно прав.

Я слушала и думала: все, приехали. Теперь мы точно – сумасшедшие. С кем поведешься... Салли неожиданно успокоилась. Перестала биться и метаться. Лежала тихо, как мышь. Решила: стану паинькой. Тогда, может, тот, кто говорит так ласково, явится во плоти и расстегнет ремни.

Салли предприняла несколько попыток устроить себе провал, но ничего не вышло. Тогда она стала думать об отце, об Оскаре-почтальоне, исчезнувшем после того, как умер ее дедушка.

Салли хорошо помнила его лицо. Она так часто искала это лицо в городе, так надеялась увидеть печальные глаза под тяжелыми веками, с

отсутствующим, как у лунатика, взглядом, и плечи, сутулые от многолетнего ношения почтовой сумки. Правда, Салли видела своего Оскара не почтальоном, а песочным человеком^[16] с полной сумкой песка. Так они с папой играли – папа рассказывал Салли сказку на ночь, а потом лез в сумку, делал вид, что достает песок и сыплет ей в глаза. Салли даже слышала его ехидный смех. Оскар спал и смеялся. Или спала сама Салли, и ей снился смеющийся Оскар?

Салли была уверена: исчезновение Оскара – просто первоапрельский розыгрыш. Однажды Оскар возникнет прямо на улице, у нее за спиной, прикроет ей глаза ладонями и скажет: «Ну-ка, кто я – угадай!» Или махнет рукой куда-нибудь в сторону: «Ой, Салли, какая уточка!» Никакой уточки, конечно, там не будет, но Салли, к восторгу Оскара, все равно повернет голову.

Оскар обожал розыгрыши. Бывало, возьмет да и крикнет: «Глянь – собака о двух хвостах!» – а когда Салли поведется, поет: «Первое апреля – никому не верю!»

Ох, эти печальные глаза, будто Оскару было жаль будить Салли по утрам. «Вставай, Спящая Красавица. В школу пора».

Почему он прыгнул тогда в поезд, почему бросил ее одну на платформе? Неужели вспомнил про какие-нибудь важные письма?.. Салли плакала. Ее нашел полицейский, принес в участок, позвонил матери.

Потом они с матерью ходили в участок писать заявление о пропаже Оскара. Но разве Оскар мог пропасть? Он же взрослый! Взрослые не пропадают и не теряются. Наверняка он где-то здесь. Тем более что Оскар уже не раз терялся и находился – только не в городе, а в своей собственной голове. По утрам, разбудив Салли, он, бывало, сидел за кухонным столом, уставившись в одну точку, еле удерживая веки, готовые опуститься – вот-вот уснет. Но нет – в последнюю секунду Оскар издавал смешок, щипал тонкие усики и укоризненно качал головой, приговаривая «Оскар, Оскар!». И снова глаза становились печальными – наверное, оттого, что он понимал, где он и кто он.

Уже став взрослой, Салли часто задавалась вопросом: о чем думал Оскар в такие минуты? Может, он мечтал о море? Мать говорила: наверное, он записался в матросы, ведь мальчишкой он обожал корабли, был морским скаутом, и отец у него моряк, и вообще, Оскар ей морем своим все уши прожужжал. Они поженились, едва он окончил школу, а матери вообще пришлось выпускной класс бросить, и Салли родилась через шесть месяцев после свадьбы. Салли всегда помнила: мать стыдится ее рождения, ее самой. Если б не Салли, мать бы образование могла получить, а так...

Сама Салли не верила, что Оскар ушел в плавание. Он по-прежнему представлялся ей песочным человеком с кожаной сумкой, полной волшебной пыли. В один прекрасный день Салли увидит его в толпе, подбежит сзади, закроет ему глаза ладонями и спросит шепотом: «Песочный человек, а песочный человек! Угадай, кто я. Угадай!»

Жаль, что сейчас Оскара нет рядом. Может, он начал новую жизнь. Такое бывает: мужчина рвет с прошлым, находит новую жену, заводит новых детей, меняет имя и фамилию. Становится другим.

Чем больше Салли думала об Оскаре, тем быстрее мельтешили мысли в ее голове. Не выношу такого мельтешения. Поездки слишком быстро. Лучше не сойти. Или я должна замедлить ход... Почему Салли не в состоянии принять элементарное решение? Какое платье надеть? Что купить на обед? До какого этажа ехать на лифте?

Оскар мне в помощь.

Доктор Эш мне в помощь.

Бог мне в помощь.

Салли должна рассказать Роджеру Эшу об Оскаре. О том, что в свои шесть лет раньше всех поняла: Оскар не вернется. Что все ужасно, Салли сообразила еще накануне вечером, когда Оскар, рассказав ей сказку, решил: волшебный песок подействовал. Он наклонился над ней, поцеловал в щеку и прошептал: «Сладких тебе снов, Спящая Красавица. Спи, пока Прекрасный Принц не разбудит тебя поцелуем». После этого Оскар кивнул сам себе и вышел, улыбаясь, из детской. А на завтра исчез.

* * *

Стараниями Даффи Салли пробыла в «зафиксированном» положении всю субботу и полвоскресенья. В полдень Даффи вошла и заглянула в глаза пристегнутой Салли.

– Ну и кто ты у нас?

– Салли Портер.

Даффи склонилась над Салли, так что стало ощутимо ее дыхание.

– А про остальных ты наврала, да?

– О чем вы говорите?

– О том, что остальных не существует! Ты у нас тут в единственном числе, ты все выдумала. Симулянтка!

В глазах Даффи было столько ненависти, что Салли растерялась. Чувство самосохранения не позволяло ей возразить. Она услышала

знакомый голос, советовавший: согласись с медсестрой, не то она отомстит. Она опасна, лучше сказать ей то, что она хочет услышать.

– Я не симулянтка, – произнесла Салли. – И я не вру. Доктор Эш говорит, что другие личности есть, а я верю доктору Эшу.

– Эш распорядился не давать тебе транквилизаторов. А мой опыт подсказывает: ты пока свои ошибки не осознала. Поэтому будешь лежать так до завтра!

Впрочем, через час Даффи сменила гнев на милость – Салли освободили.

– Извини, детка, – говорила тучная медсестра, расстегивая ремни. – Даффи у нас злюка. Таким, как она, нельзя в больнице работать.

Салли долго растирала запястья и лодыжки, посиневшие от ремней. Украдкой взглянула на бейджик, прочла: «Л. Фентон, медсестра». Невольно подумала: «Мне бы тоже бейджик не помешал, а то все, кому не лень, спрашивают, кто я да что я».

– Спасибо, сестра. Мне очень неловко, что я буянила.

– Ну что ты, милая! Это ты еще не видала, как буянят. Ты скоро поправишься – доктор Эш тебя вылечит. Повезло тебе, что ты к нему попала.

Салли хотелось остаться одной в палате, но явился Элиот с цветами и конфетами, и Салли разрешили выйти в холл для посетителей.

– Как мило с вашей стороны, что вы пришли, Элиот.

– Тодд тоже хотел прийти, но он занят сегодня на бегах. Он мне рассказал, как вы себя по телевизору увидели.

– Доктор Эш говорит, мне это пошло на пользу. Иначе я бы, может, еще долго не признала этих, остальных. Которые внутри меня.

– Я насчет них давно подозревал. С того вечера, когда мы с вами были в клубе. Помните, вы обиделись на имя «Белла»?

– Помню.

– Вы такая красивая, Салли. Хотя даже не в этом дело. Красивых много, а вот добрых, сердечных – еще поискать. Вы удивительная. Вы наверняка догадались, что я от вас без ума.

– Я больна.

– Вы поправитесь. Очень скоро в вашей прелестной головке все встанет на свои места. Знаете, что я вам скажу, Салли? Да, у меня репутация волокиты, но это все в прошлом. Я готов ждать вашей благосклонности – только намекните, что надежда есть.

– Я не понимаю.

– У меня было три неудачных брака. Я не думал, что захочу снова

жениться. Знакомство с вами перевернуло мою жизнь. Я не встречал таких чудесных женщин. Если вы выйдете замуж за респектабельного человека, судья может переменить решение насчет ваших детей. Подумайте об этом, Салли.

Салли покраснела.

– Спасибо вам. Вы очень милый. Мои близнецы мне дороже всего на свете, но чтобы снова замуж... я не знаю...

– Ничего не говорите пока. Я просто заронил эту идею в ваше сердце. Глядишь, зернышко и проклюнется. Если же нет, если вы не пожелаете видеть меня своим мужем, я согласен на роль друга.

– Вы замечательный человек, Элиот.

Когда он ушел, Салли стала напрягать воображение. Вот она – супруга выдавшего виды, траченного жизнью повесы. Мог он измениться или не мог? Все-таки возраст берет свое... Надкусив в задумчивости конфету (нугу в шоколадной глазури), Салли вдруг поняла: у Элиота округлились щеки! Он снова набирает вес. А говорил: толстяку назад ходу нет!

* * *

В понедельник, в десять утра, Мэгги повела Салли к Роджеру в кабинет для сеанса групповой терапии.

– Мы уже знаем про самоуправство Даффи, – говорила Мэгги. – Доктор Эш очень, очень сердит. Жалобу написал руководству.

Салли с Мэгги вышли из стационара, миновали внутренний двор, проследовали мимо здания администрации. Кабинет Роджера располагался в отдельном крыле.

В кабинете Салли сразу заметила перемену обстановки: доктор Эш зачем-то поставил кружком пять стульев. К спинкам четырех из них были прислонены зеркала. Роджер поднялся навстречу Салли и усадил ее на стул без зеркала.

– Простите, Салли. Поступок Даффи не имеет оправданий.

– Все нормально, доктор. Я в порядке. Сестра Даффи сказала, вы не велели давать мне успокоительные. Наверное, не было другого выхода...

– Как это – не было? Был! Даффи могла мне домой позвонить! Я бы сразу примчался. Могла просто запереть вас в палате. Зачем ремни? Средневековье какое-то, честное слово! Варварство и дичь!

– Я же буянила, доктор. А сестра Даффи знает, что я пыталась покончить самоубийством...

Роджер Эш подвинулся к Салли вместе со стулом.

– Я вам помогу, Салли. Мы справимся с вашим расстройством. Мы с вами сейчас знаете чем займемся? Раскопками! Только копать будем не в земле, а в вашей памяти. Вытащим на свет прошлое. Потом у нас как по маслу лечение пойдет. Главное, вы должны принять ваше прошлое, а не отмахиваться от него. Я-то про вас уже много знаю. А вы до сих пор закрывались от воспоминаний. Вы приняли своих альтеров эмоционально; это хорошо. Сегодня я устрою вам с ними встречу.

Салли оглядела пустые стулья с зеркалами и поежилась. Ей стало жутко, захотелось спрятаться.

– Я не готова. Я думала, это еще не скоро будет. Я не ожидала, что сегодня...

– Именно сегодня. Мы с вами и так припозднились.

Салли сгорбилась, будто хотела сделаться как можно меньше.

– Я не выдержу, доктор.

– Выдержите. Не будь я в этом уверен, я бы и сеанс не затевал. Вот что мы сейчас сделаем, Салли...

Она отвела глаза, а Роджер продолжал:

– Для начала попробуем обойтись без гипноза. Я хочу, чтобы ваши альтеры появились здесь благодаря вашему волевому усилию. Вызывайте их по именам, говорите с ними так, как раньше, в детстве.

– У меня не получится.

– А вы попытайтесь. Гипноз применить я всегда успею.

– Что мне говорить?

– Это вы сами решите.

Салли заглянула в каждое зеркало по очереди, увидела собственное отражение. До чего же глупо разговаривать с самой собой!

– Доктор Эш сказал мне, чтоб я с вами поговорила...

Фраза показалась Салли нелепой. Она замолчала на несколько секунд и сделала второй заход.

– Мы должны собраться вместе, потому что доктор Эш хочет нам помочь...

Салли стало страшно. У основания затылка нарастала боль, по телу пошел холод. Доктор Эш явно требовал от Салли не этого – не очередного провала. Салли должна оставаться в сознании, смело глядеть в лица тех, других, что спрятались внутри нее. Кем бы они ни были.

– Выходите! Пожалуйста, выходите! Дерри! Нола... Белла... или как вас там! – закричала Салли. – Поговорите со мной!

Никто не вышел на зов.

– Простите, доктор, – пролепетала Салли. – Я вас подвела...

– Не следует так говорить. И даже думать. Случилась всего-навсего небольшая заминка. Вы взволнованы, вас пугает такой важный шаг – это естественно. Вы боитесь открыть каналы для общения.

– Они не хотят общаться!

Салли подождала еще минуту. Нола с Беллой, образно выражаясь, пихались локтями. Их, как и меня, разбирало любопытство. А вот куда исчезла Джинкс – я не знала.

Мне вспомнился пятнадцатый день рождения Салли. Ее мать планировала устроить настоящий праздник, приглашала ребят и девочек, но никто не пришел, потому что Салли считалась «не от мира сего». Сама она не слишком огорчилась – ей всегда приятнее было одной. Мы собрались у нее в комнате, устроили альтернативную вечеринку с мороженым, тортом и печеньем. Белла задула свечи на торте, Нола придумала красивое и складное пожелание. А Джинкс выбралась через окно по водосточной трубе, вывела из гаража Фредову машину и устроила для нас ночные гонки по району. На завтра Салли жестоко тошнило от сладкого и быстрой езды, и она же получила ремня, хотя совершенно не поняла, за что, – память, как всегда, отшибло. Даже как-то неудобно перед Салли: развлекается и бедокурит кто-то из нас, а отвечать – ей.

Теперь, в кабинете Роджера Эша, Салли очень старалась не разреветься. Она сидела, плотно сдвинув колени, сцепив пальцы, и просила дрожащим голосом:

– Лучше сами их вызовите, доктор. Меня они не слушают.

– Хорошо, я их вызову, – сказал Роджер, коснувшись руки Салли. – Начнем. *Ему известно, что скрывает мрак...*

Салли закрыла глаза и стала ждать инструкций Роджера.

– На счет «пять» все ваши альтеры соберутся в этой комнате, и мы начнем сеанс групповой терапии. Нам есть что обсудить. Проблемы важные, требуют внимания каждой из вас. Я имею в виду – внимания Дерри, Нолы, Беллы и Джинкс. И, конечно, Салли. Итак, Салли, до скольких я буду считать?

– До пяти, – прошептала Салли.

– Правильно. Один-два-три...четыре... пять. Вы все, *выходите на свет.*

Салли слышала слова Роджера и тряслась от страха. Что-то сейчас будет? А я почувствовала толчок в спину.

– Привет, Роджер, – сказала я. – Давненько не виделись. Запишите там у себя: на свет вышла Дерри.

Салли, услышав мой голос, чуть не задохнулась. Стала смотреть во все зеркала поочередно – вычисляла, кто это мог говорить. Во всех зеркалах, кроме одного, отражалась она сама – кареглазая шатенка. И только в этом одном, которое стояло слева, Салли увидела задорную блондинку, не то косившую, не то стрелявшую голубыми глазами.

– Здравствуйте, Дерри, – произнес Роджер. – Расскажите, что случилось в последнюю пару недель?

И я рассказала – про рысистые бега, про реакцию Салли на Беллу в теленовостях. Салли слушала раскрыв рот – она-то все самое интересное с Тоддом пропустила!

– Проблема в том, – сказала я, – что Элиот и Тодд предпринимают шаги.

– Поясните, Дерри.

– Тодд втрескался в Нолу, но путает с ней меня. Элиот сходит с ума по Белле, а предложение сделал Салли.

– А вам, Дерри, кто из них больше нравится?

– Из них – никто, – ответила я, глядя Роджеру прямо в глаза. Должен же он от такого взгляда понять, что я сохну по нему!

– Ладно, – сказал Роджер, – мы это обстоятельство учтем. Только, пожалуйста, никаких судьбоносных решений до полного слияния! Выбирать будет Салли, когда выздоровеет.

Я прищурилась.

– Надеюсь, она сделает правильный выбор.

– Дерри, я чего-то не знаю? – насторожился Роджер.

Я подумала с минуту, вспомнила про толчок между лопаток.

– Ну, раз уж вы сами заговорили, Роджер... Да, есть кое-что. У меня ощущение, будто за мной наблюдают. То голос какой-то странный слышится, а никого нету. Голос остановил Салли, когда она вены себе резала. После того, как увидела Беллу в новостях. И вот что интересно: этот голос меня не пугает. Он добрый. Может это быть ангел-хранитель, а?

Роджер слушал внимательно.

– Примерно этого я и ожидал, Дерри. Такое рано или поздно происходит при синдроме расщепленной личности. Вам следует прислушиваться к голосу и делать, как он советует, если его советы несут добро. Только сообщайте мне о каждом случае.

– Хорошо, Роджер. Я буду курировать этот вопрос. – Мне стало смешно, я хихикнула. – Ой, простите, не сдержалась.

Роджер улыбнулся. Значит, не обиделся на мою шутку.

– Еще кое о чем попрошу вас, Дерри. Сделаете?

– Для вас что угодно.
– Помогите мне с групповой терапией. Позовите остальных. Это очень важно.

– Я попробую. С кого хотите начать?
– На ваше усмотрение.

Я прикинула, что лучше сейчас вызвать Беллу. Во-первых, она всегда готова к выходу, во-вторых, не разочаровывает аудиторию. И я сказала Белле, что Роджер хочет устроить групповой сеанс. Беллу не пришлось долго упрашивать.

Внезапно Салли увидела еще одно чужое лицо – в зеркале выпячивала пунцовые губы рыжая, густо накрашенная фифа с накладными ресницами. Интересно, которая Белла – настоящая: та, что здесь, или та, что была в теленовостях?

– Ух! – воскликнула Белла. – Прямо голова кружится! Будто на карусели прокатилась.

У Салли вид был до того перепуганный, что я подумала: сейчас она в обморок хлопнется и весь групповой сеанс нам испортит. Я поспешила вмешаться:

– Давайте я вас познакомлю. Салли, это Белла.
– Как дела, Белла? – проямлила Салли.
– Дела ничего, если меня за кулисы не загоняют.

Салли не поняла, наморщила лоб. Я принялась объяснять:

– Белла занята в шоу-бизнесе. Это ее ты, Салли, видела в репортаже с рысистых бегов. Белла играла роль Бетти Уинз.

Салли покачала головой.

– Нет, я не эту девушку видела. Я видела саму себя. Как же так?

А ведь и правда! Пока Белла зажигала на бегах, это она и была – рыжая, накрашенная. Я сама видела. В новостях показывали уже Салли.

– Все довольно просто, – вмешался голос из третьего зеркала, слева от Беллы и напротив Салли. Возникло новое лицо. Высокие скулы, смугловатая кожа, длинные прямые черные волосы до талии – ни дать ни взять дочь индейского вождя.

– Вот-вот, пускай Нола объяснит, она у нас умная. Следите за мыслью, девочки.

– Для всякого, кто имеет хотя бы поверхностное представление о психологии, ничего запутанного в таком феномене нет, – изрекла Нола.

Мы все поглядели на Роджера. Он молча улыбнулся.

– Салли извлекает образы из своего подсознания. А то, что запечатлевается кинокамерой, не имеет к воображению Салли ни

малейшего отношения.

Белла скисла.

– Это что же, выходит, мы все – точная Салли? Нас все такими видят?

– Совершенно верно, – подтвердила Нола.

– Быть не может, – упиралась Белла. – Я что, не знаю, какое у меня лицо?

Нола взглянула на Роджера – дескать, помогите растолковать особо одаренным.

– Что же вы молчите, доктор Эш? Вам не кажется, что вы как профессионал можете и даже должны прояснить этот вопрос?

– По-моему, Нола, вы отлично справляетесь и без меня. Давайте вы будете проводить групповую терапию, а я малость самоустранюсь.

– Тогда я задам вопрос не совсем по теме. Он возник, едва я узнала о вашем замысле устроить сеанс групповой терапии. Насколько я в курсе, психиатры фрейдистского толка не проводят таких сеансов? Они используют старую добрую кушетку, лежа на которой пациент извлекает посредством метода свободных ассоциаций разнообразный хлам из своего подсознания. Так ведь, доктор Эш?

– Вы правы, Нола, – улыбнулся Роджер. – Я довольно скептически отношусь к психоанализу в частности и к теории Фрейда в целом, даром что считаю вполне жизнеспособными отдельные его идеи – например, о вытеснении в зону подсознательного – и порой пользуюсь на практике, хотя и фрагментарно, его трудом «Толкование сновидений». Но я также не отрицаю изысканий других ученых. В частности, я применяю метод недирективной терапии^[17], психодраму^[18], а также комбинирую гипнотерапию с групповой терапией.

– Иными словами, вы предпочитаете эклектику, – усмехнулась Нола.

– Да, можно и так выразиться.

Нола вдохновилась. Приближался час ее торжества.

– В таком случае, доктор Эш, пожалуйста в наш тесный круг. Если уж посвящать вас в наши проблемы, то не прежде, чем вы расскажете о себе.

Роджер покачал головой.

– Едва ли на данной стадии будет разумно...

– Нола здорово придумала! – поддержала Белла. – Выкладывайте все про себя, а то мы тоже будем запираться.

– Это ваш сеанс групповой терапии, а не мой, – твердил Роджер. – В интересах дела мне следует наблюдать со стороны.

Он взглянул на Салли, но та упорно смотрела в пол.

– Начинайте дискуссию, Салли.

– По-моему, доктор Эш прав, – медленно заговорила Салли. – Не нам спорить с врачом. Мы должны делать, как он велит.

– Двое против одной, – прокомментировала Нола. – Твое мнение, Дерри?

Роджер поднялся и стал мерить шагами кабинет.

– Немыслимо! Первый случай в моей практике! Они еще голосовать вздумали! Чтобы психотерапевт свои проблемы на сеансе групповой терапии излагал? Какая нелепость!

– Хорошо, доктор Эш, – заговорила Нола. – Могу предложить другую методику. Включите ее в свой арсенал.

Роджер вскинул брови.

– Что за методика?

– Самораскрытие.

– Господи, где вы ее выкопали?

– В одной брошюрке. Автор – Сидни Джурард, название – «Прозрачное «Я»^[19]. Полагаю, вы не впервые слышите об этой работе. Также вы должны знать труд Маурера «Новая групповая терапия»^[20].

– Конечно, эти труды я читал, – произнес Роджер. – Однако не понимаю, какое отношение они имеют к проблеме Салли.

– Дело в том, что и Маурер, и Джурард считают, что врач должен создавать для пациента поведенческую модель. Покажите пример, доктор Эш, раскройте перед нами свои проблемы. Вы признались, что пользуетесь методами разных ученых. Я предлагаю новый метод, и я, мы все имеем право требовать от вас того же, чего вы требуете от нас.

Короче, Нола расставила для Роджера силки, и он попался. Нам оставалось только смотреть, как он бьется в этих силках.

– Я согласна с Салли, – заявила я. Мне казалось, я предаю этим Нолу с Беллой. – Если Роджер не хочет раскрываться, не надо на него давить. Нехорошо загонять в угол человека, который для нас столько сделал. В смысле, Роджер, мне очень интересно узнать про вас, но, если вы против – я на вашей стороне. Двое против двоих, Нола. Ничья.

Сразу стало очень тихо. Мы все смотрели в четвертое зеркало – появится Джинкс или не появится? Она не появилась, я вздохнула свободнее, хотя и знала: радоваться нечему, Джинкс свое наверстает.

Нола долго молчала.

– Итак, Роджер, разбить лед можете только вы. Не хотите поведать нам, почему ваша жена повесилась на дереве прямо у вас перед домом?

Роджер побелел как полотно.

– Как... откуда... вы узнали?

Нола сдерживала улыбку. Было отчего торжествовать. Не каждый день припираешь к стенке своего психотерапевта. Обычно психотерапевты недостижимы, что там у них в жизни происходит – тайна за семью печатями. Нола вовсе не хотела уязвить Роджера, просто ее мучило любопытство.

– Откуда вы узнали? – повторил Роджер.

– Я – ниоткуда. Салли случайно услышала разговор в больнице, а Дерри как раз из-за этого повздорила с Марианной. Эта девчонка имела наглость заявить, что вы – плохой психиатр, что вы перегорели, потому и жена ваша покончила с собой. Что вышло из этой ссоры – вам известно. А меня просветила Дерри.

– Что еще обо мне болтают в больнице?

– Что вам наплевать на пациентов, вы только притворяетесь, будто вас заботят их проблемы или будто вас и поныне интересует психиатрия. Что вы заблокировали все свои эмоции с целью не получить нервный срыв. Видите, доктор Эш, мы имеем право узнать о вас побольше, прежде чем доверить вам наши жизни.

– Хорошо, – выдавил Роджер. – Возможно, и впрямь настало время для самораскрытия. Если это поспособствует благополучному слиянию, я готов.

Роджер выдвинул свой стул в середину круга, уселся между мной и Нолой и заговорил, низко опустив голову:

– Когда мы поженились, Линетт была совсем девчонкой, очень красивой, я ее на руках носил. Она работала, чтобы собрать денег мне на университетское образование. Я вот Дерри уже рассказывал: у врачей есть проблема, о которой мало кому известно. Перегрузки на работе, слишком продолжительные и частые контакты с пациентами ведут к так называемому синдрому эмоционального выгорания. Врач делает вид, будто сочувствует пациенту, но это лишь актерская игра. Ничего принципиально нового врач ни услышать, ни увидеть не в состоянии. Все случаи давно известны, все заболевания давно описаны. А тем временем у врача нарастают личные проблемы. Понимаете? Сделавшись черствым к проблемам пациентов, врач уже не может размягчиться для своих родных, для своей семьи. То есть не абстрактный врач, а конкретный я – Роджер Эш. Вот, кстати, характерная оговорка. Пациенты склонны употреблять местоимение «твой», а я их поправляю: не «твой» или «ваш», а «мой», не «ты» или «вы», а «я». И вот я сам говорю о себе как о постороннем...

– Наверно, поэтому Линетт и свела счеты с жизнью. Я перегорел. Я

стал эмоциональным трупом. Линнетт винила себя. У нее была тонкая нервная организация, она нуждалась в поддержке и любви, а я больше не мог дать ей ни того, ни другого. И вот она... она... – Роджер упрямо качнул головой, заставляя себя продолжать. – Утром выглядываю в окно – а она... висит. Знаете, такой четкий силуэт на фоне неба. Она выбрала клен, на котором мы когда-то вырезали свои инициалы.

Роджер оглядел нас всех по очереди.

– Нашему сыну было тогда десять лет. Он во всем обвинил меня. Разболтался. Перестал слушаться. Три года, с тринадцати до шестнадцати, провел в реформатории^[21]. А потом и вовсе исчез. С тех пор я о нем ничего не слышал и вестей от него не получал. Я жил один. Больше не женился. Посвятил себя работе. С пациентами продолжаю притворяться заботливым, участливым и так далее.

Роджер замолчал и поднял взгляд на Нолу. Руки бессильно упали.

– Так вот почему вы сначала не хотели за нас браться – из-за попыток суицида, – протянула Нола.

– И вот почему вы так боитесь, что Салли покончит с собой, – добавила Белла.

Роджер кивнул.

– Нужно держаться. Пока держишься – есть надежда, что все изменится. Нельзя пробрасываться жизнью. Как бы плохо ни было, каким бы безвыходным ни казалось положение – нельзя сдаваться.

Нола вдруг прониклась к Роджеру, даже взгляд у нее потеплел.

– Хорошо, что вы все нам рассказали, Роджер. Теперь, когда я знаю, через какие испытания вам пришлось пройти, я почти уверена: вы придумаете, как собрать нас воедино. Больше никаких попыток суицида, обещаю. В деле слияния можете на меня рассчитывать.

Роджер откинулся на спинку стула, вытянул вперед свои длинные ноги.

– Мне кажется, для Салли очень важно вспомнить, что случилось с тех пор, как вы, ее воображаемые подружки, перестали таковыми являться и превратились в реальных личностей.

– Да, это было бы неплохо, – сказала я. – Только у меня память отшибло. Начисто.

– И у меня, – сказала Белла.

Нола покачала головой – дескать, и я не помню.

– Я помогу каждой из вас, – заговорил Роджер. – Вы все вспомните под гипнозом. Техника называется гипнотической регрессией возрастов.

– Давайте начнем с Нолы, – воскликнула я.

– Это еще почему? – возмутилась Нола.

Я задумалась: а правда, почему? И вдруг все поняла, будто мне из тумана чей-то мягкий голос ответил.

– Потому, Нола, что тебя Салли последней создала.

– Ну и что?

– Дерри права, – одобрил Роджер. – Логично будет начать с последней из созданных личностей и дальше продвигаться в обратном порядке.

Белла тоже согласилась.

– Вдобавок тогда мы до самого конца не столкнемся с Джинкс. Кто ее знает – может, она как-нибудь сама куда-нибудь денется, а?

– Что ж, Нола, давайте, – сказал Роджер. – Я перед вами открылся. Теперь ваша очередь. Вы обещали сотрудничество.

– Начинайте. – Нола сложила руки на груди. – Вводите меня в состояние гипноза.

– Нола, *ему известно, что скрывает мрак.*

Она закрыла глаза, чуть опустила голову. Роджер осторожно расцепил ее руки, взял ладони в свои.

– Вы погрузились в крепкий сон, Нола, однако по-прежнему слышите мой голос и можете и будете следовать моим указаниям. Если вы слышите и понимаете меня – кивните.

Нола кивнула. Дыхание у нее стало глубоким и ровным, от рук Роджера шло успокаивающее тепло.

– Салли, вы тоже должны внимательно слушать. И вы, Белла, и вы, Дерри. Нола возвращается в то время, когда появилась на свет. Сейчас, Нола, вы все вспомните в мельчайших подробностях и расскажете нам. Когда вы родились? Отвечайте.

– Шестнадцать лет назад... за две недели до Дня благодарения.

– Где вы родились?

– В школе Томаса Джефферсона, на уроке математики.

– Хорошо. Итак, вы сейчас в той же самой классной комнате...

Нола подняла веки и заговорила. Хоть и с открытыми глазами, она явно нас не видела. Она была в своих воспоминаниях, далеко от нас, в другом месте, в другом времени.

* * *

– Мне ужасно неловко. Я в классе, за своим столом. На меня все смотрят. Точнее, не на меня, а на Салли. Ее вызвали, одноклассники ждут,

что будет, а Салли словно приросла к месту. Формулу она не знает, ей алгебра вообще не дается, впрочем, как и геометрия. Углы, синусы и косинусы пугают Салли, она не понимает, зачем их чертить, для чего они нужны. На уроках алгебры и геометрии Салли предается мечтам либо потихоньку читает комиксы. Учительнице это известно, и она никогда не вызывает Салли к доске. Однако сегодня учительница больна, ее замещают, и вот этот новый учитель взял да и вызвал Салли решать уравнение. Поэтому-то класс и замер в ожидании веселья: как же, Салли ведь полная тупица, а уравнение действительно очень трудное.

– Ну, Салли, что же ты не идешь к доске? Мы ждем.

– Извините, я не готова.

– Как это ты не готова? Уравнение было задано на дом.

– Да, сэр. Но я...

– Понятно. А другие уравнения ты решила?

– Нет. Извините.

– Извинить? Хорошенькое дело! От твоего «извините» уравнение само собой не решится. Иди к доске. Решай в классе, раз дома тебе недосуг.

Салли терпеть не может выходить к доске. Во-первых, она боится всеобщего внимания, во-вторых, учится из рук вон плохо. Одноклассники над ней смеются, считают чуть ли не дурочкой. Салли хочется дружить, хочется быть как все. Но никак не получается. Вот сейчас она в очередной раз опростоволосится, и еще неделя насмешек ей обеспечена.

Так или иначе, делать нечего. Салли выходит к доске, берет мел. За ее спиной шепчутся и хихикают. Салли густо краснеет. И вдруг по телу пробегает озноб, а затылок начинает ломить от боли. Кстати, это был первый и единственный раз, когда я знала, о чем думает Салли. И вот она исчезла, а у доски, с куском мела в руке, оказалась я, Нола. Я взглянула на чистую доску и сразу поняла, как решить уравнение.

– Какой смысл возиться с записями, если все элементарно? – заявила я.

Я очень быстро и уверенно сделала чертеж и вывела формулу, подчеркнула доказательство, да еще и приписала Q.E.D., а вслух произнесла: «Quod erat demonstrandum!»^[22]

Учитель крайне удивился, у одноклассников челюсти отвисли. С гордо поднятой головой я прошествовала на свое место. Зазвенел звонок. Чары были разрушены. Меня окружили одноклассники, стали спрашивать, как это я так ловко справилась и что это за буквы такие.

С тех пор я делалась все сильнее и на волю выходила все чаще. Именно меня, а не Салли, перевели в класс с математическим уклоном, и я отлично успевала. Потом я записалась на факультативы по французскому

языку, социологии и английской литературе. Каждый миг занятий доставлял мне огромное удовольствие. Тогда я еще не знала про других альтеров, но уже начала подозревать неладное. Я ведь никогда не ходила на занятия физкультурой, в драмкружок, на уроки домоводства, не участвовала в школьных танцевальных вечерах и прочих мероприятиях. Первое время я про эти занятия даже не знала и вообще думала, что жизнь в том и состоит, чтобы ни с того ни с сего оказаться в некоем месте, решить некую проблему посредством логики и дедукции и снова исчезнуть на неопределенный срок. Я думала, так происходит со всеми. Но очень скоро из разговоров я поняла: все иначе. Это меня вызывают, только когда нужно задействовать мозг, а другие люди находятся в сознании постоянно.

Первое подозрение зародилось во мне, когда одноклассница принялась расхваливать кокосовый пирог, который я будто бы испекла на уроке домоводства. А потом какой-то мальчик сказал, что я – отличный чирлидер. Я очень встревожилась и все же взяла себя в руки и с помощью логических рассуждений поняла, что являюсь альтером – одним из нескольких.

Тогда я разработала план. По всей школе были расклеены афиши: после футбольного матча по случаю Дня благодарения состоится вечеринка с танцами. И я решила собрать всю свою энергию, чтобы не исчезнуть после занятий, а остаться на матч. Это было нелегко. Но всякий раз, поймав себя на том, что замечталась и вот-вот потеряю контроль, я концентрировалась на какой-нибудь математической формуле или на собственном дыхании. Так я продержалась целый день. Увидела многих одноклассников Салли, с которыми раньше не пересекалась, поскольку они не посещали выбранные мною факультативы. Заметив, что я их не узнаю или что я не в курсе тех или иных событий, одноклассники, конечно, удивлялись. Но я не смущалась и дождалась-таки футбольного матча.

Прежде я никогда не видела футбола, а матч предстоял крайне важный – с соседней школой. Мать Салли отутюжила ее чирлидерскую юбочку, выстирала белый свитер с логотипом футбольной команды. Я поняла: скоро возникнут проблемы. Я ведь не представляла, что входит в обязанности чирлидера. Перерыла все на столе Салли, надеясь найти записную книжку с кричалками или еще что-нибудь подходящее. Ничего не было. Я надела чирлидерский наряд и поехала на стадион.

Там-то у меня и заболела голова. Совсем как тогда, в первый раз, у доски. Однако то была боль Салли, а на стадионе эту боль чувствовала я, Нола. Хотя затылок словно тупым сверлом сверлили, я мужественно боролась с болью, во что бы то ни стало решив получить новый опыт. Я заняла место Салли среди других девочек в белых свитерах. На меня

смотрели подозрительно. Я только и могла выдохнуть: «Голова болит! С ума схожу от головной боли!»

И тут впервые раздался голос Дерри:

– Не упрямясь, Нола, уступи место. Ты нас всех подводишь.

– Ты откуда говоришь?

– Из твоей головы. Перестать упираться. Все ждут.

– Кто ты?

– Меня зовут Дерри. Потом поговорим, сейчас надо спешить. Спрячься, дай дорогу Белле. Белла у нас чирлидер, а не ты.

– Я хочу остаться и посмотреть игру.

– Мало ли чего ты хочешь. Если сейчас же не уберешься, я прослежу, чтоб тебя год не выпускали. Уйди по-хорошему.

Я была упряма. Я не ушла. Вместе с другими девочками я пыталась танцевать, но только мешала им. Вскоре я почувствовала острую боль в глазах и снова услышала голос Дерри:

– Последнее предупреждение, Нола. Или ты уберешься, или я тебя ослеплю, и ты в жизни больше не прочтешь ни строчки из своих заумных книжек.

Мне пришлось уйти. Матч я не видела. Потом узнала, что наши проиграли с кошмарным счетом – 21:7. Так я убедилась, что есть и другие альтеры и что только одной Дерри дано читать наши мысли. С тех пор я узнавала об остальных либо непосредственно от Дерри, либо окольными путями, из разговоров и последствий событий.

* * *

Нола умолкла.

– Я считаю, – начал Роджер, – что сегодня мы изрядно продвинулись на пути к выздоровлению. Первый сеанс групповой терапии прошел успешно.

– Может, нам без вас, одним попробовать? – спросила я.

– Ни в коем случае! – испугался Роджер. – Это очень опасно. Состояние Салли еще не стабилизировалось, не нужно торопить события. Кроме того, следует избегать стрессовых ситуаций и вообще любых волнений. Пообещайте мне содействие в нашем общем деле.

Мы пообещали.

– Когда я досчитаю до пяти, Салли очнется, а остальные вернутся во мрак. Салли будет во всех деталях помнить то, что произошло во время

сеанса. Остальные будут чувствовать облегчение.

Роджер принялся считать.

Салли очнулась с головокружением, как после похмелья, и промямлила «Здрасьте».

– Как вы себя чувствуете, Салли?

– Слабость какая-то...

– Вы помните, что произошло?

Салли кивнула.

– Мне снился сон, будто три мои воображаемые подружки собрались на групповую терапию, только они были как бы настоящие. Они ожили, понимаете? Мы все обещали помогать вам.

– Очень хорошо, Салли. Сегодня вы молодчина. Вы проделали большую работу.

– Доктор, вот вы говорили, надо избегать стрессов. А мне плохо в больнице. Я боюсь Даффи, и вообще мне тут не нравится. Можно я домой вернусь?

Роджер задумался.

– Вас поместили в больницу на добровольных началах. Если вы считаете, что дома вам будет лучше, нет смысла удерживать вас в стационаре. Со своими альтерами вы встретились и благополучно перенесли это потрясение. Давайте подождем до завтра. Сможете держать себя в руках – я вас выпишу.

Салли улыбнулась.

– Как хорошо вы все понимаете, доктор. Кроме вас, до меня дела никому нет. Никто меня не любит.

– Дайте срок, Салли. Вы замечательный человек. Скоро вы справитесь с проблемами, и тогда у вас появятся друзья.

Уже в палате Салли вспомнила, что хотела спросить Роджера: для кого предназначался пятый стул с зеркалом, кто не явился на сеанс групповой терапии?

Глава 9

В среду Салли проснулась рано, упаковала вещи и стала ждать. В больничное окно барабанил дождь. Пришла сестра Фентон, сказала, что Салли отпускают. Салли обняла сестру и почти бегом бросилась вон из палаты, вон из больницы.

Домой она ехала на автобусе, всю дорогу прикидывая, покажется ли квартира другой теперь, после встречи с остальными. «Буду аккуратнее обращаться с имуществом альтеров, – думала Салли. – Они ведь индивидуальности, нужно их уважать».

В витрине ателье маячил мистер Гринберг. Салли помахала ему, он помахал в ответ. Пожалуй, старик и не заметил, что Салли целую неделю отсутствовала. Да и какое ему до нее дело? У мистера Гринберга своих забот хватает. Воры вот в районе орудуют. Мелькнула спина Мерфи. Может, это и глупо – поручать охрану манекену, но Салли почему-то всегда ободряла фигура в полицейской форме.

Вдруг она похолодела: что, если ее квартиру ограбили, пока она прохлаждалась в больнице? Салли пустилась бежать на третий этаж, перескакивая через две ступеньки. На двери следов взлома не было. Правда, Салли обнаружила несколько царапин, с виду старых, возле замочной скважины. Царапины ее насторожили. Салли открыла дверь, нарочно производя громкие звуки. Вошла в квартиру, крикнула «Эй! Есть кто дома?». Думала, грабитель, если он сейчас, допустим, в комоде шарит, испугается и сиганет вниз по пожарной лестнице!

Дома все было в порядке, вещи лежали на своих местах. Слава богу, никто не пытался ограбить Салли.

Она приготовила себе омлет. Сначала хотела нажарить картошки, но вспомнила про обещание не переедать и ограничилась омлетом.

Переминая посуду, Салли бросила взгляд на темное стекло дверцы духовки. Отражение было ее собственное. Салли замерла, опустив руки в мыльную воду. Доктор Эш сказал, никаких групповых сеансов без его наблюдения. Почему? Что в этом плохого? Или без доктора Эша вообще ничего не получится? А вдруг Даффи говорила правду? Вдруг это как раз такой случай: психиатр сам напридумывал альтеров? Наверное, Салли без доктора Эша не сумеет вызвать Нолу, Беллу и Дерри. Доктор Эш применил гипноз. А что, если весь сеанс групповой терапии был просто гипнотическим сном? Чем больше Салли об этом думала, тем больше

склонялась именно к этой версии. Она пропылесосила ковер, включила телевизор, прощелкала пультом каналы, на которых обычно смотрела викторины и сериалы, и остановилась на ток-шоу. Трое аналитиков обсуждали спад в экономике, его причины и последствия. Прогнозы были один другого хуже. В голове у Салли всплыли слова «политическая экономия», «мрачная наука» и «Карлейль». Откуда они взялись? Аналитики в телевизоре говорили будто по-китайски, однако Салли прилежно досмотрела ток-шоу до конца. Это для Нола, думала она. Когда на экране замелькали титры, Салли вздохнула с облегчением и выключила телевизор.

Какой может быть вред от коротенького разговора с остальными? Тогда, в больнице, они все казались ужасно легкомысленными. Нужно внушить им, что дело серьезное. Речь идет о жизни и смерти.

Салли пошла в спальню и постаралась определить, какие вещи кому принадлежат. Вот этих заумных книжек точно натащила Нола. Салли раскрыла «Поминки по Финнегану», попыталась читать, ничего не поняла и, расстроенная, захлопнула книгу.

– Нола, я знаю: ты где-то здесь. Нам нужно поговорить. Я должна убедиться, что все это правда. Если я смогу увидеть и услышать тебя без гипноза, значит, ты существуешь.

Салли достала еще несколько книг и обнаружила в глубине шкафа вибратор. Какова на самом деле Белла? Чем она занимается? Что у нее на уме? Салли взяла вибратор в руку. Прикосновение заставило ее вздрогнуть. Салли кое-что вспомнила – витрина секс-шопа на Таймс-сквер, в витрине – соответствующий товар. Вибраторы – для женщин. А для мужчин...

Она скривилась от отвращения.

– Фу! – вслух воскликнула Салли и поспешно спрятала вибратор обратно в коробку. – Какой же надо быть извращенкой, чтоб этим пользоваться?

В следующий миг она устыдилась своей резкости.

– Не мне судить альтеров. Они – индивидуальности. Я должна попытаться их понять.

Салли открыла платяной шкаф, достала синее платье.

– Похоже, Дерри, ты купила его в тот день, когда я... когда мы устроились на работу в ресторан. Мне нужно поговорить с тобой, Дерри. Я должна узнать правду. Дерри! Дерри! Где ты?

Роджер Эш запретил Салли встречаться с нами без него. Ха! С тем же успехом он мог запретить расчесывать болячку! Нервное напряжение дошло до предела, Салли трясло. Доктор советовал избегать стрессов – а что это, если не стресс? Нет, Салли докажет, что способна сломать барьеры,

которые сама же и выстроила. Нужно только постараться. Приложить усилия. Чуть ли не с рождения все, кому не лень, называют Салли безвольной. Ну так пускай поглядят, кто безвольный, а кто нет!

Для начала Салли сняла с рычага телефонную трубку и еще раз проверила двойной запор на двери. Затем разложила по местам вещи, поправила занавески и покрывала, смахнула пыль, словно ждала гостей. Она приняла теплый расслабляющий душ, причесалась и надела свое любимое платье с цветочным принтом. Затем поставила в кружок четыре стула, разыскала три зеркала и расположила их на стульях вертикально.

Перед первым зеркалом Салли положила «Поминки по Финнегану».

– Я эту книжку не читала. Но обязательно прочту. Клянусь тебе, Нола: я буду читать книжки и развиваться. А сейчас я хочу поговорить с тобой. Ты умная, ты скажешь, что мне делать.

Перед вторым зеркалом Салли поместила аккуратно сложенное синее платье.

– Дерри, обещаю тебе быть веселой и бодрой. Если ты сейчас выйдешь и поговоришь со мной, у меня будет больше веры. И вообще, мы докажем доктору Эшу, что с нами можно иметь дело. Мы хорошо проведем время. Поболтаем, как закадычные подружки.

Двумя пальцами, изо всех сил скрывая отвращение, Салли достала из коробки вибратор и положила перед третьим зеркалом.

– Я знаю, Белла, бояться секса – неправильно. Выйди, поговори со мной. Научи меня, как вести себя с мужчинами, а то я каждый раз в ступор впадаю.

Салли молча ждала. Что еще требуется, чтобы спрятанные в ее подсознании личности вышли на свет, она не знала.

– Я верю доктору Эшу, – снова заговорила Салли. – Я не сумасшедшая. Вы все существуете на самом деле. Ну так выходите же! Покажитесь, а то мы никогда не выздоровеем!

Было тихо, только дождь стучал по стеклу. Салли поднялась, распахнула все окна в квартире, снова уселась. Никто не появился.

– Ой, какая же я глупая! Про чай совсем забыла! Сейчас мы с вами выпьем чаю, как раньше, когда вы были моими куклами.

Салли убежала на кухню и скоро вернулась с самыми лучшими чашками и с серебряными ложечками (свадебные подарки, на которые не претендовал после развода Ларри). Салли расставила посуду на журнальном столике. Пока закипал чайник, вскрыла пачку миндального печенья, красиво разложила его на блюде. Сама она никогда это лакомство не покупала, но миндальное печенье то и дело появлялось в кухонном

шкафу. Значит, кто-то из альтеров его очень любит.

Резкий звук, долетевший из кухни, заставил Салли вздрогнуть. Не сразу она поняла, что это свистит чайник. Салли бросилась в кухню, заварила чай и принесла чайник в гостиную.

– Пожалуйста, выходите! – умоляла она, заглядывая то в одно, то в другое зеркало. – Знаю, знаю: доктор Эш не велел вызывать вас без него. Но я больше не могу! Если сейчас же хоть одна из вас не выйдет, я в окно выброшусь!

Я понимала: Салли просто нас шантажирует. Она ни за что не нарушит обещание, данное Роджеру. С другой стороны, я тоже ему кое-что обещала, а именно – беречь Салли. Конечно, можно было просто устроить ей провал, но мне так ее инфантильное поведение надоело, что я подумала: погоди, сейчас я тебя проучу!

– Это очень глупо, – сказала я. – Салли, ты что, не помнишь, о чем предостерегал Роджер? Немедленно прекрати.

В зеркале слева от себя Салли увидела мое отражение. Она сразу меня узнала.

– Извини, Дерри. Просто я больше не могла это терпеть, голова того и гляди лопнет. Я подумала, если сумею вас вызвать сама, значит, вы существуете.

Салли говорила с неподдельным страхом.

– Успокойся, Салли. Чего ты хочешь?

– Увидеть вас, поговорить с вами. Чтоб вы подтвердили, что вы – мои подруги и будете мне помогать.

– С какой такой стати?

– Дерри, пожалуйста, не отталкивай меня. Хочешь чаю?

– Хочу. Давненько мы вот так не чаевничали. В последний раз, когда ты нас приглашала, посуда была алюминиевая, вместо чая – вода, а печенье – вообще воображаемое.

– Сегодня чай настоящий, свежий, – заверила Салли. – Печенье рассыпчатое, с миндалем.

– Знаю. Мое любимое.

– Выходит, это ты его покупаешь? А я все думала: откуда оно берется в доме? Видишь, мне важно знать такие вещи.

– Зачем?

– Чтобы сблизиться с вами, чтобы лучше подготовиться к слиянию.

– А ты уверена, что слияние состоится?

Салли пристально смотрела на меня в зеркало. Мысли ее были как на ладони: «Нужно быть осторожнее с Дерри – она единственная знает все-все

про меня и остальных. Без Дерри я не поправлюсь. Надо ее задобрить».

– Салли, ты, наверно, забыла – я твои мысли читаю.

Она даже отпрянула.

– Ой, и правда. Прости. Я ничего плохого не имела в виду...

– Тебе, Салли, не удастся ни подкупить меня, ни одурачить. Может, терапия и дала тебе фору – сейчас ты нас всех эмоционально принимаешь, – но я по-прежнему знаю все твои мысли. И только я – помни! – могу курировать остальных и вступать с ними в контакт. Так что не расслабляйся.

Под моим пристальным взглядом Салли полностью сосредоточилась на чае. Она не хотела нервировать меня, тем более в такой момент.

– Теперь ты чаем от меня отгораживаешься, Салли. Этот номер у тебя тоже не пройдет. Давай впускай меня в сознание. Если ждешь помощи – чур, никаких секретов от полноправного партнера.

Салли уставилась мне в глаза.

– От кого?

Я ответила не раздумывая. Термин сам на ум пришел. Белла сказала бы – «суфлер шепнул».

– Давай заключим сделку, Салли. Я тебе помогу избавиться от остальных, и мы заживем вдвоем. Ты да я да мы с тобой.

– Это называется раздвоение личности. Ненамного лучше, чем расщепление. Мы что же, будем как доктор Джекилл и мистер Хайд?

– Не совсем. Скорее как Синдерелла. Представь: появляется фея-крестная и превращает бедную сиротку в красавицу в пышном платье. И пожалуйста – езжай на бал, знакомься с принцем. Мы поделим время, Салли. Твое – до полуночи, мое – после. Станем свободными, как птица – у птицы ведь два крыла. Весь мир облетим. Побываем в Лондоне, Риме, Париже. Попадем на бал.

– Но доктор Эш говорит...

– Доктор Эш говорит, что мы – особенные. Взгляни правде в глаза. Если бы не я, доктор Эш тебе и минуты своего драгоценного времени не уделил бы. Так бы ты и влачила жалкое существование и закончила бы дни в палате для буйных. Вот и подумай: заслужила я свою долю времени или не заслужила? Я тоже жить хочу. Я – личность.

Салли задумалась. Нехотя она склонялась к тому, что я права. Но эта мысль ей была как острый нож. Если заключить такую сделку, прикидывала Салли, с нормальной жизнью можно распрощаться. Не лучше ли прямо сейчас сигануть в окно?

– Погоди, Салли! – воскликнула я. – Соберись. Возьми себя в руки. Я

же не говорю, что сделка – пожизненная.

Салли вздрогнула – поняла, что я отвечаю на ее мысли о самоубийстве.

– Что ты имеешь в виду, Дерри?

– Я просто хочу прожить несколько лет так, чтоб было что вспомнить. Хочу путешествовать, крутить романы, развлекаться. А потом пускай себе часы бьют полночь, пускай карета превращается в тыкву.

Тут-то Салли и сообразила, что последнее слово все равно за ней. В конце концов, в ее власти вовсе оборвать нашу общую жизнь. Салли поняла: меня очень тревожит мысль о самоубийстве.

– Так и есть, – подтвердила я. – Не знаю точно, как там все устроено, да только если ты с собой покончишь, виновата буду я, и в аду гореть тоже мне. Так интуиция подсказывает. Проверять, ошибается интуиция или нет, я не хочу.

У Салли началась мигрень. Боль подступала от затылка, поднималась выше. Не прошло и нескольких минут, как мозг превратился в сгусток невыносимой боли.

– Расслабься, Салли. Не сопротивляйся. Когда сопротивляешься, только больнее делается.

– Не понимаю.

– Ты звала всех на чай. А теперь сама же не пускаешь, вот голова и болит.

– А кто это стучится?

– Откуда мне знать? Я не гадалка. Не пойму, пока голос не услышу.

Салли притихла, замерла. Перестала бороться. Столько случаев было в ее жизни, когда ей хотелось убежать, скрыться. Только не сегодня. Сегодня Салли хотела остаться.

И вот в зеркале возникло новое лицо – с накладными ресницами, с толстым слоем тонального крема и румян, с чувственным ртом.

– Что здесь происходит?

– Все нормально, Белла, – сказала я. – Салли вздумалось устроить групповой сеанс. Четверо членов «Тайной пятерки» сейчас будут пить чай. Ради чая Салли вызвала нас из мрака.

Название клуба смутило Салли. Почему «пятерка», недоумевала она.

– Девичник, что ли, намечается? – разочарованно протянула Белла. – А я-то думала: раз меня вызывают, значит, будет весело. Нет уж, такая групповушка не по мне.

– Пожалуйста, Белла, останься! – воскликнула Салли. – Мне нужно поговорить со всеми вами. В групповой терапии мы добрались до переломного момента. Дальше надо работать вместе.

Белла с отвращением смотрела на Салли.

– А на кой черт ты мой вибратор вытащила? Мы что, самообслуживанием будем заниматься?

Салли ужасно смутилась, однако взяла себя в руки и ответила:

– Просто я подумала, если достать вещи, к которым каждая из вас прикасалась, вы скорее выйдете на свет.

– Подумала она! Интересно, каким местом – головой или чем другим? – съязвила Белла.

– Я не хотела тебя обидеть...

– Наша Салли мистики насмотрелась, – сказала я. – Решила черную магию применить. Так вот, Салли: мы не зомби какие-нибудь, нам вся эта бутафория без надобности.

– Я не знала...

– Что ты вообще знаешь? – рявкнула Белла. – Из-за тебя мы влипли по самое некуда.

Ее взгляд упал на третье зеркало.

– Кто еще придет?

– Только Нола, – поспешно ответила я.

– А как насчет сама-знаешь-кого?

– Салли о ней не подозревает. Они еще не встречались.

– С кем я не встречалась, Дерри?

– Всеу свое время, – сказала я. – Пока забудь.

– Представляю, как она обидится, когда пронюхает, что ее на чай не пригласили, – вслух рассуждала Белла.

– На обиженных воду возят. Тоже мне, злая фея на крестинах принцессы.

– Если это меня касается, я имею право знать. О ком вы говорите? – насторожилась Салли.

– Ты? Ты имеешь право?

Пожалуй, тут я проявила к Салли излишнюю резкость. С ней надо помягче, только очень уж меня ее нытье достало.

– Пожалуйста, Дерри, скажи! Ты дала слово доктору Эшу, что будешь мне помогать!

– А ты дала слово не устраивать сеансов без доктора Эша!

Салли потупилась.

– Да, ты права. Я нарушила обещание. Больше не буду приставать с вопросами.

– Ладно, так и быть, скажу, – смягчилась я. – Белла имеет в виду Джинкс.

– Кто это – Джинкс?

– Это твой альтер.

– Еще один? Пятый? Я думала, нас всего четверо.

– А ты вспомни, как клуб наш назывался! «Тайная пятерка»!

Салли затрясла головой.

– Джинкс, говоришь? Я уже слышала это имя. Меня так незнакомые люди называли. А почему вы с Беллой не хотите, чтобы пришла Джинкс?

– Потому что она злая. А уж если рассердится – только держись.

– С чего бы ей сердиться?

– А ни с чего. Она неменяемая. Такой на свет появилась. Я же говорю, с ней лучше не связываться.

– Дерри права, – послышался голос из третьего зеркала.

Салли увидела вдумчивые строгие глаза, длинные прямые черные волосы.

– Выпустить Джинкс из мрака – это все равно что открыть ящик Пандоры. Вырвутся все возможные беды, а потом попробуй загони их назад!

– Я боюсь, – проямлила Салли. – Раз вы все так говорите, значит, эта Джинкс и вправду опасная особа. Ой! Она же часть меня! Выходит, и я – опасная, злая, неменяемая? Господи, кто же я такая?

– Дура набитая, вот кто. Все, я ухожу, – заявила Белла.

– Тебе следует остаться, – возразила Нола.

– Еще чего! Сами сидите с этой овцой, а с меня хватит. Я имею право уходить и появляться, когда вздумается.

– Хочешь снять на ночь какого-нибудь жеребца?

Белла скривилась.

– Тебе-то что про это известно, мошь книжная! Старая дева! Из-за тебя Ларри от нас ушел. Потому что у тебя вместо этого самого – ледышка.

– Неправда, – обиделась Нола.

– Нет, правда. Мало того, что ты кобенилась всю дорогу, так еще и брезговала нашим Ларри. Ни в бар тебя было не вытащить, ни в гости. От всех его приятелей нос воротила!

– Зато ты на всех его приятелей прыгала, как последняя потаскуха.

– Ах ты дрянь! Ты кого обзываешь? Вот я тебя!..

Белла с Нолой зашли слишком далеко. Надо было их урезонить.

– Девочки, девочки! Мы же не драться собрались! Салли, что ты застыла? Ты – хозяйка, ты нас в гости позвала. Давай налей нам чаю.

– Сейчас, – встrepенулась Салли, изрядно напуганная стычкой. – Я и правда вас позвала. На чай. То есть не только на чай. Нам нужно обсудить

наше будущее. Нужно содействовать доктору Эшу... В смысле... – Салли запнулась, сцепила похолодевшие пальцы. За ознобом вполне предсказуемо последовало напряжение в затылке, потом – боль. Салли бросила на меня отчаянный, молящий взгляд. Она отлично знала, чему предшествуют эти симптомы. Да и все мы знали. Салли сопротивлялась изо всех сил, но боль была невыносима, казалось, череп вот-вот расколется. В зеркальной створке шкафа отразилось искаженное злобой, обрамленное змеистыми космами лицо.

– Дерри... помоги... кажется, это и есть...

– Сейчас помогу, Салли. Расслабься. Впусти меня. Джинкс со мной не справится.

Салли затравленно взглянула на часы. 8.43...

Ох, как я ошиблась насчет Джинкс!

Она вырвалась, смела меня с дороги.

– Что тут у вас за фигня?!

Увидев наши отраженные лица, Джинкс одно за другим расколотила все три зеркала. Содрала с карнизов занавески, принялась крушить мебель. Я успела подумать: слава богу, мне не обязательно ночевать в этой квартире. Джинкс схватила помаду Беллы, написала на зеркале свое имя большими буквами и раздавила тюбик с помадой каблуком. А что мы хотели? Вот она, реакция на долгие годы сплошных несчастий и унижений. Я честно пыталась загнать Джинкс обратно во мрак, но увы! Господи, когда только она успела набрать столько силы?

– Получайте, жабы тупые! – прошипела Джинкс и пулей вылетела из квартиры.

* * *

На лестничной клетке она расшвыряла игрушки соседских детей, выскочила во двор. Ох, как Джинкс злилась на всех нас, и особенно – на меня! Отлично зная, что я не выношу, когда она напяливает мужскую одежду, Джинкс решила досадить мне дополнительно. Перелезла через забор, вспомнила, что давненько не вламывалась в ателье мистера Гринберга. Рванула к черному ходу, увидела, что замок сменили. Пустяки. Джинкс заметалась по переулку в поисках чего-нибудь железного, потяжелее. Вскоре нашла фрагмент металлической ограды и колотила им по замку, пока не сбила его. Дверь открылась, Джинкс проскользнула в помещение.

Там она принялась «листать» висевшие на плечиках мужские костюмы – все они пахли свежестью, но были для Джинкс велики. Не найдя подходящего костюма в подсобке, Джинкс отодвинула шторку, за которой открывался зал.

Черт! За витриной коп! Откуда его нелегкая принесла? Стоит спиной к Джинкс. Наверное, услышал, как она сбивала замок. Приперся. Джинкс нырнула под стол. Отсюда было видно отражение полицейского в зеркале. Ишь, еще и дубинку поднял, гад! Но не шевелится почему-то. Даже с ноги на ногу не переминается.

– Ах ты сукин сын! – прошипела Джинкс. – Манекенов понаставил, старый козел!

В голове у нее почему-то всплыла фамилия «Мерфи».

Джинкс рванулась к манекену, завалила его, стащила полицейскую куртку, примерила. Тесновато в груди. Отыскала эластичную ленту, плотно забинтовала грудь. Надела куртку прямо поверх своего свитера. Отлично! Сидит как влитая! Сняла с манекена брюки, скривилась:

– А болта-то у тебя и нет! Чего ж ты лыбишься, недоделок?

Брюки пришлись впору. Образ завершила полицейская фуражка. Джинкс прихватила дубинку, посмотрелась в зеркало. Супер. Пускай думают, что паршивца Ларри прикончил коп. Пускай идут по ложному следу.

Джинкс выбралась из ателье черным ходом, перелезла через забор. Голыми руками принялась рыть землю возле телефонной будки. Откопала пластиковый пакет с револьвером. Отряхнула грязь, достала оружие. А здорово она отделала ублюдка-охранника тогда, в торговом центре. Приятно вспомнить.

Сначала Джинкс покончит с Ларри. Вторым номером пойдет врач. Слияние задумал, поганец! Будет ему слияние. Тут, кстати, случай на самозащиту тянет.

Джинкс заткнула револьвер за пояс и, помахивая полицейской дубинкой, вышла на улицу. Было только полдесятого, однако обитатели окрестных домов как вымерли. Никогошеньки вокруг. Джинкс шагала смело – никто не рискнет напасть на женщину в полицейской форме. Ей не грозит ни изнасилование, ни оскорбление.

Джинкс направлялась на север, периодически дергая дверцы припаркованных у тротуара автомобилей; как назло, все были закрыты. Наконец на Риверсайд-драйв Джинкс попался субъект с лысиной и в роговых очках, сядившийся в «мерс». Джинкс постучала дубинкой в пассажирское окно.

Лысый опустил стекло.

Джинкс показала ему револьвер.

– Будешь умником – останешься цел, дядя.

Она скользнула на пассажирское сиденье.

– Гони из этого района, да поживей.

Лысый выпучил глаза, заблеял:

– Не стреляйте! Не убивайте меня! Возьмите мою машину! А меня отпустите...

– Гони, урод! – прошипела Джинкс, приставив дуло к спине лысого.

Лысый рванул с места. «Мерс» проскрежетал по бровке тротуара, выскочил на «красный», чуть ли не под колеса грузовика. Через несколько кварталов Джинкс велела лысому свернуть на пустынную улицу.

– Вот здесь останови.

– Что вы будете делать?

– Вон из тачки!

– Только не стреляйте! – молил лысый, сползая с сиденья.

Джинкс шарахнула по лысине рукоятью револьвера, рывком сняла роговые очки, растоптала их. Лысый пятился.

– Грохнуть бы такого уroda, да пули жалко, – произнесла Джинкс и села за руль. – Водила из тебя ни к черту.

Она нажала на газ и помчалась в северном направлении, к аллее Генри Гудзона. Выехала на мост Джорджа Вашингтона, скоро оказалась в Джерси, где принялась отчаянно подрезать и обгонять всех, кто ей мешал. Вслед «мерсу» неслись проклятия, водители потрясали кулаками – такого хамства на дороге они еще не видели. Джинкс наслаждалась. Больше всего на свете она любила быструю езду. С каким удовольствием она врезалась бы в стену на этом «мерсе», если бы могла потом посмотреть на физию лысого. Впрочем, сукин сын наверняка подсуетился застраховать свою железяку.

Внезапно Джинкс поняла, какую совершает глупость. Ее запросто может остановить дорожный патруль. Хороша она будет – без паспорта, без водительских прав, на чужой тачке, да еще и с пушкой! На первом же перекрестке Джинкс съехала с хайвея и дисциплинированно покатила в Энглвуд кружным путем.

Она нашла нужную улицу, припарковалась напротив уродливого, приземистого красно-желтого дома Ларри. Смотреть тошно и на четыре топорно сработанные колонны, и на псевдоантикварный, якобы газовый, фонарь на лужайке!.. В окне гостиной маячила женская фигура. «Анна», – подумала Джинкс. Интересно, своей второй жене Ларри тоже лжет?

Ничего, час возмездия близок. Сукин сын Ларри за все ответит. Джинкс поквитается с ним за страдания всех женщин, с которыми он имел дело. Ларри заплатит в первую очередь за то, что притворялся, будто любит одну Джинкс, будто терпит Салли только ради возможности быть с Джинкс. О, Джинкс отлично помнит ночь, когда разоблачила Ларри – застукала его с Беллой. Она попыталась убить Ларри, но он оказался сильнее: сжал ей руку и заставил бросить нож. Второе преступление Ларри – обмен женами. Так унижить Джинкс!.. Теперь она отомстит. Ее страдания будут вознаграждены видом Ларри, корчащегося в кровище.

В окне мелькнула мужская фигура. Черт! Появись Джинкс минутой раньше, успела бы прицелиться, и сейчас Ларри захлебывался бы кровью. Джинкс спряталась за толстым тисом, ведь ночь была лунная, ее могли заметить с улицы. Снова показалась Анна, еще какие-то люди. Значит, Ларри принимает гостей. Вот он опять возник, маячит за чьей-то спиной. Джинкс крепко сжимала револьвер. Только бы Ларри появился снова! Только бы появился...

В гостиной погас свет.

Джинкс тихо выругалась. Через несколько секунд зажглись окна на втором этаже. Она сунула револьвер за пояс, стала размышлять.

Джинкс дождется, пока все огни в доме погаснут, засечет полчаса с этого момента, а затем проникнет в дом через окно первого этажа. Бесшумно прокрадется наверх, чем-нибудь тяжелым припрет дверь комнаты, где спит Пенни, чтобы девочка не выбежала на шум и не пострадала. Нет, Пенни не должна страдать. Джинкс проскользнет в супружескую спальню и застрелит Ларри. Конечно, придется застрелить и Анну как свидетельницу. Звуки выстрелов разбудят Пэта, он бросится к отцу – и тоже будет убит. Потом надо спешить. Бегом из дому, пока Пенни не выбралась из своей спальни и не увидела, кто стрелял. В окно пусть себе смотрит на здоровье. Расскажет потом, что от дома отъезжала черная машина, увозя полицейского. Ну а поскольку Пенни потеряет отца, комиссия отдаст ее Салли. Мать и дочь воссоединятся. Тоске и кошмарам придет конец.

Огни на втором этаже погасли. Весь дом погрузился во тьму, только на лужайке тускло горел нелепый фонарь. Джинкс выждала не полчаса, а целый час. Ей хотелось действовать наверняка. Она шагнула на крыльцо, подергала ручку парадной двери. Заперто, конечно. Джинкс обошла дом, проверила боковую дверь, попыталась проникнуть в дом с черного хода. Все двери были надежно закрыты. Залезть через окно мешали алюминиевые ставни. Наконец Джинкс заметила подвальное окошко.

Каблуком выбила стекло, вынула раму, нырнула в подвал. Сверху раздался шум. Хлопнула дверь. Послышались шаги. Неужели кто-то проснулся? Она стала подниматься по подвальной лестнице, решившись пристрелить любого, кто ей попадется. Очутившись в прихожей, услышала легкий скрежет гаражных ворот. Кого нелегкая принесла? Машина вроде к дому не подъезжала. Тогда Джинкс догадалась: Ларри задумал улизнуть.

Она приникла к окну и в лунном свете различила на лужайке мужскую фигуру. Мужчина сел в автомобиль. Куда этого сукина сына несет среди ночи? Наверняка приключений ищет. Что ж, Джинкс поймает его с поличным. Она бросилась к черному ходу и выскочила из дому ровно в тот миг, когда автомобиль мелькнул хвостовыми огнями. Джинкс прыгнула в «мерс» и два квартала проехала за Ларри с выключенными фарами. Когда Ларри свернул на мост Джорджа Вашингтона, Джинкс включила фары. Преследование продолжалось.

Минут через сорок – сорок пять Ларри оставил машину в подземном гараже неподалеку от Третьей авеню, явно успев заметить, что его «ведет» черный «мерс». Теперь Ларри будет осторожен, но делать нечего – брать его нужно здесь и сейчас. Наверняка спешит на свидание. И наверняка это очередной обмен женами, только обставили на сей раз иначе. Эх, хорошо бы заглянуть Ларри в глаза в тот миг, когда он поймет, что его застукали, что все кончено!

Джинкс нашла свободное местечко на парковке, стала ждать. Ларри запер автомобиль, направился к лифту. Когда он поравнялся с «мерсом», Джинкс распахнула дверь и выхватила из-за пояса револьвер.

Увидев оружие, Ларри застыл на месте. Поднял руки.

– Я здесь живу, сэр. Вот паспорт.

Черт, это был не Ларри. Какой-то дохляк, седой, коротко стриженный, с усиками. Смотреть тошно. И Джинкс всю дорогу «вела» этого недоноска!

– Ты кто? Какого черта ты делал в доме Ларри?

– Вы – женщина? Женщина-коп? Почему вы за мной ехали?

Джинкс приставила дуло к его виску.

– Ах ты козел! Быстро отвечай, пока я тебе последние мозги не вышибла! Какого черта ты делал в доме Ларри?

– Так вы не из полиции! Послушайте, леди, я... я... Не стреляйте. Я был в гостях. Я – босс Ларри. Директор по продажам. Ларри знает, что я был у него. Тут какая-то ошибка. Можете проверить...

– Выродки! Ублюдки! Вы этим по-прежнему занимаетесь!

Джинкс очень хотелось пристрелить похотливого козла, но ей нужен был в первую очередь Ларри. На звуки выстрелов может примчаться

охрана, Джинкс заберут, и дело сорвется.

– Послушайте, леди, если вам деньги нужны, так я дам. У меня сотня наличными при себе. Вот, возьмите бумажник. Только не надо стрелять.

Джинкс описала револьвером дугу, заехала седому в левый глаз, потом – в правый. Сукин сын взвыл, закрыл ладонями окровавленное лицо и упал.

Джинкс села в «мерс», вырулила с подземной парковки, покатила к хайвею, ругаясь последними словами.

К тому времени, как она добралась до основной трассы, бешенство ее достигло предела. Джинкс неслась на скорости девяносто миль в час. Сзади завывала сирена, синим светом замигал проблесковый маячок. Только полиции не хватало! Джинкс свернула на Сорок вторую улицу, но от патруля не оторвалась. Она стала кружить по району, цепляя боками «мерса» изгороди, резко поворачивая, нарушая все правила разом, изо всех сил запутывая патруль. Джинкс ехала обратно к дому Салли. На нужной улице она остановилась.

Вбежала в подъезд. Едва захлопнулась дверь, как Джинкс услышала вой сирены. Мигая маячком, на улицу вырулила патрульная машина, остановилась возле измятого черного «мерса». Дико хохоча, Джинкс побежала к черному ходу, оказалась во дворе. Там она зарыла револьвер в землю и проскользнула в ателье Гринберга. Сняла полицейскую форму, напялила ее на Мерфи. Только теперь она заметила, что потеряла полицейскую дубинку. Манекен остался с пустыми руками, это было как-то неестественно. Подумав, Джинкс подняла правую руку Мерфи, повернула ладонью вверх. Получалось, что Мерфи делает неприличный жест в адрес всего и вся.

В квартире Джинкс будто впервые увидела разгром, сотворенный ею прежде, чем она отправилась убивать Ларри.

– Эй, Дерри! – крикнула Джинкс. – Выходи! Прибраться надо.

– Ага, разбежалась. Сама наворотила дел – сама и убирай.

За бравадой я прятала страх. Охота на мнимого Ларри и уход от полиции вымотали меня до предела. Вообще-то я люблю острые ощущения, но сегодняшние гонки были слишком даже для Джинкс. Ладно хоть, она закопала револьвер. Я даже подумывала, не проскользнуть ли во двор, не выкопать ли пушку да не бросить ли ее в реку, от греха подальше. Впрочем, я и сама знала: это пустые мысли. Я ужасно боюсь оружия. Что касается уборки, пусть вкалывает Салли. В конце концов, она сама виновата. Зачем устраивала сеанс? Не будь Салли такой овцой, Джинкс не вырвалась бы на волю.

Глава 10

В пятницу я выпустила Нолу на сеанс к Роджеру. Предоставила ей рассказывать про чаепитие и появление Джинкс. Сама я непременно проговорила бы насчет бешеной гонки и планов застрелить Ларри, потому и осталась в тени. Нола проговориться не могла – она знала только, что Джинкс выскочила из квартиры, и все. Проведай Роджер о выходке Джинкс, он, чего доброго, снова нас в больницу упек бы.

Когда Нола дошла до появления Джинкс, Роджер вскочил и забежал по кабинету, ударяя себя кулаком в ладонь. Нола никогда его таким не видела.

– Ужасно, ужасно! Я ведь предупреждал! Я просил не устраивать сеансов без меня.

– Лично я ничего и не устраивала, – защищалась Нола. – Я вообще не Салли. И кричать на меня совсем не обязательно!

– Извините, Нола, – выдохнул Роджер, чуть ли не падая в кресло. – Просто этот просчет мог стоить вам жизни. В смысле, не только вам, Нола, но и всем остальным. Если бы с вами что-то случилось, я бы никогда себе не простил.

Ноле было стыдно, однако волнение Роджера ей польстило. Теперь он совсем не казался «перегоревшим». Эмоциональность зашкаливала. Если Роджер и имитировал заботу о пациентке, его актерская игра тянула на «Оскара».

– За несколько секунд до того, как Джинкс вышла из мрака, Дерри сказала Салли: «Джинкс со мной не справиться». К сожалению, Дерри ошиблась. Одно из двух: либо Дерри ослабела, либо Джинкс набирает силу.

Роджер потер подбородок.

– Мы достигли критической отметки. По-моему, пора сделать следующий шаг.

Нола мигом сообразила, что имеет в виду Роджер. Ей стало не по себе.

– Зря я вам про чаепитие рассказала, доктор Эш.

– Нола, поймите, – заговорил Роджер, подавшись к ней, налегая грудью на стол, – у нас тут не интеллектуальная игра. Вы подвергаетесь реальной опасности. Медлить нельзя. Начнем с вас.

– Вы о слиянии, не так ли, доктор Эш?

– Именно.

– Тогда поприветствуйте коней. Я еще не дала согласия.

– Я прошу вашего согласия.

– Скажите честно: слияние далеко не всегда бывает успешным, ведь так?

Роджер повертел в пальцах ручку с золотым пером, покачал головой.

– А в тех случаях, когда слияние проходит успешно, результаты могут и не закрепиться, – продолжала Нола.

– Вы правы. Большинство людей с синдромом расщепленной личности, для которых слияние вроде бы прошло успешно, через некоторое время, под давлением обстоятельств, снова «расщепляются». Порой новых личностей даже становится больше. Нола, я действительно не могу дать вам гарантий. Нам остается только попытаться счастья.

– Я – не подопытный кролик.

– Зафиксированы случаи, когда слияние приводило к полному излечению. Вот и все, чем на сегодняшний день могут похвастаться психиатры, занимающиеся мультяшками. Сейчас речь не о долгосрочных перспективах слияния; сейчас речь о вашей жизни. Сохранить жизнь – моя первейшая обязанность как врача. Переломный момент настал. Вам всем угрожает опасность. Как профессионал я предлагаю оптимальный выход.

– Почему вы решили начать с меня?

– Потому что стратегия начинать с конца и двигаться к началу хорошо себя зарекомендовала. Вы были созданы последней – значит, слиться с Салли должны первой. Вдобавок вы образованны, умны, хладнокровны и самолюбивы. Эти качества усилят Салли. После первого слияния ей будет легче перенести оставшиеся.

– Если я соглашусь, буду ли я после слияния знать, что происходит?

– Наверняка не скажу; по моей теории, хоть что-то знать вы должны. Вы ведь станете частью Салли, следовательно, у вас с ней будет общее сознание.

– А как насчет Джинкс?

– Очень надеюсь, что Салли, усиленная вашей личностью, сумеет воздвигнуть интеллектуальный барьер, который не выпустит Джинкс из мрака. Позднее, когда Салли обретет чувственность Беллы и оптимизм Дерри, образуется этакий выпускной клапан. Вчетвером вы будете успешно подавлять гнев и агрессию Джинкс.

– Вот, значит, что вы имели в виду, говоря об обеих техниках – слиянии и вытеснении. Четверых вы намерены соединить, пятую – вытеснить.

– Не обязательно вытеснить. Подавление гнева – обычное дело для психически здорового человека. – Роджер откинулся на спинку вращающегося кресла и посмотрел Ноле прямо в глаза. – Мне нужно ваше

согласие, Нола.

– Я считаю, что вы не имеете права разрушать индивидуума. Я – есть, я – реальна. Пусть я лишена отдельного тела, зато имею разум. Cogito ergo sum^[23].

Роджер хлопнул ладонями по подлокотникам кресла, резко поднялся, забегал по кабинету.

– Я не отрицаю вашего существования, Нола. Но ведь любая из вас имеет право вести самостоятельную жизнь. Будь вы соединены на физическом уровне, как сиамские близнецы, вас следовало бы разделить, подарить каждой из вас отдельное бытие. Но как дать каждой из вас, личностей, альтеров – отдельное тело? А координировать свои потребности, желания, действия вы не можете, что стало в последнее время яснее ясного. Вы – словно бесплотные духи. Поэтому необходимо попробовать слияние. То, что мы сделаем, не уничтожит вас, о нет. Слияние...

– Изменит меня.

– Этого не избежать.

– А если я не желаю меняться? Я вполне довольна собой нынешней.

– Вы полагаете, что разума, образованности и гордости довольно для того, чтобы быть полноценным человеком?

– А разве не так?

Роджер в стремлении убедить Нолу простер к ней руки.

– Полноценная человеческая личность помимо разума и гордости обладает эмоциями, испытывает сексуальное влечение, способна сопереживать. Есть и другие признаки человечности, которых вам, Нола, недостает. Я не уничтожу вас, не бойтесь. Я помогу вам стать человеком. Того, что свершится здесь, не достичь посредством умных книг, фильмов из категории «не для всех», изобразительного искусства и классической музыки. Скажу вам честно, Нола: вы нуждаетесь в слиянии с остальными альтерами и с Салли не меньше, чем они нуждаются в слиянии с вами.

– Я подумаю.

– Разумеется. В вашем распоряжении целые выходные. Можете посоветоваться с остальными, а можете принять решение самостоятельно. Если согласитесь, мы проведем слияние в понедельник.

Роджер попрощался с Нолой, не загнав ее во мрак и не выпустив Салли.

Мы пришли к молчаливому соглашению дать Ноле оторваться в эти выходные. Я внушила остальным, что это, пожалуй, будут последние ее два дня, и все меня поддерживали. Не мешать Ноле в субботу и воскресенье – только справедливо.

И Нола принялась отрываться. По-своему, конечно. Вот это был кошмар. В пятницу до ночи Нола слушала Бетховена и Баха. Я чуть не рехнулась. Потом подумала: наверное, чтобы принять решение, Ноле нужна особая музыка, и терпела молча.

В субботу Нола ходила в музей Современного искусства и в Метрополитен-музей, а вечером – на тоскливую, занудную, затянутую, всю такую артхаусную пьесу для высоколобых. После пьесы ужинала в одиночестве во французском ресторане. Нола заказала эскарго, и я заинтересовалась, что бы это могло быть. Когда блюдо принесли, меня чуть не стошнило. Я достаточно намучилась, привыкая, по милости Нолы, к устрицам и моллюскам, но чтобы улитки!.. Брр! Впрочем, если честно, улитки на вкус оказались совсем неплохи.

Однако кошмарнее всего было воскресенье. Позавтракав бейглом с копченым лососем, Нола целый день читала «Нью-Йорк таймс». От первой страницы до последней! Можно подумать, ей в жизни больше такого счастья не выпадет! Короче, ад крошечный, а не выходные.

Впрочем, даже после десяти полос «Нью-Йорк таймс» Нола не определилась. К вечеру на нее напала хандра, она даже начала думать о самоубийстве.

Тут я по-настоящему испугалась. Никогда еще Нола не была такой удрученной. Она то представляла, как сигает с крыши, то прикидывала, не проще ли перерезать вены. Потом ей на ум пришел стих какой-то Дороти не то Перкер, не то Паркер^[24], и Нола принялась смеяться. Типа, что за дурацкий выбор – распрощаться с собственной индивидуальностью или с самой жизнью. Измучившись, Нола полезла в шкафчик за снотворным, но я, слава богу, еще на прошлой неделе подсуетила спустить таблетки в унитаз. Тогда Нола уселась за стол, взяла лист бежевой писчей бумаги, которую сама покупала, и принялась писать.

«Мой разум противится слиянию. Быть или не быть, спрашиваю я себя, однако гамлетовский вопрос пустячен в сравнении с моей дилеммой. Речь не о бытии либо небытии; речь о том, чтобы стать другой личностью – или умереть. Честно говоря, для меня предпочтительнее второй вариант. Знаю, это эгоистично. Проблема осложняется новой информацией: покончив с собой, я покончу со всеми остальными. *Умереть, уснуть. Уснуть! И видеть сны, быть может...* Но! Какие сны приснятся в

смертном сне? И куда девать вот этот страх чего-то после смерти? Так трусами нас делает раздумье...»^[25]

Пока Нола писала, у нее было странное ощущение. Нет, депрессия никуда не делась, только теперь Нола смотрела на себя как бы со стороны, прекрасно осознавая, что впадает в слезливую сентиментальность. Ощущение прогрессировало, и настал момент, когда Нола как бы отделилась от себя, воспарила и увидела свое тело за письменным столом. Нола повернула голову. Позади нее стоял некто. Лицо было размыто, Нола не различала даже, мужчина это или женщина. Волосы до плеч, на голове – индейская плетеная повязка, фигуру скрывает белое одеяние, пышное и легкое, как облако.

– Кто ты? – спросила Нола.
– Я – твой помощник.
– Что-то я тебя не помню.
– Я существую совсем недавно.
– А сейчас зачем ты здесь?
– Чтобы ты не причинила себе вреда.
– Я имею право сама распоряжаться собственной жизнью.
– Жизнь – не твоя собственная, и ты это знаешь. Ты ведь уже думала об ответственности перед остальными.

– Что мне делать?
– Послушайся доктора Эша. Он хороший человек. И мудрый врач.
– Этот хороший человек хочет уничтожить меня, слить с безмозглыми созданиями, которые он почему-то – вероятно, от большого ума – называет моими альтерами.

– Верь доктору Эшу. То, что он намерен сделать, не уничтожит тебя. Твоя жизнь порой достигает больших высот благодаря твоему разуму, но это пустая жизнь. Разум – еще не все. Отказываясь от слияния, ты обедняешь себя. Единственный выход – сдаться. Пожертвовать своей индивидуальностью ради большой цели.

– Помоги мне. Я не умею сдаваться.
– Умеешь. Только не хочешь вытащить это умение наружу. А я могу лишь направлять тебя.

– Тогда направь. Мне страшно.

Фигура шагнула к Ноле. Вспыхнул свет, и вдруг фигура как бы слилась с Нолой, будто фокус навели. Больше Нола уже не видела очертаний помощника отдельно от себя.

– Теперь ты убедилась, дитя мое, это совсем не больно!
– Убедилась. Кстати, я по-прежнему чувствую себя – собой. Значит, и

после слияния будет именно так?

– Да, именно так.

Нола села на стул, задумалась. Ей вспомнилась статья одного калифорнийского психиатра. В ней, в статье, тоже нечто подобное было описано.

– То есть ты – внутренний я-помощник?

– Я помогаю всегда, когда во мне нуждаются.

– Ты тоже – альтер?

– Нет. В отличие от вас четверых, я не отдельная сущность. Я лишь выполняю функции помощника и защитника. Я одновременно пребываю в тебе и во вселенной, а появляюсь только тогда, когда в этом есть необходимость.

– Сейчас как раз такой момент. Научи меня, что делать.

– Доктор Эш говорит, решение должна принять ты сама, причем без всякого давления со стороны. Я могу лишь поддержать тебя, чтобы тебе достало сил сделать правильный выбор.

– Ты прямо фея-крестная!

– Да, меня и так называют. А еще я – гуру и учитель. Это одно и то же.

– Хорошо, что у нас есть внутренний я-помощник. Это облегчает задачу.

– Пора решаться, дитя мое.

Нола сидела, замерев, долго-долго, пока не озябла. Тогда она взяла ручку и в конце своего безадресного послания приписала:

«Я СОГЛАСНА НА СЛИЯНИЕ».

И тут почувствовала удивительную легкость. Внутренний я-помощник исчез, Нола была одна в комнате, и ей было непривычно хорошо.

Я не сдержалась: выскользнула на свет и позвонила Роджеру, пока Нола не передумала. От меня Роджер узнал о ее решении.

* * *

В понедельник утром, уже у Роджера в кабинете, Нола пошла было на попятную:

– Доктор Эш, я боюсь кое-что потерять. Дорогие мне вещи, если точнее. Мне всегда казалось, что периодические, зато исполненные смысла выходы на свет лучше, чем двадцатичетырехчасовая рутина со всеми мелкими и нудными обязательными делами.

Роджер выглядел усталым, постаревшим.

– И даже несмотря на прелести периодических выходов вы, Нола, не оставляете попыток покончить с собой.

– Меня замучила депрессия.

– Нола, у вас нет причин полагать, что ваша индивидуальность будет приведена к общему знаменателю. Вы сохраните острый и критичный ум и все свои знания. Пусть у вас возникают ассоциации с таким ментальным буйабесом^[26], в котором ингредиенты сохраняют свои особенности, но в сочетании с другими каждый из них приобретает новые оттенки вкуса.

Нола покачала головой.

– Язык у вас подвешен, доктор Эш, не спору. Однако вы забываете, что часть слова «буйабес», а именно «abaisse», происходит от латинского «abassare», что значит «унижать».

– Это был неудачный пример.

– Зато символический. Как раз униженные и становятся мультяшками. Ребенок или подросток вырабатывает альтероиды именно в ответ на унижение, насилие или холодность близких.

– Вы правы, только сам процесс слияния вас никоим образом не унижит. Вас не отвергают, а, напротив, принимают.

Нола сверкнула глазами.

– Вы это все время говорите, а я чувствую себя нежеланной. Мне почему-то стыдно. Мне кажется, что я погибну.

– Нола, мы все вас очень любим. Вы нам нужны. Содействуя исцелению Салли, вы вносите вклад в самую науку психологию. Опыт, который мы извлечем из сеанса слияния, поможет вернуть к нормальной жизни тысячи несчастных мультяшек, пребывающих сейчас один на один со своей бедой только из-за страха и стыда.

– То есть я буду принесена в жертву, чтобы всякие мультяшки перестали бояться психиатров?

– Ах, ну зачем вы так? При чем тут жертвы? Вы станете полноценной личностью. Вы столько раз пытались покончить с собой! Не лучше ли, не разумнее ли отдать почти иллюзорное существование на благо себе и другим? Соглашайтесь на слияние, Нола. Без вас ничего не выйдет.

Несколько минут Нола смотрела Роджеру прямо в глаза и наконец выдала:

– Можно будет заменить имя «Салли Портер» на имя «Нола Брайант»?

– А зачем? – удивился Роджер. – Сами подумайте, сколько вы этим наживете хлопот. Свидетельство о рождении – на имя Салли. Номер карточки социального страхования – тоже. И страховой полис, и записи с рабочих мест. Есть также прочие бумажки – медицинская карта,

идентификационный номер налогоплательщика, кредитки, банковские счета. Неужели вам хочется бегать по инстанциям, собирать справки?

Нола замялась (и мялась довольно долго), но все-таки, почти против воли, рассказала про внутреннего я-помощника.

Роджер сидел сцепив пальцы, слушал очень внимательно, кивал.

– Честно говоря, Нола, я уже давно жду, когда себя проявит внутренний помощник. Сначала я принял за такового вашу Дерри, затем от более опытного психиатра узнал, что внутренний помощник отличается от обычного альтера. Альтер – это сформировавшаяся личность, а внутренний помощник – скорее персонифицированное сознание. Последователи Фрейда называют его «суперэго».

– По-моему, здесь присутствует религиозная составляющая, – возразила Нола. – Я, правда, всю жизнь была атеисткой, однако мне близка философия индуизма. В индуизме есть понятие «Атман» – всеобщее «Я», мировая душа. Концепция Брахмана, то есть Бога-Абсолюта, тесно связана с личностным восприятием каждым человеком всеобъемлющего Бога в качестве индивидуального Атмана – своего наивысшего запредельного «я». Атман и Брахман тождественны на трансцендентальном уровне. Атман появляется в моменты отчаяния. И вот я думаю: а не будет ли слияние походить на нирвану? Вы знаете, как переводится слово «нирвана», доктор? «Нирвана» означает «затухание». Если конкретно, затухание пламени жизни, позволяющее каждому индивидууму слиться с мировой душой.

– Есть только один способ узнать наверняка, Нола...

Нола почувствовала дурноту и сжала кулаки.

– Не бойтесь, – произнес Роджер. – «Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет».

Нола подняла взгляд, рассмеялась.

– «Кто тащит имя – похищает все»^[27].

После долгой паузы Нола оглядела свои растопыренные пальцы и попросила:

– Только сделайте это побыстрее.

– Вот и молодчина! – обрадовался Роджер, беря свою золотую ручку. – Салли, *выходите на свет*. А вы, Нола, оставайтесь. И вы, и Салли уже усвоили: для разрешения проблемы вам надо объединить силы, стать единым целым. Это может произойти, только если сольются два разума. Новый разум вместит их качества, все будет так, как было, пока Нола не отделилась от Салли. Представьте, что вы – два озера. Озеро Нола наполнено знаниями и гордостью. Озеро Салли, из которого когда-то давно эти качества утекли, подобно воде, наполнено теперь лишь материнской

любовью, чувством справедливости, четкими представлениями о том, что хорошо и что дурно, а также способностью сопереживать. И вот я рою канал между двумя озерами, а вас обеих прошу визуализировать этот процесс. Канал пойдет от озера Салли к озеру Нола. Хотя работа трудна, ярд за ярдом я продвигаюсь к озеру Нола. Осталось совсем немного. Скоро канал соединит два водоема. А вы знаете, что бывает, когда водоемы соединяются каналом. Скажите мне, Салли, что сейчас произойдет?

– Вода... перемешается...

– Нола, что случится, когда вода перемешается?

– Характеристики, до сих пор присущие одному из водоемов, станут присущи другому водоему, и наоборот.

– Вы согласны на это, Салли?

Салли кивнула.

– А вы, Нола, согласны?

Нола колебалась.

– Нола, вы должны согласиться немедленно. Обратного пути нет. Вычленив некие составляющие из жидкой среды невозможно. Вы и Салли станете одним целым – как на уровне разума, так и телесно. Вы согласны, Нола?

– Да.

– Хорошо. Последние дюймы до озера Нола я пройду под руководством внутреннего помощника. Вот так. Все. Свершилось. Воды обоих озер хлынули в канал. Сознание Салли стремится к Ноле. Сознание Нола стремится к Салли. Поток не остановить. На ваших глазах струи смешиваются в стремительном темпе, и вся вода обретает качества и Нола, и Салли. Отныне и навечно не будет ни Нола, ни Салли. Будет вторая Салли – цельная личность, умная, образованная, гордая, уверенная, что сумеет справиться и со своей работой, и со своей жизнью, одолеть всех недоброжелателей, в то же время способная на сочувствие, уважающая других, их мнения и права. Когда я досчитаю до четырех, вторая Салли откроет глаза. Салли, вы запомните ровно столько об этом сеансе, сколько вам необходимо. У вас останутся воспоминания о отдельной жизни с Нолой, но они будут как старые сны. Отныне и навсегда вы будете единым разумом, единым телом. Вы стали другой личностью, отличающейся от прежних двух. Вы – новая женщина; вы – вторая Салли. И мы все этому очень рады, в том числе рад ваш внутренний помощник. Итак, один, два, три, четыре...

Веки Салли дрогнули. Несколько мгновений она жмурилась, наконец открыла глаза.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Роджер.

– Голова кружится. Я будто попала в водоворот, затем течение донесло меня до водопада и бросило вниз.

– Расслабьтесь и расскажите, что вы помните.

Салли сделала глубокий вдох.

– Я почти ничего не помню.

– Как ваше имя?

– Салли Портер, – произнесла она с тяжким вздохом.

– Последнее ваше воспоминание?

– Я позвала гостей на чай. А потом – темнота.

– Вы жалеете о том, что устроили чаепитие?

– Да. Это была чудовищная ошибка. Мне следовало хорошенько подумать, прежде чем решаться на этот шаг.

– Поясните, пожалуйста.

– Я всегда была одиночкой. Простите меня, Роджер, я не хочу показаться высокомерной. Просто в одиночестве мне лучше. Когда я одна, когда никто не вертится перед носом, у меня все получается. Вот и сейчас: у меня устойчивое ощущение, что, останься я одна, сумею найти решение моих проблем.

– Понимаю.

– Я вовсе не хочу отказываться от вашей поддержки. Я имела в виду, мы с вами достигнем большего успеха и придем к важным решениям, если будем действовать вдвоем, без привлечения остальных к сеансам групповой терапии.

– Спасибо, что пояснили. Я было подумал, вы просите меня удалиться и оставить вас одну.

Салли взглянула Роджеру в глаза.

– Ничего подобного. Пожалуй, умнее вас я никого не встречала. Ваше общество стимулирует мой разум и обеспечивает мне душевный подъем.

– Благодарю вас.

– Ой! Что это я такое выдала? Даже неловко.

– Неловко? Почему?

– Я совсем не собиралась говорить эту последнюю фразу. Не понимаю, как она слетела с языка. Раньше я ничего подобного себе не позволяла. И еще: мне кажется, у меня изменился стиль речи.

– Ничего удивительного. После слияния так и бывает. Теперь я вас кое о чем попрошу: напишите, пожалуйста, свое имя. Вот на этом листочке.

Не колеблясь, она написала: «Салли Н. Портер».

– Я думал, вас зовут просто Салли. Не знал, что у вас и второе имя

есть. «Н» – это что? Натали? Николь?

– Сама не знаю, почему я так написала. Никогда не упоминаю своего второго имени.

– И все-таки – что это за «Н»?

– Нола.

– Широкий жест. Значит, вы решили взять себе второе имя?

Салли покачала головой.

– Нет, я об этом вообще не думала. Просто начала писать, и рука сама вывела «Н». По-моему, так будет справедливо. Как вы думаете, мне следует взять вторым именем имя «Нола»?

– Почему бы и нет? Мне кажется, Нола не возражала бы.

Салли надолго умолкла.

– У меня странное ощущение – будто Нола исчезла из моей жизни. Я воспринимаю это как утрату подруги, с которой была долго разлучена, потом вновь обрела ее – но лишь для того, чтобы потерять навеки. Означает ли это, что слияние прошло успешно, что я иду на поправку?

– Пожалуй, да. Впрочем, проживем – увидим.

– Вот что я вам еще скажу. Только не считите это флиртом или аналогичной глупостью. Редкий мужчина, Роджер, так хорошо понимает женскую психологию.

Роджер рассмеялся.

– Я многому научился у вас.

Салли вдруг почти вскочила с кушетки.

– Что с вами? Куда это вы заторопились?

– В голове крутится фраза «вторая Салли». Что это может значить?

– Лишь то, что вы достигли второй стадии в развитии. Или, если хотите, – в реинтеграции.

– Мне вдруг чрезвычайно захотелось пойти во французский ресторан и отведать сугубо французских деликатесов. Может быть, пообедаем вместе, Роджер?

Он улыбнулся.

– Пожалуй. Тем более что первое время за вами надо приглядывать.

– Мне не страшно. Я предложила совместный обед по другой причине.

– Я понял. Просто нашел профессиональное оправдание сделать то, что мне хочется.

Салли со смехом покачала головой. Стилль общения Роджера с ней изменился. Раньше Роджер подстраивался под неразвитый ум Салли, а теперь говорит с ней как с равной. И это здорово.

– Человеку, который только что сыграл роль господина бога, не нужны

оправдания, чтобы пообедать со своим творением, – произнесла Салли.

Она тотчас пожалела о своих словах. Ей совсем не хотелось ни льстить Роджеру, ни обижать его. Салли всего лишь чувствовала потребность пробить его «скорлупу». По тому, как Роджер нахмурился, она поняла: это удалось.

– Простите, Роджер. Напрасно я это сказала.

– Я не удивлен. Метафора сама просилась на язык. Сумасшедший ученый играет в бога... Вероятно, мне следует проводить вас домой, а пообедаем вместе мы как-нибудь в другой раз. Если вы не передумаете, конечно.

– Я не передумаю. Хотя домой и сама прекрасно доберусь.

Роджер кивнул.

– Как вам будет угодно.

Из кабинета Салли выходила твердой походкой, высоко держа голову. Прежней сутулости как не бывало.

А у меня мурашки бегали по спине. Я попыталась достучаться до старушки Нолы. Не вышло: Нола исчезла. Будто ее похитили или убили. Мне вспомнилась одна из самых любимых книг Нолы, и пришло на ум, что Нола таки утопилась и искать ее надо в Уолденском озере^[28]. Жуть кошмарная. И еще одна вещь меня тревожила. По взгляду Роджера я поняла: он считает вторую Салли очень привлекательной женщиной.

* * *

Теперь все казалось Салли новым, непривычным. Она будто сменила очки. Например, в лифте она уверенно нажала кнопку первого этажа, а ведь прежде при виде кнопочной панели Салли бросало в дрожь. Правда-правда! Она никогда не знала точно, на какой этаж ехать, и боялась закрытого пространства. А теперь ей даже понравился этот холодок под ложечкой, когда лифт едет вниз.

На больничном крыльце она простояла довольно долго, наблюдая за толпой. На нее тоже поглядывали: дескать, чего это она никуда не спешит? Наконец Салли сделала вдох, вроде как ныряльщица перед погружением, и шагнула в людской поток.

Непосредственная близость множества незнакомых людей странным образом тонизировала Салли. Она радовалась, что не нужно ни с кем разговаривать, потому что всегда любила одиночество. Салли была возле людей, однако не с ними. Этакая приятная изоляция. Она продолжала

представлять себе водоемы, ей все чудилось, что она плавает. Голова слегка кружилась. Вдруг Салли стало смешно. Хорошо, что Роджер отвертелся от совместного обеда. Куда приятнее провести вечер в одиночестве. Она будет бродить по городу, вольется в толпу, но не потеряется в ней. Она будет слушать только свой внутренний ритм.

Толпа несла Салли к Таймс-сквер. Салли всегда избегала этого места, чуралась афиш с полуголыми девками, шарахалась от секс-шопов. Она испытывала презрение и отвращение к проституткам обоего пола. Теперь Салли впервые разглядела в них живых людей, индивидуальностей. Она больше не смотрела свысока, не судила их. Она поняла, какой была ханжой.

Салли свернула на восток и направилась к Сорок второй улице, к библиотеке. На входе в Брайант-парк к ней пристали двое пьяниц; Салли ловко увернулась. Еще совсем недавно на подобные домогательства она отреагировала бы провалом. Сейчас Салли знала: если что, она сумеет осадить пьяниц, она ведь отныне не только сильна, но и остра на язык.

Попасть в библиотеку можно было и с Сорок второй улицы, однако Салли захотелось взглянуть на львов, и она сделала крюк, зашла с Пятой авеню, с главного входа. Она проследовала по лестнице под защитой гривастых мраморных охранников. Вспомнила первое посещение библиотеки. Их класс повели на экскурсию. Тогда Салли верила: если очень долго и методично читать, можно прочесть все-все книжки и узнать абсолютно все. Какая наивность!.. Салли вступила в зал, нашла на полке одну из своих любимых книг и вскоре забыла обо всем на свете, отдавшись завораживающему ритму сочной прозы Томаса Вулфа. Она читала «Домой возврата нет». Мастерски переданные автором ритмы и образы большого города полностью ее захватили. Через некоторое время Салли закрыла книгу и вышла на улицу, вполне согласная с тем, что возврата – нет.

Пора было домой. Перед работой в «Дороге из желтого кирпича» нужно еще принять душ и переодеться. В такси она загрустила, возле дома поняла причину грусти. Нынешние ощущения – временны, скоро будет еще одно слияние, и еще одно. Появятся третья и четвертая Салли. После каждого слияния мир будет представать в ином свете. Из кабинета Роджера Эша будет выходить очередная малознакомая женщина, со своими мыслями, своими соображениями о жизни.

Внимание Салли привлек манекен. Она даже остановилась перед витриной. Манекен делал неприличный жест. Вспомнились слова Тодда: «Закон Мерфи. Если есть вероятность того, что неприятность может произойти, – она непременно произойдет». Что за чушь! Нелепое суеверие! Ничего плохого не случится. Потому что Салли теперь сильная. И отлично

владеет собой.

Дома она взяла с кровати игрушечных зайца и панду, упаковала их в пластиковый пакет и запихнула подальше в шкаф. На вечер Салли выбрала вызывающее желто-белое платье. Долго изучала собственное отражение в зеркале.

– Ты знаешь, кто ты такая, – сказала себе Салли. – Ты стала сильнее. Провалов больше не будет. Личности перестанут выскакивать, когда вздумается. Ты научишься все держать под контролем, и Роджер поймет, что в дальнейших слияниях нет нужды.

От этой мысли Салли повеселела. Чем больше она думала, тем очевиднее становился ответ. Конечно, она внесет стабильность в свою жизнь, не допустит новых провалов и подмен, и тогда не понадобится слияний с Беллой и Дерри. Не говоря уже о Джинкс. Да, именно так.

Салли стала под душ. Теплая вода падала ей на спину, стекала по животу, по бедрам. Пока Салли наслаждалась, я прикинула: нам с Беллой и Джинкс придется нелегко, ведь мы будем противостоять не только второй Салли. Теперь у Салли есть внутренний помощник, а это не пустяк.

Часть третья

Глава 11

Несколько недель все шло гладко. Новая Салли сильно отличалась от прежней уровнем интеллекта. Впрочем, не знаю, может, разница была в уровне образования. Салли продолжала считать, что справится и без дополнительных слияний, и не сомневалась, что провалы ей больше не грозят.

Поведение новой Салли меня здорово напрягало. Во-первых, действовали на нервы ее бесконечные походы на артхаусное кино. Ненавижу иностранные фильмы – пока читаешь субтитры, обязательно проворонишь выражение лица персонажа. Во-вторых, Салли без устали шастала по музеям. В-третьих, постоянно читала. Телевизор сломался, а она даже не озаботилась вызвать мастера. В результате я лишилась своих любимых ночных шоу. А ведь мы с Роджером так не договаривались!

Потом ей взбрело самой обслуживать посетителей в «Дороге из желтого кирпича». Я попыталась выскочить, но наткнулась на непробиваемую стену.

Ладно же, думаю, да, ты теперь сообразительная, может, с заказами и справишься. А вот что ты, дорогая моя Салли, станешь делать, когда придет черед шоу? Как ты обойдешься без Беллы? Оказалось, новая Салли об этом успела подумать. Она решила так: до самого шоу будет себя контролировать, а когда огни в зале погаснут, выпустит Беллу, с тем чтобы загнать ее обратно, как только она выполнит свою миссию. Салли было невдомек, что Белла решила твердо: раз оказавшись на свободе, она не уйдет, пока не оттопырится по полной программе.

Переодевшись в униформу, Салли присела отдохнуть. К ней подошел Тодд.

– Вы сегодня какая-то другая. Собранная, что ли. И смотрите свысока. Вы Нола, да?

– Нет, я Салли.

Тодд вскинул брови.

– Я погляжу, лечение в стационаре пошло вам на пользу.

– Так и есть.

Тут Салли заметила Элиота. Он наблюдал за ними, явно нервничая.

– Знаете, Салли, с того самого вечера, когда вас показали по телевизору, вы у меня из головы нейдете.

– Тодд, давайте не будем.

– Выслушайте меня. Вы – чудесная, восхитительная. Вы добрая и чуткая. Я влюблен в вас без памяти.

– Тодд, этак вы неприятностей наживете.

– Это уж мое дело.

– Вы меня не знаете. Отдельные мои черты могут вам очень не понравиться.

– Ох, Салли, кому вы это говорите! Я же завязавший игрок. Так вот, теперь, когда с азартными играми покончено, у меня хватит сил на нас двоих. Пока вы лечились, я кое-какую литературку проштудировал по вашему расстройству. Я знаю, как вам помочь. Вам не придется бороться с болезнью в одиночку. Согласитесь: вам нужен друг, способный выслушать, понять, поддержать в период обострений.

Салли опустила взгляд.

– Тодд, прошу вас, давайте повременим. Я должна разобраться в себе.

Он вздохнул из глубины души.

– Да, конечно. Я готов ждать.

Тодд ушел, а Салли осталась думать. Она не влюблена в Тодда, это бесспорно. Но, может, любовь придет позднее? Или любовь не нужна вообще и отношения реально построить на взаимоуважении, доверии, симпатии?..

Между тем дело близилось к девяти. Элиот вышел на танцпол, чтобы объявить о начале шоу. Элиот еще пополнел – костюм на нем трещал. Салли поднялась, направилась к танцполу, почти уверенная, что справится. Однако в животе начались колики, по телу побежали мурашки, заныл затылок. Салли вспомнила, как во времена чирлидерских успехов Беллы пыталась вместо нее зажигать на футбольном матче. В следующую секунду Салли постиг провал.

* * *

На танцпол, пошатываясь, вышла Белла. Свет в зале погас, на Беллу был направлен софит. Она закинула руки за голову и рассмеялась.

– Друзья! Сегодня вас ждет шоу, каких вы еще не видывали!

Белла взяла электрогитару, забренчала и запела, приплясывая, вертя бедрами, отчаянно зажигая. Она явно решила отыгаться за все долгие недели, что вторая Салли продержала ее взаперти. Принимали Беллу – лучше некуда. Народ присвистывал, притопывал, прихлопывал. Белла довела зал почти до иступления, да и себя тоже. Ей стало тесно в одежде,

и она сорвала изумрудно-зеленый топ, а затем и бюстгальтер и дальше танцевала топлес.

Краем глаза Белла видела: Тодд, пунцовый от смущения, направился было к танцполу, чтобы увести ее, но Тодда удержал Элиот. Оба партнера смотрели на Беллины ужимки из-за кассового аппарата. Белла знала, что тело у нее восхитительное, и вдобавок умела подать себя в самом выгодном свете. В результате ритмичных и продуманных движений мини-юбка оказалась на полу. Скоро Белла осталась в одних трусиках. Вот теперь она свободна! Она заслужила это право, этот восторг, этот теплый зеленый свет, эти аплодисменты.

Разве грех демонстрировать обнаженное тело, если оно красиво? Тело – тоже инструмент артиста, не так ли? Сколько Белла себя помнила, самые счастливые моменты всегда были связаны со сценой. Отражаться в глазах зрителей, ощущать восхищение, слышать аплодисменты – это ли не счастье? «Я ль на свете всех милее?»

Однако Белла зашла слишком далеко. Стала ощущать себя таким набором: бедра, ноги, груди. Экстаз возрастал. Боже, какое блаженство! Так и надо жить! Вот способ добиться любви – да не одного человека, а целой толпы разом!

Я, вообще-то, не ожидала, что Белла вздумает танцевать стриптиз. Я хотела вмешаться, унять Беллу, но Джинкс оказалась проворнее. Она вытеснила Беллу, шагнула из светового круга и внезапно застыла. Джинкс стояла неподвижно, сверкая глазами, почти не чувствуя, как между грудей струится пот. Зрители выдохнули и забыли вдохнуть.

– Свежатины захотелось? – вдруг взвизгнула Джинкс. – Любите смотреть на голое тело? Конечно, это же так удобно – делать ничего не надо, стояк под столом не виден. Верно я говорю? Ну так будет вам сейчас шоу. Называется – «Деградация женщины».

Джинкс приблизилась к одному из столиков и выхватила у посетителя сигарету.

– Смотри на это тело, парниша. Смотри внимательно. Сейчас мы его заклеим, как клеймят скот на ранчо.

Зажженным концом сигареты Джинкс надавила себе на грудь чуть повыше соска. Зрители помертвели. Конечно, откуда им знать, что Джинкс не чувствует боли. Мучиться от ожога предстоит Салли.

– Одного клейма маловато будет, – продолжала Джинкс. – Вот здесь еще поставим, для симметрии. – И она прижгла вторую грудь.

Запахло паленой кожей.

– Господи! Она самосожжение сейчас устроит! – воскликнула какая-то

женщина и рванулась из-за столика.

– Это часть шоу, – возразил ее спутник и захлопал в ладоши.

За ним принялись аплодировать остальные. Не прошло и десяти секунд, как зал взорвался одобрительными выкриками.

– Погодите, шоу только началось, – прошипела Джинкс. – Вас ждут незабываемые впечатления.

Элиот с Тоддом бросились к Джинкс, но она, отшвырнув сигаретный бычок, схватила бокал, выплеснула остатки вина в лицо посетителю и шарахнула бокалом о столешницу. После чего приставила зазубренное стекло к собственному горлу и взвизгнула:

– Вы двое! Не приближайтесь, не то я себе горло перережу!

Элиот и Тодд замерли, а Джинкс переместилась в центр зала.

– Только сегодня! Впервые на сцене реальное самоубийство. Посвящаю этот спектакль Ноле, которой больше нет с нами.

Джинкс прошла перед ошалевшими зрителями, картинно подняла левую руку и полоснула по запястью стеклом. Хлынула кровь, окрасив обнаженное тело.

– Ради господ бога, кто-нибудь, остановите ее! – выкрикнули в зале.

– Это бутафорская кровь, – отозвался другой зритель. – Я такое уже видел.

Джинкс вспорола правое запястье, швырнула разбитый бокал в толпу и стала ходить взад-вперед, держа руки высоко над головой, вертя бедрами, неумело подражая Белле. Скоро Джинкс сообразила, что чувства ритма у нее нет и в помине. Движения получались пародийно-неуклюжие. Джинкс пришла в ярость.

– Еще! Еще! Давай! – кричали в зале.

– Смотрите на меня, ублюдки! – заорала Джинкс. – Это не я кровью истекаю – это вы кровью истекаете! Вы все живете только в моем воображении! Как только я умру, весь ваш мир рухнет. Понятно теперь, что я делаю? Я не себя убиваю. Я вас всех убиваю! Скоро из меня вся кровь вытечет, мой мозг усохнет, и тогда вам всем придет конец.

В толпе смеялись и аплодировали.

Джинкс принялась дрыгать руками и ногами. Несколько капель крови упали на салфетку, женщина, сидевшая за столом, взяла ее, поднесла к глазам, понюхала и взвизгнула:

– Кровь – настоящая! Настоящая! Суицид!

Аплодисменты усилились. Но вскоре, то ли по нетвердым шагам Джинкс, то ли по другим причинам, зрители начали кое-что соображать. Хлопки, подначки и смех стихли. В отдельные умы вкралось подозрение,

что в ресторане имеет место вовсе не очередной садистский перформанс в жанре «панк-рок». Официантки замерли, посыльные застыли, замороженные кровавым танцем смерти.

Дрянь все-таки эта Джинкс. Вздумала нас всех уничтожить. Я билась словно головой об стену. Наконец мне повезло: Джинкс поскользнулась на кровище, и в этот-то миг я вышла на свет. Причем меня еще и подтолкнули сзади, и я услышала слова: «Твоя очередь».

Несколько мгновений я неподвижно стояла в луче софита. Большое скопление людей меня смущает, так всегда было. Наконец я овладела собой, выдавила смешок и крикнула:

– Леди и джентльмены! Волшебное шоу на сегодня окончено. Хорошенького понемножку. Никакой крови нет и не было. Даже меня не было. Я вообще не существую. Я – иллюзия. Игра вашего воображения.

Затем я поклонилась, отвернулась от зала, покрутила попой. Мне устроили овацию. Причем стоя. С тем я и ушла с танцпола. Когда никто уже не смотрел на меня, я протянула Тодду пару салфеток.

– перевяжите мне запястья, мистер Крамер, пока я весь ресторан кровью не залила. А эти-то болваны, похоже, повелись. Думают, из меня кетчуп тек.

Тодд с Элиотом, конечно, знали, что порезы и ожоги – настоящие. Они притащили аптечку, и Тодд лично наложил стерильные повязки.

– Нет, вы точно ненормальная, – охал Элиот. – На кой черт вы все это затеяли, а?

– Сама не знаю.

– Давайте-ка я вас отвезу в больницу, – предложил Тодд.

– Это лишнее, – заверила я. – Теперь все под контролем. Отвезите меня домой, пожалуйста.

Поспорив для порядка, Тодд вызвал такси, однако непременно хотел ехать со мной. Я согласилась. Из квартиры Тодда было не вытурить.

– Сейчас вам нельзя находиться в одиночестве. Дайте я хоть медсестру вызову, пускай с вами побудет.

– Да не волнуйтесь вы так! Я в порядке.

– Салли... Нола... Дерри... а, неважно! Если с вами что-то случится, я никогда себе не прощу.

– Ничего со мной не случится.

– Откуда такая уверенность? Вы только что вены себе порезали! Я не могу вас так оставить. Выходите за меня замуж. Я о вас позабочусь.

– Замуж? Нет, Тодд, это невозможно. Я вас недостойна.

– Это вы-то недостойны? Да я лучше вас никого в жизни не встречал!

Таких женщин просто нет, и все. Вы добрая, умная, дерзкая...

– А еще я бываю агрессивной и опасной для окружающих. Сами видели, что я сегодня вытворяла.

Тодд тряс головой, бегал по комнате.

– Это пройдет. Вы поправитесь. Обязательно. Вы научитесь контролировать себя. Ведь вам это уже удалось. Сначала вы устроили кровавое шоу, а в критический момент взяли себя в руки. Вы победили внутреннего демона. Значит, доброе в вас сильнее, чем разрушительное.

– А я вот уже не уверена.

Тодд взял меня за руку.

– Будьте моей женой.

– Не давите, Тодд. Сегодня я не я.

– Ладно, не буду давить. Кто бы вы ни были, знайте: вы меня к жизни вернули, а это самое главное.

Наконец Тодда удалось выпроводить. Я легла в постель, но сон не шел. Я проворочалась довольно долго, потом мне стало страшно: вдруг, когда я отключусь, снова появится Джинкс? Или не Джинкс, а кто-нибудь новенький?

В итоге я вышла на улицу. Мне хотелось поговорить с Мерфи.

– Знаешь, дружище? Одного не пойму: как я до сих пор психопаткой не стала.

Разговор не клеился. Паршивка Джинкс, зачем она заставила Мерфи делать непристойный жест? Как можно душу открывать, если тебе средний палец показывают? Хоть бы кто-нибудь шепнул мистеру Гринбергу, ведь старик-то подслеповат.

Глава 12

Белла огляделась, готовая поклониться и сорвать еще оваций. Однако обнаружила себя в постели. Из окон лился дневной свет.

– Что? Опять?! – взвыла Белла.

Дальше – больше. Запястья были забинтованы, на груди пузырились ожоги. Господи! Неужто кто-то из альтеров связался с садистом?

Белла вскочила, уперев руки в бока, диким взглядом повела по комнате. Нет, это уже явный перебор. Конечно, следовало бы привыкнуть, но какого дьявола ей не дали завершить шоу? Сколько можно ее задвигать? То она не получает свои пятнадцать минут славы, то не успевает насладиться сексуальным контактом. Какое там еще сотрудничество имел в виду смазливый психиатр? А что же насчет прав? Их надо уважать в любом случае! И уж Белла постоит за свои права, раз тут все такие беспардонные!

Взгляд Беллы упал на календарь, на обведенное красным сегодняшнее число с пометкой: «10.00. Терапия. Кабинет Роджера».

Было девять утра. Значит, всего один час остался? Так нечестно! Белла подумала о Роджере, и сейчас же у нее созрел план. Она не уступит своего места, она сама пойдет к Роджеру, притворится Салли. Усыпит бдительность психиатра. Правда, новая Салли существует недолго, но я успела кое-что порассказать о ней Белле, а Белла всегда отличалась сообразительностью. Вот и сейчас она прикинула, что справится с ролью Салли. А если где-нибудь и сфальшивит, ничего страшного – Роджер и сам толком не знает новую Салли.

Хихикая, воображая сцену соблазнения психиатра, Белла надела одно из любимых платьев Салли. О, она скопирует все повадки Салли, и Роджер непременно поверит. Белла представила себя лежащей на черной кожаной кушетке, обливаемой слезами, бьющей на жалость. Растроганный Роджер склоняется над ней, она демонстрирует ему обожженные груди, обнимает его и занимается с ним сексом. Вот это будет спектакль так спектакль! Может, главная Беллина роль. Дожидаясь такси, Белла видела себя с огромным букетом, раскланивающейся перед рукоплещущими зрителями.

У дверей Роджера кабинета я попыталась задвинуть Беллу, но слишком уж она настроилась. Ничего у меня не вышло. Да, Дерри, сказала я себе, слабеешь ты день ото дня, подруга. Но какова Белла! Знает ведь, что я к Роджеру неровно дышу; обещала не флиртовать с ним. Хотя Беллиным

обещаниям насчет мужчин – грош цена.

Белла вошла в кабинет под бой часов. Будто из-за кулис на сцену шагнула – голова высоко поднята, надменность Нолы смягчена растерянным взглядом прежней Салли. Поневоле я признала: Белла – прирожденная актриса. Так скопировать новую Салли, никогда ее не видя!

Максимум, что мне удалось сделать, – это заставить Беллу задеть бедром стол Мэгги.

– Ой, простите, Мэгги! – пропела Белла. – Я тут думала про новую книжку, в которой написано про женское освободительное движение, и не заметила стола. Когда вы успели его передвинуть?

– Мы не передвигали стол, – удивилась Мэгги.

– В таком случае ваш стол *следует* передвинуть, – выкрутилась Белла, чуть презрительно, подражая Ноле, вскинув брови.

Мэгги заметила бинты у Беллы на запястьях, но поспешно отвела взгляд. Роджер сменил манеру общения. Знаете, бывает, человек находится с вами в одной комнате и говорит по телефону. И вот по его интонациям, по жестам, по выбору слов можно легко понять, кто именно ему позвонил. Для прежней Салли Роджер делал паузы в предложениях где надо и где не надо, весь подавался к ней, чтобы по лицу видеть, понимает она или нет. Сейчас Роджер заговорил непринужденно – так он общался с Нолой.

– Ничего не хотите рассказать?

– О чем?

– Да вот об этом. – Роджер кивнул на бинты.

– У меня был провал, – выдала Белла. – Ничегошеньки не помню. Наверно, я порезалась. Или меня пытались убить.

В следующую секунду Белла спохватилась, что изображает все-таки новую Салли, передернула плечами, поджала губы.

– Мне по-прежнему порой кажется, что жизнь не стоит того, чтобы жить.

– Вы обещали бороться с подобными мыслями. Самоубийство – не выход. И вам известно, как я воспринимаю разговоры о самоубийстве.

– А, ну да. Все потому, что ваша жена... она...

Роджер насторожился. Нахмурил брови. Наверняка уловил фальшь.

– Я не пыталась покончить с собой, – торопливо заговорила Белла. – Я знаю: я теперь другая. Я чувствую по-другому, я лучше понимаю, что делается вокруг меня, только я не так хорошо все контролирую. Я думала, буду контролировать, а вот поди ж ты...

– Контроль вы восстановите постепенно, – произнес Роджер. – Вы делаетесь все сильнее, но ваши альтеры борются за выживание.

– Я их не виню, только у меня тоже есть права. Я хочу вернуть детей. Вы не представляете, как это ужасно для матери – жить в разлуке с детьми. Вот я скоро поправлюсь, докажу судье, что я адекватная.

– Салли, я в вас верю. Кроме того, мне известно, что Дерри твердо решила содействовать вам в обретении целостности. Белла тоже не станет чинить препятствий. Понимаю, вам трудно считать Беллу союзницей, ведь из-за нее вы не раз попадали в сложное положение. Однако слияние с Беллой вам необходимо. Нола пестовала мысли о смерти; Беллу переполняет жажда жизни.

– Вовсе я не считаю, что от Беллы одни проблемы. Хотя, по правде говоря, так оно и есть. – Белла закинула ногу на ногу и оправила платье. – Насчет Дерри. По-моему, ей страшно. Она боится наших планов. Ну, в смысле, лечения. То есть сливания. Так ведь оно называется? Сливание. Или слияние?

Несколько секунд Роджер пристально смотрел на Беллу, потом взял блокнот и карандаш, вручил ей со словами:

– Сделайте одолжение, черкните здесь пару слов. Распоряжение на случай провала. Напишите так: «Если что, звонить в Мидтаунскую клинику, доктору Роджеру Эшу». Написали? Дайте-ка взглянуть.

Увидев почерк, отличный от почерка второй Салли, Роджер произнес:

– Вы ведете себя недостойно.

– Как это?

– Белла, где Салли?

Такого Белла не ожидала. Она смутилась и даже потупилась.

– Не знаю. Где-то.

– Могу я с ней поговорить?

– Не сейчас.

– Мне нужно поговорить с Салли, – настаивал Роджер. – *Ему известно, что скрывает мрак...*

Беллины глаза закрылись, голова свесилась, ладони на коленях расслабились.

– Я должен поговорить с Салли, – повторил Роджер. – Это крайне важно. Салли, *выходите на свет.*

Белла открыла глаза, облизнула губы.

– Это по-прежнему я, Белла.

– Почему не вышла Салли?

– Салли очень огорчена. Ни с кем не хочет сейчас говорить.

– Ну и когда же она будет готова к разговору?

Белла потянулась, по-кошачьи выгнула спину.

– Понятия не имею. Салли неудобно. Она дел наворотила, вот и стыдится. Говорит, что должна все обдумать. Еще говорит, вы, доктор, можете через меня ей что-нибудь передать. Я теперь вроде Дерри – посредница. Потому что сама Дерри здорово ослабела.

Роджер с минуту раздумывал.

– Ладно, Белла. Я все равно собирался заняться вами всерьез. Я имею в виду сеанс терапии. Раз уж вы пришли вместо Салли, сейчас и начнем.

– Ага, давайте. Я про это как раз думала. Мне очень, очень нужен сеанс. Такой, знаете, конкретный, чтоб до печенок...

– Вас тяготят провалы, Белла?

– Что? Как это? А, ну да. Сильно похоже, как у меня в школе было. Помню, только вырвусь – сразу бегом на Бродвей, к театру. Жду, жду возле входа, когда антракт объявят. В антракте многие выходили на улицу покурить, а когда возвращались – я тоже прошмыгивала в зал. Почти всегда находила свободное место. Мы с девчонками даже словцо придумали – втораактинг. Втораактингом, значит, занимались. Я все бродвейские пьесы и мюзиклы знала наизусть – но только с середины и до конца. Как там дело завязывалось, мне приходилось придумывать самой. Сейчас я почти так же живу. Появляюсь в середине пьесы – сразу на танцполе или в постели с незнакомым парнем. Одно плохо: ни одну пьесу досмотреть не дают. Ни развязки, ни занавеса, ни аплодисментов.

– То есть вам это не нравится?

– А вам бы понравилось? Думаете, приятно, когда не знаешь, чем все закончилось? Мне, Роджер, всего хочется – и финала, и оваций.

– Как вы посмотрите, Белла, если я вам предложу новую роль? Большую роль. Правда, не главную, зато вы будете на сцене до самого конца спектакля. А спектакль длинный-предлинный – на всю вашу счастливую жизнь.

Белла усмехнулась.

– Ну вы и хитрюга, док. Хотя я всегда подозревала, что вот на этой вот кушетке всякое-разное происходит.

– Я серьезно говорю, Белла. Вы же актриса; вы должны понимать, насколько важно бывает полностью погрузиться в роль, раствориться в своем персонаже. Насколько важно стать совсем другой для успеха всего шоу.

Белла поправила бинты на запястьях.

– Ну да, понимаю. Говорят же, весь мир – театр, а люди – актеры.

– Мне кажется, пора объявить ваш выход.

– Что, и афиши будут?

– Конечно. Только не с вашим именем. Вы – дублерша, Белла. Вы заменяете на сцене приму. Для вас это не в новинку, ведь вы уже играли роль Салли. Теперь вы сольетесь с вашей героиней, которую мы назовем «третья Салли».

Белла не вполне понимала, но почему-то ей хотелось верить Роджеру.

– А танцевать я буду?

– Конечно.

– А партнеры по роли – симпатичные?

– Вы сами их выберете, на свой вкус.

– А вы, Роджер, участвуете в постановке?

– Участвую. Только в качестве режиссера.

– Так вы на сцену не выйдете? Жаль. Я бы лично главную мужскую роль вам отдала. Наверняка вы отличный актер. Здорово было бы стать вашей партнершей.

Роджер улыбнулся, покачал головой.

– Насчет моих актерских способностей вы ошибаетесь, Белла. Но все равно спасибо.

– Ну что, начнем репетировать, Роджер?

– Да. Воспользуемся системой Станиславского. Для начала копнем вашу память. Вы должны вспомнить, когда и при каких обстоятельствах впервые вышли на сцену отдельно от Салли. Мне кажется, для вас важно вновь прожить этот момент. Когда это будет сделано, я помогу вам с ролью третьей Салли. Под гипнозом вы займете ее место, начнете смотреть на мир ее глазами, и в конце концов – так происходит с каждой великой актрисой – вы полностью войдете в роль, растворитесь в своей героине.

– И правда, роль большая, – хихикнула Белла. – Я согласна, только если будут музыка, танцы и секс, а еще пицца и спагетти.

– Внесем эти условия в контракт, Белла.

– Согласна, маэстро. Шоу должно продолжаться.

Роджер взял свою золотую ручку, ввел Беллу в состояние гипноза и велел ей вернуться в тот день, когда она впервые отцепилась от Салли. Сама Белла давно об этом позабыла, но стоило ей оказаться в школьном актовом зале, украшенном рождественскими гирляндами, как память проявилась.

– Где вы сейчас, Белла? – спросил Роджер. – Что происходит?

Сначала Беллу словно несло стремительным потоком, но вот течение замедлилось, и Белла оказалась частью одиннадцатилетней Салли, ученицы шестого класса. Салли готовилась к выходу на сцену. Давали рождественский спектакль, «Белоснежка и семь гномов»; Салли досталась роль злой мачехи-королевы по имени Белла, супруги Его Рассеянного Величества. Салли ужасно волновалась. Да что там волновалась – тряслась от страха. Как пить дать она забудет текст. А если и выдавит какую-нибудь фразу, так голос подведет – сорвется на жалкий писк. Да еще, пожалуй, с Салли случится провал, она что-нибудь натворит, и ее накажут. Джинкс вот уже четыре года не отстаёт от Салли, хулиганит, безобразничает, а Салли за нее отдувается.

Мать с Фредом сидели в первом ряду. Салли вообще не хотела участвовать в спектакле. Мать заставила. Почему-то вбила себе в голову, что Салли должна стать актрисой.

Вполне предсказуемо началась мигрень. Боль поднималась от шеи к затылку, потом к макушке. Салли прислонилась к стене. Нет, она не пойдет на сцену, хоть режьте. Так бы Салли и стояла за кулисами, но мальчик, который играл гнома Чихоню, буквально вытолкнул ее на сцену. Салли увидела полный зрительный зал, учительницу, стоявшую в противоположной кулисе на подхвате. Перед глазами все поплыло. Салли похолодела и потеряла сознание.

Тогда-то Белла и отцепилась, не дала Салли грохнуться на пол.

Белла пела и танцевала, острила так, что зал взрывался хохотом. Когда занавес закрыли, Белле устроили овацию. Ее вызывали целых четыре раза. Ей аплодировали стоя. Все вокруг говорили, что Салли – прирожденная актриса, ведь за считанные минуты до выступления она превратилась из тихой и застенчивой девочки в настоящую звезду сцены. Учительница сказала, что таких талантливых детей в школе не было со дня ее основания. Эти слова были встречены восторженными воплями зрителей. Даже Фред похвалил Салли – дескать, на сцене она выглядела прехорошенькой. Фред приобнял Салли за талию и выдал:

– Сдается мне, в семье появится настоящая артистка.

Эта ласка, эта похвала, взгляд Фреда подействовали на Беллу странным образом. Она зачем-то улыбнулась Фреду. Он ей подмигнул, обнял крепче, но тут откуда ни возьмись появилась мать и увела Беллу.

– Давай переодевайся живей, – сказала мать. – Поздно уже, домой пора.

Больше Белла о том вечере ничего не помнила.

* * *

Роджер вернул Беллу в настоящее время, но оставил под гипнозом и начал спрашивать, приятны или нет ей воспоминания о первом отщеплении.

– Ну как же, – отвечала Белла, – ведь это был мой первый выход. Мне ужасно понравилось быть в центре внимания. С тех пор я постоянно играла в школьных спектаклях. Только на сцене я чувствовала себя живой, самой собой. Потому что зрители мною восхищались, ловили каждое мое слово, смеялись, когда я этого хотела, и плакали, опять же по моему желанию. А как они хлопали! Все ладоши себе отбивали. Я жалела только об одном – что рано или поздно занавес упадет. Мечтала: вот бы спектакль вообще не кончался. Вот бы не уходить со сцены. Без игры, пения и танцев меня как будто и нету вовсе. Потом я еще и чирлидером стала – да только это оказалось не то. Мельче как-то. Вот сцена – другое дело.

Белла задумалась над своими словами.

– Да, сейчас я – пустое место. А если сольюсь с Салли – стану кое-чем.

– Можно и так рассудить, – сказал Роджер. – Но вы должны сделать выбор. Подумайте как следует. У вас есть время до понедельника. Если согласитесь на слияние – мы выполним его в понедельник.

– Это не больно?

Роджер покачал головой.

– Ни капельки. Вы не почувствуете ни малейшего дискомфорта.

– А это навсегда? Дерри говорила, вы объясняли Ноле – может, сначала все получится, а потом, со временем, мы опять расщепимся.

– Такая вероятность сохраняется. Но наука не стоит на месте. Мы, психиатры, учимся на каждом новом случае. Полагаю, сочетание интенсивной гипнотерапии с модификацией поведения позволит нам добиться успехов, еще не виданных в этой сфере.

– Роджер, я жить хочу.

– Знаю. По-моему, слияние – единственный способ сохранить вам жизнь.

* * *

Все выходные Белла приставала ко мне – посоветуй да посоветуй. Хитрая! Ответственность на мои плечи переложить хотела! Я ей говорю:

решай сама. Роджер – опытный врач, ему можно доверять. Но насчет ответственности – уволь, дорогая Белла.

Тогда она стала требовать, чтобы я спросила совета у Нола, а заодно рассказала, что чувствуешь при слиянии. Я говорю: Нола, с тех пор как слилась с Салли, для меня стала недоступна.

– Это как если бы она умерла? – допытывалась Белла.

– Откуда мне знать, каково быть мертвой?

Нет, Нола просто исчезла. Растворилась в воздухе. Была – и нету. Улетучилась. Впрочем, я рассказала Белле по два озера и канал, про смешение воды. Наверное, зря: Беллу от моих слов пробрала дрожь, она ведь не умеет плавать.

Я стала убеждать: вода-то не настоящая, а воображаемая. Никто не утонул. Белла малость успокоилась. На всякий случай я сказала, что Салли после слияния с Нолой начала думать почти как Нола.

– Если сольешься, – говорю, – может, и у тебя мысли изменятся. Может, ты по-другому станешь секс воспринимать, музыку, танцы.

– А что, как я играть на сцене разучусь? Дерри! Вдруг я растеряю свой талант?

– Очень может быть.

– Что же мне делать? Первый раз я в такой ситуации, честное слово!

Весь вечер пятницы Белла слушала свой любимый рок-н-ролл. В субботу пошла на дневной спектакль «Танцоры», а вечером – на дискотеку. Одна пошла. Перетанцевала со всеми парнями, только что-то у нее не ладилось. Белла пыталась полностью отдаться ритмам, однако впервые в жизни от мелькания огней у нее неприятно кружилась голова.

Со спиртным она перебрала. Когда к ней подкатился симпатичный парень с длинными волосами, завязанными в хвост, Белла пошла с ним танцевать, и он ее целовал в шею, и шептал, что хочет заняться с ней *этим*. Белла подумала: почему бы и нет? В конце концов, сегодня последний вечер, когда она принадлежит самой себе.

– Поехали ко мне, – прошептала Белла.

Парень, точнее, юноша – ему было не больше двадцати – усадил Беллу в свой раздолбанный «Додж». Одну руку он держал на руле, другую – у Беллы между бедер. Белла расстегнула его ширинку, запустила руки ему в штаны.

В квартире они страстно целовались.

– Да, милый, да... – шептала Белла, обнимая парня за шею, теребя его хвостик и пряча его лицо у себя на груди. – Возьми меня. Покажи, какой ты сильный.

Белла жаждала грубого секса, животной страсти, бурного оргазма... Однако парень, еще толком не войдя в нее, содрогнулся, затрепетал всем телом.

– О нет! – простонала Белла. – Подожди! Не кончай!

Но было поздно. Крайне смущенный, он откатился от Беллы и пробормотал, глядя в сторону:

– Прости. Ох, как неловко. Прости, пожалуйста.

Белла лежала на спине, стараясь лицом не выдать отвращения к этому... этому сопляку. Что и требовалось доказать: занавес обвис, как старая тряпка, финал вялый и невнятный. Все как всегда.

– Не переживай, малыш, – произнесла Белла. – Я успела кончить. Одновременно с тобой.

– Правда?

Юноша воспрянул, смотрел с такой надеждой, что Белла продолжила вдохновенно врать.

– Конечно, правда. Я хотела тебя так же сильно, как ты – меня. Ты был великолепен. У тебя это впервые, да?

Юноша кивнул и густо покраснел. Потом стал одеваться.

– Куда ты? Я думала, ты до утра останешься.

– Не могу. Уже поздно, предки меня убьют, – ответил он, косясь на часы.

Уходя, он поцеловал Беллу.

– Ты очень красивая. Спасибо за все.

Белла заперла за ним дверь и пробормотала:

– И тебе спасибо. Возбудил и сбежал, так тебя и так.

Она бросилась на кровать и долго лежала без движения, чувствуя, как подрагивают соски. Потом коснулась их, стала гладить круговыми движениями. Соски моментально затвердели. Беллу трясло от желания. Хоть бы кто-нибудь был сейчас с ней! Кто угодно! Она принялась было мастурбировать, быстро поняла, что эффекта не достигнет. Поднялась, стала искать вибратор, купленный пару месяцев назад. Салли, бестолочь, думала, что вибратор – это массажер для упругости кожи щек и шеи. Куда она его запрятала?

Белла выворотила не один ящик комода. Что за квартира – никогда ничего не найдешь. Салли только и делает, что прибирается. И свои, и чужие вещи по шкафам распикивает. Идиотская привычка – трогать имущество Беллы!

Вибратор она так и не нашла. Пришлось довольствоваться пальцем. Дело уже близилось к бурному финалу, когда в основании шеи зародилась

адская боль.

– Отвали! – рявкнула Белла. – Хоть кончить дай! Не успокоюсь, пока не кончу.

– Так я затем и пришла. Помочь тебе хочу.

– Кто это? – спросила Белла, садясь в кровати.

Я сказала ей, что это Джинкс.

– Ладно, на безрыбье и Джинкс сойдет, – вздохнула Белла.

Я сказала, чтобы на меня не рассчитывали. Если Белла хочет мастурбировать – пускай себе извращается на здоровье. Но чтобы кувыркаться в одной постели с Джинкс – нет уж, увольте. А Белла тем временем прикидывала: лесбийского секса у нее еще никогда не было, а после слияния точно никогда и не будет. Возможно, это ее первый и единственный шанс.

– И слышать не желаю, – отрезала я.

– Послушай, Дерри, мы без тебя не можем, – принялась канючить Белла. – Ты ж у нас вроде связной. Я и про Джинкс только от тебя узнала.

– Даже не проси. Нет, и точка. Или ты забыла, что у Джинкс садистские наклонности?

– Ах ты собака на сене! Сама фригидная и другим не даешь удовольствие получить.

– Я не фригидная. Я нормальная.

– Нормальных девственниц твоего возраста не бывает.

– Просто я не верю в добрачный секс.

– А, ты, наверно, ждешь, пока явится Прекрасный Принц и поцелует тебя в задницу.

– Отстань. Оргии – это не для меня.

– Какие еще оргии? Ты о чем?

– Когда сексом занимаются больше двух, это и есть оргия.

– Расслабься, Дерри. Ты просто нас сведешь, а сама можешь не участвовать.

– Не буду я вас сводить. Не хочу этого касаться.

– Мы и без нее обойдемся, – зашептала Джинкс.

Это был второй раз, когда она общалась с Беллой напрямую, без меня.

– Мы теперь можем выйти прямо на Салли, – продолжала Джинкс. – Дерри нам без надобности.

Белла заинтересовалась.

– Оно бы хорошо, да вот только Салли никогда...

– Салли одна, а нас – двое, – возразила Джинкс. – Может, такой случай больше не представится. Почему всегда нужно оглядываться на Салли?

– Ты права, – признала Белла. – Я еще столько всего не пробовала в жизни. Похоже, и не попробую, если буду рассуждать да колебаться.

– Белла, не смей, – вмешалась я. – Роджер говорил, что Салли должна быть осторожной. Ваша затея может все дело испортить. Слияние разрушится.

Джинкс захохотала, как кладбищенская ворона.

– К черту Салли, к черту слияние! Нам и так хорошо. Мы отлично жили, пока не появился этот слизняк Роджер.

Тут-то я и поняла, чего Джинкс на самом деле добивается. Играет на неудовлетворенности Беллы, а сама задумала испортить всю работу Роджера!

– Как мы будем это делать, Джинкс? – спросила Белла хриплым шепотом.

– Возьми вибратор. Салли спрятала его под электрогрелкой, в нижнем ящике комода.

Белла встала, выдвинула ящик, достала вибратор, проверила, не разрядилась ли батарейка. Все было в порядке.

– Работает. Что дальше, Джинкс?

– Дальше мы вызовем Салли.

– А ты разве умеешь?

– Салли тебя вечно задвигала. У нас полное право с ней поразвлечься.

Джинкс уселась перед трельяжем. В левой зеркальной створке отразилась обнаженная Белла.

В правой створке начало проступать бледное лицо Джинкс с резкими носогубными складками, с колючим взглядом. Черные волосы, казалось, шевелятся сами по себе – ни дать ни взять Горгона. И вот в центральном зеркале появилась Салли. Вид у нее был растерянный, будто ее среди ночи разбудили. Салли переводила взгляд с левой створки на правую, недоумевала, почему она голая и почему у нее запястья забинтованы; лепетала:

– Что случилось? Что происходит?

– Я устраиваю вечеринку, – пояснила Джинкс. – Ты тоже приглашена.

Салли узнала Беллу, но лицо Джинкс видела будто впервые.

– Чего вам надо?

– Мы хотим немножко развлечься, – отозвалась Белла.

– Ты стала сильнее, – произнесла Джинкс. – Тебе нечего бояться.

– Я спать хочу, – сказала Салли.

– А мы как раз в постельку лечь и собираемся, – пропела Белла. – Проведем ночь втроем. Помнишь, в детстве мы устраивали пижамные

вечеринки?

– Не знаю, что вы задумали, – произнесла Салли. – И знать не хочу. Убирайтесь туда, откуда явились, а меня оставьте в покое.

– Слышишь, Белла? Она хочет, чтоб ее в покое оставили, – усмехнулась Джинкс.

– Да у нее металл в голосе появился! Она задавакой сделалась, как Нола!

– Я – Салли, – отрезала Салли. – И ни с одной из вас я дела иметь не желаю. Убирайтесь.

– Так просто ты от нас не отвяжешься, – зашипела Джинкс.

– Не отвяжешься! – эхом отозвалась Белла.

Джинкс схватила вибратор, нажала на кнопку.

Раздался негромкий звук, вроде жужжания.

– Что ты делаешь? – резко спросила Салли.

– Мы принадлежим друг другу, – заговорила Джинкс. – Мы составляем одно целое. Мы вместе, и в то же время мы разделены. И в этом наше преимущество, ведь мы сами способны удовлетворять наши желания. Нам посторонние для этого не требуются.

Джинкс погладила Салли по ноге и скользнула выше.

– Перестань! – крикнула Салли.

Она хотела ударить Джинкс, но Белла вовремя схватила Салли за руку. Джинкс принялась ласкать ее пальцами. Движения были медленные, прикосновения – нежные.

– Не трогай меня, – просила Салли. – Я этой штукой не пользуюсь.

– А я вот пользуюсь, – заявила Белла. – Как только выдастся свободная минутка – сразу беру вибратор. Только знаешь, что? Втроем-то оно интереснее будет.

И Белла коснулась сосков Салли, предварительно посплюнув пальцы. Салли сопротивлялась, но недолго. Скоро ее дыхание стало тяжелым, резким. Веки затрепетали, взгляд затуманился. Меня охватил ужас. Я пыталась вырваться, но не смогла. Куда мне – одной против троих!

Джинкс взяла вибратор и применила его по назначению. Салли принялась изгибаться. Казалось, она одновременно сопротивляется насилию и жаждет более глубокого проникновения. От электрических разрядов по телу шла легкая дрожь. Губы дрожали, и говорить «нет» было все труднее. Белла своим накрашенным ртом приложилась к губам Салли. Джинкс нажала кнопку «интенсивный режим». Она орудовала вибратором, как каким-нибудь буром, и выплевывала в ухо Салли непристойности.

– Давай кончай, чертова сучка! Я же знаю – тебе только этого и надо. Давно пора было тебя поиметь. Ты много лет, чуть дело к сексу – пряталась за Беллой или за мной. Но теперь мы сообразим на троих. Мы устроим один большой полноценный трах.

Оргазм был такой интенсивный, что спина Салли выгнулась дугой. В следующую секунду Салли постиг провал.

Джинкс захохотала, как фурия, и скрылась. На постели лежала Белла, раздраженная, злая и удивленная. После такого секса она должна себя чувствовать прекрасно, так ведь? По крайней мере, испытывать удовлетворение. Между тем Беллу давило чувство вины. Она поднялась, достала из шкафа бутылку виски и сделала несколько больших глотков, думая: «Черт побери, что за день такой выдался! Все, что ни затею, какой-то фигней оборачивается».

– А все потому, что ты выбрала неправильный способ решить проблему.

– Кто это говорит?

– Ты чувствуешь вину, потому что сама знаешь, что поступаешь дурно.

– Это Джинкс придумала, а не я. Я не виновата.

– Перестань сваливать вину на других.

Больше всего в этом разговоре Беллу напрягало, что она не могла определить, мужчине или женщине принадлежит голос. Белла видела только бесформенную фигуру и размазанное светлое пятно на месте лица.

– Можно подумать, остальные не виноваты! – запальчиво возразила Белла.

– Вот сейчас ты виски пьешь. Зря. Важные решения следует принимать на свежую голову.

– Ты кто?

– Зачем спрашиваешь, если и так знаешь?

– Ты – внутренний помощник, да? Это про тебя Дерри говорила?

– Да, я – твой внутренний помощник. Ты должна подчиниться доктору Эшу. Согласись на слияние, чтобы то, что случилось сегодня в этой комнате, больше никогда не могло повториться.

– Может, Салли теперь не захочет сливаться. Может, она вообще обратно расщепилась.

– Нет, Салли в порядке. С моей помощью память ее полностью очистилась от сегодняшнего происшествия. Все спрятано глубоко в подсознании.

Белла полночи говорила с внутренним помощником и заснула, так и не приняв решения. Наутро она проснулась с таким жутким похмельем, какого

никогда еще не испытывала. Практически все воскресенье Белла провалялась в постели, охая, ругаясь и прижимая к голове пакет со льдом. Ближе к вечеру она решила, что не желает больше смотреть на мир заплывшими, налитыми кровью глазами.

– Эй, помощник! – простонала Белла, полумертвая от мигрени и тошноты. – Твоя взяла. Я согласна слиться. Но, если я от этого рехнусь – ты будешь отвечать.

* * *

В понедельник утром Салли, совершенно разбитая, поплелась на сеанс терапии. Роджер объяснил ей насчет выхода Беллы.

– Ничего не знаю, – прошептала Салли. – Я думала, что теперь себя контролирую.

– Как тогда вы объясните это безобразие в ресторане и бинты на запястьях? – возразил Роджер.

– Значит, тем более нельзя с Беллой связываться. Ее влияние и так достаточно велико.

– Не волнуйтесь насчет ее влияния. Когда вы сольетесь с альтером по имени Белла, вы и только вы будете ее контролировать. Вдобавок вы станете еще сильнее и, пожалуй, сможете противостоять Джинкс. Отдельно отмечу: сейчас ваша психика применяет обычный механизм самозащиты. Это вполне предсказуемо. Сначала – отрицание. Потом – сопротивление. Но мы движемся дальше, Салли.

– Почему бы не подождать немного? Еще и месяца не миновало после слияния с Нолой. Я только-только начала входить во вкус интеллектуальных изысков, а вы мне Беллу собираетесь подсунуть? Не рано ли?

– Вообще-то я так и планировал – еще месяц выждать. Надеялся, раз мы переросли суицидальные наклонности, значит, можно рискнуть – замедлить дальнейшее продвижение. Но вчера прорвались на поверхность ваши подавляемые агрессия и обида. Чтобы впредь их контролировать, вам нужны дополнительные силы. Поэтому я и предлагаю ускорить процесс. Я даже настаиваю на ускорении.

Салли долго молчала.

– Вы согласны на слияние с Беллой? – спросил Роджер.

Салли кивнула.

– Произнесите вслух. Ваше согласие должно быть искренним и

полным. Это не мне – это вам нужно.

– Я согласна на слияние с Беллой.

Роджер вызвал Беллу и спросил, подумала ли она и приняла ли решение. Белла сообщила, что советовалась со мной и с внутренним помощником и согласна слиться.

Роджер взял золотую ручку.

– Очень хорошо, Белла. Приступим. В зрительном зале гаснет свет. Шуршит, стремясь вверх, шелковый занавес. Когда вспыхнут огни рамп, вы на секунду ослепнете от их сияния, хотя твердо знаете: зрительный зал полон. Все ждут вашего появления. Вы станете одной из величайших актрис, но вам нужно сменить имя. Ваш сценический псевдоним будет Салли Портер. Больше никаких расщеплений. Ваш разум вернется в тот день, когда в школе шел спектакль «Белоснежка и семь гномов». То, что было отдельной Беллой, станет частью персонажа Салли в спектакле под названием «Жизнь».

Белла кивала. По ее спине бегали мурашки – те же самые, что посещали Беллу всякий раз перед выходом на сцену. Чуть холодило под ложечкой.

Зрители притихли. На всех лицах Белла читала ожидание захватывающего зрелища. Из кулис улыбался внутренний помощник.

– Когда я досчитаю до трех, вы откроете глаза. Вы ничего не запомните о сеансе, но будете твердо знать, что вы – Салли Портер. До скольких я намерен досчитать?

– До трех...

– Начнем. Один... два... три...

Она открыла глаза, часто заморгала, огляделась. Почему-то она была почти уверена, что обнаружит себя на сцене, залитой светом софитов. Однако она лежала на кушетке, а рядом сидел Роджер, выжидательно глядя на нее.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Роджер.

– Отлично. У меня приподнятое настроение.

Она вдруг поняла, что «приподнятое» – слово неподходящее. Она ощущала восторг, ей казалось, еще секунда – и она воспарит, подобно птице.

– Приподнятое настроение? Это хорошо. Можете поподробнее описать?

Она засмеялась и облизнула губы.

– Ощущение, как от зажигательного танца. Мне самой странно это говорить, я ведь никогда не танцую. Я не умею танцевать. Я неуклюжая и

начисто лишена чувства ритма.

– Скоро вы обнаружите, что отлично танцуете. Не удивляйтесь этому и не скрывайте свои способности.

– Раньше я о танцах и не думала. А теперь... – Она поднялась с кушетки и закружилась под музыку, что звучала в ее мозгу. – Не сводите меня как-нибудь в дансинг, а, Роджер?

– По-моему, идея неважная. В вашей жизни, Салли, происходит сейчас слишком много изменений. Лучше нам ограничить наши встречи этим кабинетом.

– Все потому, что я вам не нравлюсь как женщина. – Салли надула губки. Она хотела встречаться с Роджером и знала, что может его заполучить, если постарается.

– Вы ошибаетесь, Салли, – ответил Роджер.

– Знаете, я слышала, что некоторые психотерапевты встречаются с пациентами и вне кабинетных стен. Я с вами не заигрываю, Роджер, я не собираюсь вас соблазнять. Не волнуйтесь. Просто в таком состоянии мне нужен кто-то вроде дуэньи, а то я ведь могу и глупостей наделать.

– Так вы меня в дуэньи выбрали?

– Вы – самая подходящая кандидатура. Мы могли бы вместе поужинать, сходить в театр, потом – в дансинг. Мы бы расстались возле моего дома. Никаких «Загляните на чашечку кофе» и прочих уловок.

– И все-таки я против.

Салли прижала ладонь ко лбу.

– Что с вами?

– Мигрень начинается. Та самая.

Салли лгала. Голова у нее и не думала болеть, но теперь Салли знала, как вызвать сочувствие Роджера. Я уже собралась выйти и предупредить его, а потом решила: не стоит. В конце концов, он сотворил третью Салли – ему и последствия расхлебывать. Интересно, какие она уловки применит. Честное слово, я ничуть не ревновала. Вот если бы Салли всерьез надумала заняться Роджером, я бы вмешалась. Однако Салли просто решила отточить коготки – значит, пускай себе оттачивает на здоровье. Вдобавок теперь за ней присматривал внутренний помощник, я могла отдохнуть от обязанностей куратора. Третья Салли сияла. В лице была готовность к любым приключениям.

Я вздохнула с облегчением. Теперь, когда Белла успешно слилась, можно не опасаться проблем сексуального характера. Третья Салли способна контролировать свои инстинкты. Правда, я немножко жалела, что Беллы больше нет. Она была занятная, несмотря на все свои недостатки.

Мне будет не доставать Беллиного озорства и авантюр, в которые она всех нас втягивала. Но я не стала грустить. Дух Беллы, сказала я себе, жив. Он поселился в третьей Салли. Похоже на жизнь после смерти, правда? И все же на всякий случай я поискала Беллу. Нет, Беллы нигде не было. Зато характер Салли обогатился качествами Нолы и Беллы. Салли стала умной и сексуальной. Вернувшись домой, она долго с недоумением смотрела на вибратор, который валялся на кровати. Краснея и смеясь, Салли выбросила вибратор в мусорное ведро. Больше ей эта штукавина не понадобится.

Я позвала внутреннего помощника, но никто не откликнулся. Наверное, внутренний помощник еще не созрел до того, чтобы помочь МНЕ.

Часть четвертая

Глава 13

Две недели спустя Салли позвонила Роджеру и взмолилась:

– Я знаю, следующий сеанс только завтра, но пожалуйста, Роджер, давайте сегодня вечером куда-нибудь сходим. Мне необходимо общение с человеком, которому я доверяю. Я не делала глупостей, я контролировала себя, но неминуемо сорвусь, если сегодня не выйду развеяться.

Роджер думал довольно долго, наконец нажал кнопку внутренней связи.

– Мэгги, уточните, пожалуйста, есть у меня сегодня пациенты... Нет? Я так и думал. Отлично. Никого на вечер не записывайте. Мне нужно освободиться пораньше.

– Я буду готова к шести, – сказала Салли.

А я сразу решила: наедине с Роджером я Салли не оставлю. Пусть даже не надеется.

Они встретились. Салли долго колебалась между еврейским и французским ресторанами. Тогда Роджер предложил итальянский ресторанчик, где скатерти были в красно-белую клетку. Наверняка он это заведение выбрал в память о Белле. Оказалось очень романтично. Особенно трогательны были оплывшие свечи в бутылках из-под «кьянти».

Салли, впрочем, совсем не находила это романтичным. По ее мнению, свечи в бутылках «отдавали сентиментальщиной».

Я, как только эту мысль прочитала, прямо захотела Салли хорошенько стукнуть. Роджер старался, а она нос воротит, интеллектуалка недоделанная. Вот пусть только еще раз скривится – я ей устрою провал. Если что – Джинкс на помощь позову.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Роджер.

– Кошмарно. Меня мучает какая-то странная тревога. Будто я должна куда-то пойти, что-то сделать.

– Мы уже пошли. В ресторан. Сейчас будем ужинать.

Салли улыбнулась.

– Я о другом. Такое впечатление, что я должна предпринять нечто важное для своей дальнейшей жизни.

Говоря с Роджером, Салли так и стреляла глазами по сторонам – вдруг появится кто-нибудь помоложе да покрасивее? Словно Роджера и в помине не было за столиком. По-моему, так себя вести – по меньшей мере невежливо. Салли явно понабралась от Беллы плохого. Хитрить научилась.

После ужина Салли и Роджер пошли в театр. Давали мюзикл с грустной концовкой. Музыка была невыносимо красивая, я на месте Салли обязательно расплакалась бы от чувств. А эта язва только и делала, что анализировала качество постановки да хаяла певцов и танцоров. В конце концов я стала думать, что, раз мне мюзикл понравился, значит, у меня вкус плохой.

Поздно вечером Роджер проводил Салли до дома, а она возьми да шепни ему:

– Знаете, совсем не обязательно прощаться. Мы могли бы провести эту ночь вместе.

– Салли, а как же наш уговор?

Я ужасно обрадовалась, что Роджер так сказал. Если бы он повелся на эту дешевую уловку, я бы Джинкс на них натравила, честное слово. А так я еще больше заужала Роджера. Молодец! Не пытается уложить каждую доступную, острую на язык красотку! Понимает, что для Салли это просто игра, настоящих-то чувств она к нему не испытывает. Потому что не может. Со всем своим умом и со всей своей привлекательностью Салли не способна ни любить, ни ненавидеть, а значит, она – только часть человека. Притом, может, вовсе и не лучшая часть.

Но Салли решила так просто не сдаваться. Во-первых, заставила Роджера проводить ее до дверей квартиры. Во-вторых, затащила в квартиру, чтобы выпить на прощание и побыть с ней совсем чуть-чуть – а то она, мол, снова на улицу пойдет, более сговорчивых самцов искать.

– Ладно, Салли. Посижу с вами, так и быть. Недолго, – уступил Роджер.

Салли только того и надо было. Она мигом перестала играть в хорошую девочку, включила медлячок. Рассчитывала, что Роджер ее обнимет. Однако Роджер достал из кармана некий предмет, который я сначала приняла за портсигар.

– Сдается мне, Салли, что сегодня у вас будут сложности с засыпанием. На этот случай я кое-что прихватил. Это поможет вам расслабиться.

Салли выпучила глаза. Ей-то уже казалось, Роджер попался.

– Я не хочу расслабляться. Во всяком случае, с помощью таблеток. Есть и другие способы.

– Сегодня для вас другие способы под запретом, Салли.

– Ничего подобного. Я взрослая женщина. Имею право поискать себе партнера на ночь.

– Как лечащий врач я настоятельно рекомендую вам провести эту ночь

в благословенном одиночестве.

Салли почувствовала, как в груди нарастает ярость.

– Я вам не нравлюсь. Не возбуждаю вас. Сами не пользуетесь и другим не даете!

– Вы не правы. Я просто пытаюсь уберечь вас от вреда, который вы легко можете причинить себе на данной стадии лечения.

– По-моему, лечение пора прекратить. Я отлично себя чувствую.

– Нельзя останавливаться, Салли. Вы до сих пор не являетесь цельной личностью. Вы нестабильны. Вам нужно соблюдать осторожность, чтобы не разрушить уже созданное. Поверьте моему опыту – сейчас один необдуманный поступок способен вновь вас расщепить. И вся наша работа по слиянию пойдет насмарку.

– Что Роджер Эш соединил, того другой мужчина да не разделит?.. Вы себя господом богом возомнили?

Роджер извлек из «портсигара» шприц и ампулу с прозрачной жидкостью.

– Никаких инъекций! – взвизгнула Салли и выбила ампулу из рук Роджера. Ампула упала на пол. – Вы не имеете права выносить оценки моей нравственности.

Тогда Роджер достал из кармана золотую ручку.

– *Ему известно, что скрывает...*

– Нет! – завопила Салли, затыкая уши. – Не смейте меня гипнотизировать! Кто вы такой? Я вам не ребенок и не марионетка. Вы сами говорили, что я не сумасшедшая. И сами знаете, что поступаете неэтично.

У Роджера и челюсть отвисла.

– Вы решили применить гипноз, чтобы доминировать надо мной, – продолжала Салли. – Ну и чем вы лучше Свенгали?^[29] Хотите сделать меня безвольной игрушкой? Вы и со своей женой это практиковали, да? Поэтому она повесилась?

Роджер побагровел и спрятал ручку в карман.

– Простите. Я действительно не имею права контролировать вас, по крайней мере пока ваше поведение не грозит вам самой.

– Нет, это вы меня простите. Я наговорила непозволительных вещей. Только сами подумайте, Роджер: если я не имею права делать, что вздумается, значит, я – ваша пленница. А вы ведь не этого терапией добивались, не так ли?

Он поднялся.

– Я, пожалуй, пойду.

Салли положила руку ему на плечо.

– Несмотря ни на что, я бы хотела, чтобы вы остались.

Роджер взял куртку, направился в двери. На пороге оглянулся и произнес:

– Только обещайте, что не причините себе вреда.

– Обещаю. Я не умереть сейчас хочу, а жить максимально полной жизнью. Как свободная личность, у которой есть право выбора.

– Доброй ночи, Салли. Увидимся завтра на сеансе терапии.

Он ушел. Салли довольно долго стояла в прихожей, не зная, что ей теперь делать, такой свободной, такой с правом выбора. Внутренний голос нашептывал, что неплохо бы приготовить попкорн и посмотреть ночное шоу. Или дочитать «Моби Дика». Салли поморщилась. Нет, ей хотелось совсем другого.

Отлично зная, что следует лечь спать, она продолжала ходить из комнаты в комнату. Ее тянуло на приключения; в то же время Салли понимала: от шатания по пустынным улицам одиночество только усугубится, тоска усилится. «Ну а если нет? – думала Салли. – Вдруг я встречу мужчину всей моей жизни? Именно сегодня? Может, его каким-то чудом занесет в мой квартал?» Ох уж эта необходимость принимать решения! Никогда раньше Салли так не маялась. Она сняла телефонную трубку, стала набирать номер Элиота. Бросила на середине. Вместо Элиота она позвонила Тодду. Едва он сказал «Алло», Салли дала отбой.

В конце концов, выругавшись, она схватила пальто и сумочку и почти бегом спустилась по лестнице. Начинался дождь. Салли шмыгнула под маркизу, прикрывавшую вход в ателье мистера Гринберга, нашарила в сумочке непромокаемый шарф-капюшон, надела его, глядясь в витрину, как в зеркало. Мерфи был на своем месте. Интересно, куда делась полицейская дубинка? Правую руку Мерфи кто-то повернул так, что манекен стал показывать всему миру неприличный жест. Неужели сам мистер Гринберг на старости лет вздумал хулиганить? И вообще, что за дурацкая идея – наряжать манекен в полицейскую форму! Можно подумать, это остановит воров!

Салли начала ловить такси, но тут подкатил автобус. Глупо транжирить деньги, когда есть общественный транспорт, решила Салли. Она доехала до Третьей авеню и пошла пешком. Ее волновало оживление на улице. Салли удивлялась самой себе – как она рискует, гуляя одна по ночному городу! Она гордилась собой и была готова к любым приключениям. Молодец, что не осталась дома! Вот-вот встретится человек, который перевернет всю ее жизнь. Это как переключение

скоростей. Щелк – и все пойдет по-новому. Глупо? Неправильно? Аморально? Кому какое дело!

Из бара доносилась музыка. Салли подняла голову, прочла название: «Шандигафф». Заинтересовалась происхождением слова. Надо будет на досуге полистать этимологический словарь. А пока что стоит войти в бар. На нее сразу устремились несколько пар несытых мужских глаз. Народу было – не протолкнуться. Тем лучше. Салли пробралась к барной стойке, уселась на высокий табурет, заказала виски. Но почти в ту же минуту сзади возник какой-то тип, и Салли напряглась. Кулаки сжались сами собой.

– Привет! Скупаешь в одиночестве? Давай я тебя угощу чем-нибудь бодрящим.

Парень был недурен собой. Густые чистые волосы, свежий пуловер.

Салли хотела сказать «Давай», однако поймала себя на том, что отрицательно качает головой. Парень мигом испарился. Что с ней происходит? Чего ей нужно? Салли полезла в сумочку за сигаретами, но почему-то не обнаружила их. Салли хотелось закурить, и в то же время ее мутило от сигаретного дыма, которым был пропитан воздух. Раньше Салли спокойно реагировала на такие пустяки, а сейчас ей стало дурно. Не означает ли это, что пора завязывать с курением? Она в два глотка выпила виски, расплатилась и пулей выскочила на улицу. Как хорошо, что воздух освежен сентябрьским дождиком!.. Салли прислонилась к стене, задышала глубоко и часто.

Поди теперь разбери, курила она раньше или не курила? Салли шла по улице, то и дело встряхивая головой. Поистине, неразрешимая загадка. Ей попался букинистический магазин. За витриной маячили человеческие фигуры, перебирали книги на столах. Салли открыла дверь и шагнула прямо к столу, где были разложены книги по доллару за штуку. Взгляд упал на красочное издание «Домашние заготовки». Салли взяла книгу, полистала, отложила. Как странно! Еще недавно кулинарные книги были ее любимым чтением. Но сейчас Салли меньше всего хотелось заниматься стряпней. «Бюджетные рестораны Нью-Йорка» – вот это актуально. Салли потянулась за «Бюджетными ресторанами», когда ее внимание привлекла красная, полинявшая от времени запыленная обложка. «Сексуальное сознание свободной женщины». Салли хотела взять эту книгу, но рука замерла над ней, как скованная параличом. Рядом, к счастью, лежала «История авангардного кино». Салли ловко задвинула «Сексуальное сознание» под «Авангардное кино» и трясущимися руками взяла разом обе книги. Принялась листать, чувствуя, что краснеет. Вспомнилось, как Ларри показывал ей порнографические открытки, предлагал попробовать ту или

иную позу, сделать то-то и то-то. Салли возмущалась, плакала, разбрасывала открытки на постели. Извращенец, кричала она мужу. Сейчас, при виде практически таких же изображений, Салли чувствовала, как набухают и твердеют соски, как сохнут губы. Мерзость, думала она, продолжая завороченно смотреть. Если и заниматься таким, то только с незнакомцем, решила Салли. Чтобы сначала позволить себе и ему все, а потом уйти, не спросив имени, не назвав себя, и никогда больше с ним не встречаться. Потому что разве можно смотреть ему в глаза после таких вывертов? Интересно, а на исповеди Салли созналась бы в этом грехе?

Она ощутила пристальный взгляд. На нее смотрел пожилой мужчина.

– Похоже, книжка занимательная, – сказал он, беря второй экземпляр в полинялой красной обложке.

Принялся листать, косясь на Салли, будто представляя именно ее в соответствующих позах.

– Знаете, деточка, я бы немало заплатил женщине со свободным сексуальным сознанием.

Старик смотрел теперь прямо Салли в лицо, оглаживая свой живот.

– Женщина, которая не прочь потешить пожилого джентльмена, вправе сама называть цену. Денежки у меня водятся, даже не сомневайтесь.

Салли стало смешно.

– Дедуля, ваше сердце такого напряжения не выдержит.

– Это ли не лучший способ отойти в мир иной? – философски заметил старик.

– Пожалуй, – кивнула Салли. – Но, согласитесь, женщине не очень-то приятно оказаться в постели с покойником.

Она положила на стол обе книги и, смеясь, вышла на улицу. Подставила дождю лицо. Казалось, еще секунда – и произойдет нечто важное. Она продолжала смеяться, потому что не чувствовала ни намека на головную боль. В прежние времена любое заигрывание вызывало мигрень, а сейчас – нет. Добрый знак. Салли определенно идет на поправку. Надо будет рассказать Роджеру.

Теперь уж точно следовало вернуться домой, пока и впрямь ничего не случилось. Внезапно Салли постиг эмоциональный спад. Какой смысл в слиянии, если оно несет неспособность сделать элементарный выбор? Ведь и речи не шло о том, что Салли станет до смешного нерешительной. Чем так жить, лучше покончить со всем разом. Броситься под машину. Прямо сейчас. Вот и решение. Вот и конец мучениям. Салли вздрогнула. Нет! Она дала письменное обещание не предпринимать попыток суицида... Черта с два! Это была не она. Это было где-то в другом месте, далеко-далеко от

Нью-Йорка. И вообще, той женщины больше не существует.

В следующий миг Салли разозлилась. Нельзя нюни распускать. Больше никакой жалости к себе! Она намерена развлечься. А если ей взбредет покончить с собой, у нее есть право и на это. Тело принадлежит ей, разум принадлежит ей, жизнь принадлежит ей, она вольна сама распоряжаться и тем, и другим, и третьим.

Салли поравнялась с магазином спиртных напитков – и вдруг кое-что вспомнила. Взглянула на часы – без пяти минут полночь. Спросила прохожего, какой сегодня день недели. Тот удивился, но ответил:

– Пятница.

Ну конечно. Профессор Кирк Сильвермен по пятницам устраивает вечеринки. Он приглашал Салли. То есть Нолу. Какая разница! Вот что ей нужно. Вечеринка в профессорской квартире, сборище фриков, высоколобых и не очень. Говорят, у Кирка можно и косячок выкурить за беседой о прекрасном. Пожалуй, именно такое времяпровождение и показано сейчас Салли. Каждого гостя Кирк просит принести бутылочку вина. Салли вошла в магазин, купила «Шабли». Сквозь стеклянную дверь увидела подъезжающее такси, рванулась на улицу, замахала.

– С ума сошла! – обругал ей таксист. – Куда под колеса?! Самоубийца!

– Уже нет, – засмеялась Салли, садясь в машину. – Перекресток Второй авеню с Бликер-стрит, пожалуйста.

Она откинулась на сиденье, очень довольная, что придумала, как убить вечер, себя оставив в живых.

* * *

Пришлось подниматься по темной лестнице аж на пятый этаж, Салли изрядно запыхалась. Профессорская дверь была вся облупленная. Судя по трещинам возле замка, его не один раз взламывали. Новый замок поблескивал в полумраке. Салли позвонила. Через несколько секунд мигнул дверной глазок, почти сразу послышался скрежет цепочки. Дверь распахнулась. Профессор Кирк Сильвермен вытаращился на Салли сквозь толстые линзы очков.

– Лапуля Нола! Что за приятный сюрприз! Наконец-то ты удостоила посещением мое скромное жилище.

На профессоре были джинсы-клеш и белый пуловер с узором из толстых кос.

– Мне что-то взгрустнулось, и я вспомнила про вечеринку. Подумала,

надо заглянуть. Я ведь обещала.

– «...Но обещаниям верна / Душа, и много миль до сна, / И много миль еще до сна»^[30], – процитировал Кирк, обнимая Салли за талию и увлекая в длинный и тесный холл. Из комнаты доносился разговор, заглушаемый гулом аутентичных барабанов.

– У нас, лапуля Нола, нынче крайне разношерстная компания, – мурлыкал профессор. – Надеюсь, отдельных персонажей ты найдешь занятыми. Сейчас я тебя представлю кое-кому.

– Кирк, это может показаться странным, но только я больше не Нола. Не называй меня Нолой.

Профессор округлил глаза.

– Ты сменила имя? Как же тебя теперь называть?

– Нет, не сменила. Нола – это прозвище, я пользовалась им временно. Сейчас в моей жизни некоторые перемены, так что называй меня настоящим именем – Салли. Или, если угодно – лапулей Салли.

– Как странно. По-моему, Салли – слишком простенько для такой личности, как ты. Имя Нола подходит тебе куда больше. Впрочем, как скажешь. Что значит имя? Салли так Салли. Лапуля Салли. Стало быть, рвешь с прошлым? Занятно, занятно. Может, в твоём ближайшем будущем найдется местечко для низенького близорукого профессора-экономиста?

– Почему бы и нет? – хохотнула Салли. – Ты же у нас плюшка-душка.

Кирк смотрел с подозрением, глаза казались мутными из-за слишком толстых линз.

– А ты изменилась, лапуля Салли. Голос другой. И держишься иначе. Смех у тебя теперь такой... волнующий. Ты прямо-таки излучаешь магнетизм.

– Пари держу, по пятницам ты это всем одиноким девушкам говоришь.

– Нет, не всем. Лишь тем, с которыми ощущаю духовное родство. В тебе, Нола – то есть Салли, – появилось нечто меня смущающее. Раньше ты казалась таким непробиваемым оплотом эрудиции. Сегодня твоя броня дала трещину, и я даже своими близорукими глазами различаю нежнейшую, ранимую плоть. Знаешь ли ты, Салли, что я владею техникой особого, расслабляющего массажа? Мне дано растопить ледяную броню. Я способен подарить тебе неведомое прежде блаженство.

Салли хотела отшутиться, но Кирк, наверное, уловил ее отвращение. Он попятился, отдернул занавеску из бусин, которая отделяла кухню от переполненной людьми гостиной.

– Про массаж потом поговорим, – выдал Кирк совсем другим тоном. – Приятного вечера, лапуля Салли. Вот, познакомься, – Эйлин. Эйлин пишет

восхитительные эротические стихи.

Эйлин смерила Салли враждебным, леденящим взглядом, процедила «Очень приятно» и отошла якобы за вином. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что почти все гости Кирка разбиты на парочки. Они сидели на всех подходящих для этого поверхностях, целовались, обнимались, шептались. В дальнем углу чернокожий, голый до пояса парень негромко постукивал удлинёнными ладонями по барабанам бонго, а на полу напротив парня качались в такт несколько весьма зрелых женщин.

Салли выпила бокал вина, затем второй, затем третий. После третьего и запах марихуаны, и гул бонго стали ей куда приятнее. Салли захотелось раздеться догола и танцевать с чернокожим парнем. Представилось, что они с ним вдвоем в джунглях: танцуют, кусаются, спариваются. Салли мысленно одернула себя: «Да я, оказывается, расистка!»

В полумраке она различила знакомое лицо. Сара Коломбо сидела на кушетке с каким-то мужчиной. Мужчина держал руку у нее между ног. По непонятной причине Салли разозлилась. Ей вспомнился обмен женами, уверения Ларри: мол, нет ничего плохого в том, чтобы ублажать босса своего мужа – ведь этим послушная жена помогает мужу строить карьеру. Салли скривилась от одной мысли. Как она упиралась в тот вечер, в гостях у менеджера по продажам! Ларри куда-то исчез вместе с женой хозяина дома. Салли выпила слишком много вина, менеджер по продажам увлек ее на диван, стал щупать, а она, не успев дать ему по рукам, отключилась и больше ничего не помнила.

А теперь вот память к ней вернулась. Занавес амнезии раздвинулся, и Салли как наяву увидела себя: изнывающую от страсти, бурно реагирующую на ласки мужнина босса. Она гнала эти картины, но память не щадила Салли, каждый следующий кадр был четче и детальнее предыдущего. Салли будто вспоминала сон. Сгорая от стыда, она почему-то идентифицировала себя с Сарой Коломбо. Это ее, а не Сару, ласкал сейчас у всех на виду неизвестный мужчина, это ей в трусы лезли его вялые пальцы.

Боже, что с ней произошло? Неужели она стала такой распутной? Салли никогда ничем подобным не занималась. Откуда же столь четкие воспоминания? «Это не про меня, – твердила себе Салли. – Это не мои воспоминания. Не знаю, чьи, но точно не мои».

Она выпила еще бокал вина и стала подумывать, не провести ли ночь с Кирком Сильверменом. Протянула руку за пятым бокалом.

Тут-то я ее и подловила.

Пока Салли пьяна, решила я, неплохо бы выйти малость поразмяться.

Джинкс тоже рвалась на волю, но я сказала: нетушки, сейчас моя очередь. Напомнила ей про сцену с вибратором. Про то, как она чуть нас всех не погубила. Посидишь пока взаперти, дорогуша. Короче, я собрала все силы – и Джинкс пришлось отступить.

Я проскользнула на кухню и основательно закусила. Калории подсчитывать не стала. Имею я право оторваться? Имею. Значит – да здравствуют пиво и сыр. Мне усиленно строил глазки симпатичный парень с бритой головой и сережкой в ухе. Вот когда я порадовалась, что Беллы больше нет. Белла непременно связалась бы с бритоголовым, я же его игнорировала. В конце концов парень переключился на женщину с распущенными волосами длиной аж до попы. С ней он и вышел.

Не подумайте, я не алкоголичка какая-нибудь. Но иногда градус не помешает. От спиртного настроение поднимается, на подвиги тянет. Можно такое учудить, на что по трезвянке не решишься. В общем, я раздухарилась, стала вступать в разговоры. Кирк не сводил с меня глаз.

– Салли, весело тебе, лапуля?

Я хотела было сказать, чтоб называл меня Дерри. Потом передумала: хватит с профессора заморочек с именами.

– Очень весело! Веселее не бывает. У тебя прекрасная квартира и прекрасные друзья. Для меня большая честь быть в обществе таких интеллиг... интеллиг... – Тут меня постигла икота.

– Пойдем ко мне в кабинет, Салли. Здесь, в гостиной, слишком шумно. Просто невозможно разговаривать.

Я сразу просекла: профессор меня не для разговоров зовет, у него другое на уме. Но я пошла, потому что пожалела его – такой он был низенький, такой очкастый, глаза грустные. В профессорском кабинете стоял диван, как я и ожидала. А вот чего я не ожидала, так это увидеть странную штуковину, вроде телефонной будки. «Будка» помещалась прямо посреди комнаты и была обита железом.

– Это у тебя такой телефон?

– Нет, это не телефон. Неужели ты никогда не видела подобных устройств?

– Не видела. Может, это современная скульптура?

– Это, лапуля Салли, оргонный аккумулятор.

– Не знала, что ты еще и органист. Там педали внутри, да? Играй, Кирк, а я спою.

– Какая ты шутница, Салли. Ловко притворяешься. Быть не может, чтобы ты не слыхала об учении Вильгельма Райха, который открыл оргоническую энергию.

– Как же, знаю. Про это еще в «Камасутре» написано. Энергия, чтоб оргазм получить.

Кирк вытаращил глаза.

– Салли, а ты изменилась. Час назад ты была совсем другая. Теперь у тебя даже голос иначе звучит.

– Это от вина. Алкоголь на всех по-разному действует.

– Нет, лапуля Салли, вино тут ни при чем. У тебя теперь совсем другая аура. Ты излучаешь особое тепло. Я буквально вижу исходящие от тебя дивные лавандовые волны. Так и хочется плыть по этим волнам, нежиться в них.

– Да ты художник, Кирк.

– Я очень рад, что ты пришла сегодня. Я часто о тебе думал.

– Расскажи-ка лучше про эту свою орегонскую будку. Ее ведь в Орегоне изобрели, насколько я поняла? Как она действует?

– Великий Вильгельм Райх нашел способ показать нам, что энергия либидо проникает все вокруг и влияет на эмоции. Назначение оргонного аккумулятора – помочь человеку сконцентрироваться на своей сексуальной силе.

– Да ладно!

– Войдем внутрь вместе, Салли. Сольемся в экстазе.

Нормально или как? Я говорю:

– Неслабый гаджет, особенно для профессора-экономиста.

А он:

– Ах, Салли! Поневоле прибегнешь к помощи гаджетов, когда ежедневно в зеркале видишь нечто округлое, низкорослое и очкастое. Как иначе привлечь девушку? Не брезгуй сомнительной внешностью, Салли. Поверь, я владею большим арсеналом приемов, которые способны разжечь в женщине истинную страсть. Ты не будешь разочарована. Я влюблен в тебя, Салли. Тыводишь меня с ума. Я хочу обнять тебя, я хочу...

– Ты собирался объяснить, как работает орегонский оргазмический орган.

– Это приспособление, Салли, фокусирует оргонную энергию до тех пор, пока ее концентрация в теле не достигнет критической массы. Применяя терминологию создателей водородной бомбы, происходит фьюжн, или слияние. Затем следует сексуальный взрыв, вызывающий целую серию оргазмов. Такого ни с одним самцом не испытает.

– Зря я спросила.

– Давай разделим это блаженство, Салли.

Он облапил меня и затащил в будку. Мы буквально терлись о стенки,

потому что профессорское брюхо занимало добрую половину узкого пространства. С неожиданной ловкостью Кирк обхватил ногами мою ногу и полез куда не надо.

– Прекрати, Кирк!

– Оргонная энергия уже начала фокусироваться. Еще немного...

Он терся о мою ногу, как жирный, слюнявый, щекастый мопс. Я дрыгала ногой, пытаюсь стряхнуть его, но стряхивать-то было некуда – Кирк успел закрыть дверцу будки. Вот влипла так влипла! Можно было, конечно, плюнуть и успокоиться – пускай себе толстый очкарик фокусирует эту свою энергию. Однако мне пришли на ум слова «взрыв» и «водородная бомба». Кто его знает, этого Райха – может, он сваял какое-то хитроумное орудие самоубийства. Нет, надо выбиратья подобру-поздорову!

Не успела я так подумать, как Джинкс двинула меня локтем и вырвалась. Лягнула Кирка свободной ногой, и он с треском вылетел из орегонского органа. Джинкс выскочила сама и с грохотом повалила будку набок.

– Зачем так грубо, Салли? – плачущим голосом спросил Кирк. В его круглых мутных глазах стояли слезы.

– Скажи спасибо, что я тебе яйца не оторвала, недоделок.

Кирк открывал и закрывал рот, как рыба, вытащенная из воды. Нетрудно было прочесть его мысли. Джинкс вылетела из кабинета, ураганом пронеслась через гостиную, заставив тех, кто еще был в сознании, выпучить глаза. Уж конечно, лапуля Салли теперь нескоро получит приглашение на пятничную вечеринку!

* * *

На лестнице Джинкс не один раз была близка к падению, выручали тесные стены. Она вырвалась на улицу и огляделась. Обнаружив, что находится на перекрестке Второй авеню и Бликер-стрит, Джинкс хотела было поймать такси, затем передумала и пошла по тротуару, дергая дверцы припаркованных машин. Вдруг какой-нибудь лох не запер свое железное сокровище? Доступная машина обнаружилась возле театра «Астор-плейс». Чтобы завести мотор, понадобились считанные секунды. Джинкс рванула от бровки тротуара.

Я отлично знала, что у нее на уме. Мы с Джинкс не раз обсуждали слияние, и она всегда говорила, что слить себя не позволит: «Замочу

паршивца врача».

Я давно усвоила: Джинкс не разбрасывается обещаниями, в которых есть слово «замочу». Сейчас она спешила к дому Салли, намереваясь достать из тайника револьвер. Джинкс задумала дотянуть до девяти утра. На девять был назначен сеанс психотерапии. Она войдет в кабинет к Роджеру под видом Салли, пряча револьвер в сумочке, и покончит с проклятым докторишкой. Я изо всех сил пыталась задвинуть Джинкс, но вырваться не было ни малейшей возможности. Джинкс твердо решила не сдавать позиций.

Всю дорогу она думала о револьвере. Дисциплинированно тормозила на красный свет, не желая попасться по-глупому, не выполнив того, что замыслила. В последнее время, отметила Джинкс, вырваться стало очень трудно. Тем более надо ловить каждый момент. Она сбавила скорость и поехала медленно, как и положено в городе.

Хотя я не оставляла попыток выбраться наружу, все было бесполезно. Напускать на Джинкс мигрень тоже не имело смысла – Джинкс нечувствительна к боли. Оставалось ждать, пока она выдохнется, но для этого ей надо излить на кого-нибудь всю свою ярость. Однако и Джинкс кое-что про себя знала. Она не давала воли гневу. Она копила зло на Роджера. Тогда я завела с Джинкс беседу. Может, получится убедить ее. Оттого ли, что Джинкс сдерживала эмоции, или оттого, что ей всегда была по вкусу холодная и сырая погода, но только она вступила в разговор.

– Джинкс, поедem домой, а? Ляжем спать...

– Выплюсь, когда прикончу мерзавца Эша.

– Чем он тебе не угодил?

– Он такой же, как остальные самцы. Выродок. Ублюдок. Извращенец. Он хочет уничтожить тебя и меня, как уже уничтожил Беллу с Нолой. А знаешь для чего? Знаешь, что он сделает потом? Смешает нас всех в одном флаконе и начнет пользоваться.

– Я была бы только рада.

– А я не позволю, чтобы еще хоть один кобель ко мне прикоснулся.

– Роджер – не кобель и не извращенец. Он добрый. Белла сколько его соблазняла, и третья Салли тоже – а он как кремень. Сама подумай! Это же доказательство, что он – не такой, как другие.

– Это доказательство, что он *хитрее* других. Он хочет поиметь вас всех скопом. Сейчас он охотится за тобой. Вот, думает, солью Дерри – тогда и устроим оргию. Только я этого не допущу. Я своей свободой ради Салли не пожертвую.

– Это плохо кончится.

– В жизни всегда все плохо кончается.
– Послушай, Джинкс. Мне очень-очень нравится Роджер.
– Твои проблемы, Дерри.
– Не только мои, но и твои. Без моей поддержки ты останешься совсем одна. Ты не представляешь, чем занимается и о чем думает Салли. Допустим, сейчас ты научилась с ней связываться, но все равно ты не помнишь толком, что бывает, когда ты выходишь из мрака. Знаешь, что с тобой сделают, если ты убьешь Роджера?

– Я не боюсь смерти.
– В том-то и дело. Тебя не убьют. Тебя поймают, наденут на тебя смирительную рубашку, привяжут к койке и запрут. Кормить будут через капельницу. Ты о такой свободе мечтаешь? Тебе только и останется, что головой своей бесчувственной о койку биться.

Джинкс напряглась. С воображением у нее полный порядок, уж я-то знаю. Она живо представила себя в психушке, разъярилась еще больше и вытолкала меня в шею. И нажала на газ. Все, думаю, теперь она нас точно угробит.

Через несколько минут мне снова удалось до нее достучаться.
– Почему ты так ненавидишь мужчин?
– Потому что эти гады обещания нарушают.
– Кто конкретно тебе что-то обещал и не выполнил?
Я знала, кого Джинкс имеет в виду, но мне нужно было занимать ее разговором. Может, Джинкс зазевается – тогда я выйду из мрака.
– Ларри, конечно, кто ж еще!
– Ларри был женат на Салли, а не на тебе.
– Да? А ты уверена?
– Ты о чем?
– Ларри, бывало, просил Салли высечь его, а эта овца только нюни распускала.

– Подумаешь... Я и забыла совсем. Этакая мелочь. Вообще не люблю извращений в постели.

– Мне было хорошо с Ларри, а ему – со мной. Он единственный из всех мужчин мне нравился. Он говорил, что любит меня. Что никогда не любил других женщин. Именно мне Ларри подарил брошь – серебряную летучую рыбку.

– Ну и что?
– А то, что он мне с другими женщинами изменял.
Джинкс проскочила на красный свет.
– Что ты несешь! Он Салли изменял, а не тебе. Он вообще не знал про

тебя. Думал, у Салли резкая смена настроений.

– Я считала, что мы не просто любовники. Я доверяла Ларри. А потом я узнала, что периодически с ним трахается Белла и что он на самом деле любит Беллу, а не меня. Вот когда мне стало больно! Очень, очень больно.

– Ты же боли не чувствуешь.

– Дерри, что бы ты в боли понимала!.. Верно, когда меня бьют, колют, режут, жгут – я ничего не чувствую. Но в моем сердце боли хватит на десятерых. Все, что вы четверо прощаете, я ношу в себе. Боль накапливается. Чуть легче становится, только если причинить боль другим. В ответ. Когда Ларри затеял обмен женами, я страдала невыносимо. Слов не хватит, чтобы описать мои мучения.

Джинкс говорила правду. Я отлично знала, как сильно ранит ее каждая обида. За все годы совместного существования, кажется, ни единой минуты Джинкс не была спокойна, а тем более – счастлива. Боль разъедала ее изнутри. Конечно, несправедливо, что Джинкс так страдает, в то время как я всегда довольна и наслаждаюсь жизнью. На следующем светофоре Джинкс притормозила, не убирая ладони с рукоятки передач; едва загорелся зеленый, как она рванула с места.

– Я тебе очень сочувствую, Джинкс. Жаль, что мне не дано меняться с тобой местами, брать часть боли на себя и делиться с тобой радостью.

– Заткнись. Мне твоя слюнявая жалость не нужна.

– А ты не такая плохая, как о тебе думают. Ты причиняешь другим боль, потому что страдаешь сама. Но пойми, Джинкс: если ты убьешь Роджера, твои страдания от этого не уменьшатся.

– А ты почему знаешь? Может, если Эш будет мертв, Салли снова расщепится, Нола с Беллой вернутся, и все пойдет по-прежнему.

– Не вернутся, не надейся. Их больше нет. Я все обыскала. Они пропали навсегда.

– Куда они могли деться?

– Наверное, они сейчас за радугой.

– Где-где?

– Ты что, «Волшебника страны Оз» не смотрела? Песню Джуди Гарленд не помнишь – «За цветною дугой мир таится другой»? Мне всегда казалось, за радугой живет волшебник. Каждой из нас он поможет получить недостающее качество. Мне даже снится, что девочка Дороти – это я, и у меня рубиновые башмачки, только вместо песика – кошечка, Синдерелла. Мы, все пятеро, идем искать Изумрудный город.

– Ну ты и дууура! – протянула Джинкс.

– Ничего не дура. Просто помечтать люблю, что есть такое место, где я

стану настоящей и у меня появится любимый человек. Кстати, что случилось с Синдереллой?

– Она сдохла, и тебе это отлично известно, – прошипела Джинкс.

– У каждой кошки девять жизней.

– Говорю тебе – кошка сдохла, хвост облез.

– У нее еще восемь жизней осталось. Я когда-нибудь найду мою Синдереллу.

Несколько минут мы ехали молча. Мысли Джинкс вертелись вокруг револьвера, я ломала голову, как отвлечь ее от убийства. Надо было потянуть время.

– Джинкс, ты ведь не пойдешь откапывать пушку в новом платье Салли? Вдруг ты его запачкаешь?

– Плевать, – отрезала Джинкс.

Она бросила краденую машину в квартале от дома Салли и почти бегом побежала во двор. Было пять утра.

Револьвер оказался на месте. Я кляла себя за то, что не выкопала его еще тогда, не выбросила в реку. Сколько проблем сразу решилось бы!

– Джинкс, осторожнее! Не запачкай платье Салли! – канючила я.

– Отстань! – рявкнула Джинкс. – Вот тебе платье! – И она обтерла о подол грязные ладони. – А еще вякать будешь – я это гребаное платье в клочки порву.

Ну слава богу! Теперь Джинкс волей-неволей придется идти переодеваться. В квартире я предложила ей выпить. Джинкс отказалась. Она села перед окном, уставилась на улицу. Занималась заря, очень-очень красивая. В половине восьмого Джинкс полезла в платяной шкаф. Я была почти уверена, что она напялит свой любимый черный брючный костюм. Так и вышло. И летучую рыбу приколола. Уже хорошо. По крайней мере, теперь Мэгги и Роджер сразу поймут, что перед ними – не Салли и не я.

Джинкс хотела было ехать к Роджеру на угнанной машине, однако пораскинула мозгами и решила взять такси. Пожалуй, хозяин машины уже заявил в полицию. Я помалкивала, надеялась, что Джинкс про меня забыла. Может, получится застать ее врасплох. Снова и снова я предпринимала попытки выйти из мрака, но все пространство заполняла ненависть Джинкс, пробиться через которую мне так и не удалось.

Хоть бы заставить Джинкс позвонить Роджеру! Уж я бы сумела намекнуть ему на опасность. Но Джинкс, видимо, об этом подумала заранее.

Если она убьет Роджера, Салли расщепится, и тогда Нола покончит с собой. И с нами заодно. Не сказать ли об этом Джинкс? Лучше не надо: ей

ведь все равно, будем мы жить или умрем. Если же погибнет Роджер, то и мне жизнь станет не дорога. Как ни крути, а нам всем конец. И виновата я. Если бы я не вылезла на вечеринке у Кирка, Джинкс тоже оставалась бы во мраке.

Вот она вошла в лифт. Вот открыла дверь приемной. Сказала Мэгги, что ей назначено на девять. Мэгги переменилась в лице – сообразила, кто к ним пожаловал. Мэгги и Роджер давно знали, что только Джинкс носит черное. И о брошке им было известно. Иными словами, они поймут, что опасность близка. Мэгги взяла себя в руки, позвонила Роджеру по внутреннему телефону и сказала, что его хочет видеть Салли Портер. Я пыталась крикнуть: «Никакая не Салли! Это Джинкс! Она пришла убивать!» Крик не получился. Я больше не контролировала ни руки, и ноги, ни голос. Я могла только беспомощно наблюдать.

Джинкс шагнула в кабинет Роджера.

Он мигом среагировал на черный костюм и на брошь. По его укоризненному взгляду Джинкс в глаза я поняла: он обо всем догадался. Только про револьвер в сумочке Роджер знать не мог. Я стала толкать Джинкс под руку, чтобы она выронила сумочку, чтобы револьвер тяжело грохнулся на пол. Ничего не получалось. Я была бесплотным духом, пассивным наблюдателем.

– Проходите и садитесь, – сказал Роджер.

Джинкс проигнорировала стул, на который указал ей Роджер, и уселась прямо напротив него, к столу. Сумку она держала на коленях. Убивать Роджера сразу ей не хотелось. Сначала она поиграет с ним, как кошка с мышью. Приятно будет увидеть изумление на его лице. Изумление, а потом и ужас.

– Как дела? – спросил Роджер.

Джинкс щелкнула замком сумочки.

– Я рад, что вы решили заглянуть и поговорить со мной, Джинкс, – продолжал Роджер. – Я много думал о вас.

Такого скорого разоблачения Джинкс никак не ожидала. Решила больше не притворяться.

– Я тебе не верю. Тебе на меня плевать. Я знаю, какую ты пакость затеял.

– И какую же?

– Зачем говорить? Ты все равно отмажешься. У тебя язык подвешен, слова плести ты хорошо насобачился.

– Дайте мне шанс, Джинкс. Скажите, что думаете, а я скажу, правы вы или нет.

– Ладно, скажу. Ты решил слить Дерри и сваять четвертую Салли. Тогда я буду навсегда заперта, никогда на свет не выйду. Я буду словно потерянная душа некрещеного младенца. Где такие души свой век влачат?

– В чистилище.

– Вот именно. Когда Салли станет сильной, я окажусь заперта до скончания времен. Думаешь, я это допущу?

– Послушайте, Джинкс, мы еще не определились насчет вас. Мы ничего конкретного не планировали. Я прикидывал, не сделать ли вас частью пятой Салли. Вы мне верите?

– Нет, конечно. И никогда не поверю. Ты меня ненавидишь. Меня все ненавидят. Я – паршивая овца, скелет в шкафу. Ты только и думаешь, как бы запереть этот шкаф и ключ выбросить. Меня столько обижали в жизни, что во мне только ненависть осталась. Нужна тебе ненависть в этой твоей белой и пушистой новой Салли? То-то и оно!

– Вы ошибаетесь, Джинкс.

– А ты врешь. Дерри ты сольешь с удовольствием. Конечно, она же такая веселая, жизнерадостная. Ты уже сваял расчетливую, хладнокровную секс-машину, нужно только теплоты добавить. Я тебе все дело испорчу. Что ж это будет за идеальная женщина – с ненавистью?

– Не отрицаю, я действительно подумывал именно о таком варианте развития событий.

Джинкс удивилась. По ее представлениям, Роджер должен был начать юлить.

– Но как врач я отказался от этой идеи, – добавил Роджер.

– Неправда!

Джинкс вскочила, попятилась.

– Выслушайте меня. Каждому психиатру известно, что не бывает людей, свободных от гнева, ярости, ненависти. Невозможно избавиться от агрессии, если просто загонять ее куда поглубже, прятать, как скелет в шкаф. Мы, психиатры, называем это подавлением подсознания. Наши демоны всегда возвращаются. Они преследуют нас. Задача психиатра заключается в том, чтобы вытащить из условного пыльного шкафа чувства, рожденные болью и отчаянием. Только тогда раны перестанут гноиться, только тогда тление отступит.

Я не считаю вас воплощением Зла, Джинкс. Просто вы пережили страданий больше, чем способен вынести человек. Всю свою сознательную жизнь вы были вместилищем душевной боли и горечи. Остальные альтеры сливали в вас, как в сточную канаву, воспоминания, жить с которыми не имели сил. Настало время поровну разделить боль на пятерых. Для вас

одной боли слишком много; впятером вы вполне потянете это бремя.

– Я ж говорила – язык у тебя подвешен. Любого уболтаешь. Только не меня.

Джинкс сунула руку в сумочку. Металл приятно холодил ладонь, прикосновение к дулу придавало решимости. Джинкс взвела курок. Оружие было готово к употреблению.

Роджер все понял.

Я завопила изо всей мочи. Я зывала к внутреннему помощнику, чтобы вместе со мной давил на руку Джинкс, не позволял ей поднять револьвер. Думала, от вопля мне мозг вынесет. Зато это подействовало. Джинкс заколебалась. Приложила свободную ладонь ко лбу.

– Голова болит...

– Вы чувствуете боль? – переспросил Роджер.

Я продолжала вопить. Я видела, что Джинкс мало-помалу слабеет. Она пыталась нажать на курок, однако мигрень парализовала ее пальцы. Мне удалось чуть отвернуть от Роджера револьверное дуло. Потом еще чуть-чуть. И еще. В итоге дуло уставилось на меня. А Джинкс уставилась на дуло, не веря, что ее рука движется против ее воли.

– Не лезь куда не просят, Дерри! – пробормотала Джинкс. – Я должна... я сейчас...

– Джинкс! – воззвал Роджер. – *Ему известно, что скрывает мрак...*

Но было поздно. Палец Джинкс надавил-таки на курок. Раздался выстрел, я ощутила острую боль. Вспыхнул свет, стало тихо-тихо. Я медленно пошла вверх по радуге...

Глава 14

Открыв глаза, Салли обнаружила, что лежит на кушетке, страшно слабая и вся как бы разбитая. Она со стоном повернула голову. На нее тревожно смотрели Роджер и Мэгги.

Салли попыталась подняться.

– Роджер, что произошло? Последнее, что я помню, – вечеринка...

– Лежите, Салли, – сказал Роджер. – Вам нельзя вставать. Вы получили ранение. Опасности для жизни нет, но вы потеряли много крови.

Только теперь Салли увидела, что на ней – черный брючный костюм.

– Господи! Это была Джинкс!

– Уже все в порядке.

– Что она натворила?

Роджер, очень бледный, начал объяснять:

– Джинкс не смогла довести задуманное до конца. Она целилась в меня. Дерри вмешалась и повернула револьвер на себя. Это пустяки. Главное вот что: Джинкс впервые за все время почувствовала физическую боль.

Салли бессильно упала на подушку. Левое плечо у нее ныло.

– Что же делать? Если Джинкс будет и дальше выбираться и творить такие ужасы, мне нормальная жизнь заказана. Джинкс ведь и меня могла убить.

– Вина целиком и полностью на мне, а не на вас, Салли, – сказал Роджер. – Если бы вчера я уложил вас спать, Джинкс, может, и не вышла бы из мрака. Но я дал слабину, и вот результат. Вы чуть не погибли. Теперь нам нужно спешить. Я совершенно уверен, что проводником для Джинкс на этот раз были не вы, а Дерри. Следовательно, нужно соединить вас и Дерри. Таким образом мы закроем для Джинкс последнюю лазейку. Вы станете достаточно сильной, чтобы подавить злую волю Джинкс.

– А если не стану?

– Попробуем другие методы. В ближайшее время Джинкс не вырвется – ведь эмоциональная разрядка уже произошла.

– Говоря «другие методы», вы имеете в виду слияние с Джинкс, не так ли?

– Слияние с Джинкс – последнее средство. Надеюсь, до этого не дойдет. Если вытащить на свет все ее дикие порывы, наряду с вашими эмоциями и мыслями, бесконечная агрессия Джинкс, возможно, и станет

для вас контролируемой. Но это – предприятие рискованное. Мы пойдем на этот шаг только в крайнем случае. Вдобавок необходимо согласие самой Джинкс.

– Неужели вы хотите, чтобы ее агрессия стала частью меня?

– Мои желания не имеют значения, Салли.

– Нет, имеют.

– Давайте все решим после того, как вы обретете эмоциональность и оптимизм Дерри. Сейчас отправляйтесь домой, подумайте. Поговорите с Дерри. Выждите время до завтра. Если вы обе согласны на новое слияние, завтра утром я его проведу. Мэгги запишет вас на прием вне очереди.

Затем Роджер сказал, что хочет поговорить со мной, вызвал меня на свет. Я обрадовалась – ведь он только от меня мог узнать, как все было вчера.

– Привет, Роджер! Хорошо, что Джинкс не заполучила жизнь моего любимого доктора.

– Я так и знал, что это вы вмешались, Дерри.

– Остановить Джинкс было нелегко. Она теперь такая сильная, ужас.

– Вот как! – воскликнул Роджер. – Эта новость в корне меняет дело.

Я рассказала все, что произошло со вчерашнего вечера, когда Роджер ушел от Салли. Ничего не утаила.

– Вы не догадываетесь, Дерри, зачем я вызвал вас в незапланированное время?

– Наверное, вы внезапно поняли, что не можете без меня жить!

Роджер рассмеялся и взял меня за руку. Я вцепилась в его ладонь, чтобы он не сразу отпустил меня.

– Вы слышали, о чем я говорил с Салли...

– Я пока не готова, Роджер. Я хочу еще несколько лет пожить в свое удовольствие.

– У нас нет этих нескольких лет, Дерри. Сами видите, что вытворяет Джинкс. Она стала сильной, сами сказали. Нам необходимо пресечь ее дальнейшие попытки причинять вред себе и другим.

– Роджер, я боюсь.

– Бояться вам совершенно нечего.

– Но ведь я нужна вам. Вы сами говорили.

– Говорил, но до известных событий. Мы должны укрепить Салли и прекратить все связи с Джинкс.

– То есть я больше не буду куратором и не узнаю, что у альтеров на уме?

– Альтеры исчезнут. А ум будет ваш собственный. Вы станете Салли,

вместо того чтобы довольствоваться ролью отдельной части ее сознания. Вы будете цельной личностью, настоящим человеком. Вы же об этом мечтали!

– Не могу представить, что я – только разум. Я не гожусь на эту роль. Когда со мной заговаривают о серьезных вещах – о том, что в мире делается, или об искусстве, – я отшучиваюсь. Иначе люди поймут, какая я необразованная и бестолковая.

– Вы не бестолковая. И больше вам не придется отшучиваться. Вы в один миг постигнете все, что известно Ноле, Белле и Салли. Их знания станут вашими знаниями, их умения – вашими умениями.

– Я всегда боялась секса. Не смотрите, что я флиртую направо и налево – это только прикрытие.

– Секс органично войдет в вашу жизнь.

– Роджер, я никогда не плакала. Я никогда не грустила, как нормальные люди. Вот смотрю на Салли – она всю жизнь такая разнесчастная, глаза у нее на мокром месте. Наверное, такое состояние – хуже смерти. Я так не хочу.

– Так у вас и не будет. Грусть обязательно присутствует в эмоциональной палитре цельного человека. Жизнь состоит не из одного веселья и флирта. В жизни есть место растерянности, чувству ответственности, чувству глубокой привязанности, эмоциональным взлетам и спадам. В течение жизни человек теряет любимых и горюет по ним – и это нормально. Я помогу вам стать сильной. Вы не будете бояться ни событий, ни отрицательных эмоций, ни самой жизни. Помните: человек рождается в слезах.

– Я тоже родилась в слезах?

– Не знаю. Давайте вспоминать вместе.

– Мне страшно.

– Мне тоже. Я буду рядом. Вы готовы?

– Да. Только держите меня за руку, Роджер. Не отпускайте.

Глаза у него увлажнились. Он стиснул мою руку, с трудом сглотнул и произнес:

– *Ему известно, что скрывает мрак...*

Я выплыла из собственного сознания. Где-то вдали Роджер говорил:

– Мы возвращаемся в те времена, когда на свет появилась Дерри. Прежде были только Салли и Джинкс, а потом произошло нечто, и Дерри стала отдельной личностью. Когда я досчитаю до трех, Дерри вновь проживет тот день, испытает те эмоции и откроет их нам. Мы узнаем, как родилась Дерри.

Я вынырнула из тьмы, прорвалась через облака и сырой туман. Я бродила по улицам в поисках Синдереллы. Я вспомнила: была Пасха, Светлое Воскресенье. Салли было десять лет. Я еще не родилась. Мое рождение случится только через три дня. Но я проникла в память Джинкс и узнала, что произошло. Об этом я и стала рассказывать Роджеру.

* * *

За несколько месяцев до Пасхи Салли подобрала искалеченную кошечку. У кошечки не было одной лапки, и Салли назвала ее Синдереллой. Якобы кошечка потеряла эту лапку, как Золушка – туфельку. Ничего, скоро появится Прекрасный Принц, скоро вырастет новая лапка. Салли в свои десять лет жила сказками, которыми тешил ее перед сном Оскар. Сказка про Золушку числилась среди самых любимых. До Синдереллы у Салли не было домашнего питомца, ей приходилось довольствоваться собственным воображением; теперь играть стало интереснее. Салли долго упрашивала мать оставить кошечку, и мать в конце концов сдалась, хотя Фред рвал и метал.

Салли кормила свою любимицу молоком и остатками обедов и представляла, что Фред – это злой отчим, который запирает Синдереллу в темном чулане и не пускает на солнышко поиграть.

То и дело Салли брала Синдереллу на руки, крепко прижимала к груди. Кошка мурлыкала, терлась мордочкой о щеку Салли, щекотала ей нос своей пушистой шерстью. Когда Салли возвращалась из школы, Синдерелла ковыляла навстречу, терлась о ноги.

Мать с Фредом частенько уходили, запирая Салли в доме. Но Салли теперь не скучала – ей было с кем играть. Синдерелле она рассказывала о своих бедах, а та слушала очень внимательно и мурлыкала: дескать, понимаю, все понимаю, люди ужасно злые и несправедливые.

В то время Салли уже знала про себя: она – крайне забывчивая девочка. Она ничего не помнит о шалостях. Мать и отчим уверяют, что она натворила то-то и то-то, наказывают ее – но она не понимает, за что. Фред, злой отчим, зовет ее лгуньей и запирает то в комнате, то в чулане. Тогда Салли воображает себя принцессой. Родной папа-король переоделся почтальоном и пошел странствовать по королевству, смотреть, где порядок, а где беспорядок, а дочку оставил на попечение злой служанки Вивьен. Если Салли будет хорошо себя вести, король Оскар вернется и заберет ее. Ясно же, уверяла Салли свою Синдереллу: это злая ведьма наложила на нее

чары, заставляет озорничать и забывать о содеянном. Специально, чтобы король Оскар не вернулся за дочкой. Но он все равно вернется и разрушит злые чары. Надо только его дожидаться. Король Оскар посадит Салли в почтовую сумку, и в тот же миг Салли вновь станет прекрасной принцессой. Конечно, Салли тогда не знала, что безобразничает другая девочка – злюка Джинкс.

Откуда взялась Джинкс, я понятия не имею. Она про это не рассказывала. Правда, недавно Джинкс поделилась со мной: маленькая Салли перед поркой теряла сознание, и лупили всегда Джинкс. Салли, сама не зная почему, могла измениться за секунду. Боли от ударов она не чувствовала и вообще не помнила, что ее наказывали. Потом, правда, на руках и на ногах Салли обнаруживала рубцы, и вот они-то воспалялись и болели, да еще как. Откуда рубцы брались, Салли догадывалась: не иначе, козни злой ведьмы.

А дальше мне пришлось составлять пазл из неполного набора элементов. И вот что получилось.

В ясное пасхальное утро Салли пошла в церковь с Фредом. Мать в это время была в больнице, навещала бабушку.

Рассказ пастора о Воскресении Христовом Салли слушала, разинув рот. Фреду даже пришлось ее в бок толкнуть – закрой, дескать, варежку. После мессы, едва выйдя на церковное крыльцо, Фред тотчас надвинул кепку. Он не расставался с головным убором даже в помещении, делая исключение только для храма Божьего. И у него была на то веская причина – кепкой Фред закрывал глубокую вмятину на своем лысом черепе.

– А это правда – про воскресение? – робко спросила Салли.

– Конечно, правда, – заверил Фред. – Кто-кто, а отец Андерсон врать не станет. Не по чину ему врать-то.

Домой они ехали на Фредовой раздолбанной машине. Всю дорогу Салли дивилась: как же это человек сперва умер, а потом воскрес? Такое ведь только в сказках бывает!

– А правда, что в Судный день все мертвые снова оживут? – спросила она.

– Оживут, куда денутся! – отвечал отчим. – Мы в это верим, и ты должна верить, если только ты не язычница.

Салли кивнула. Конечно, так она и думала – волшебство существует на самом деле!

После обеда Салли рассказывала про Воскресение Синдерелле, и тут в комнату вошел Фред. Он был в рабочей одежде – собирался вскопать огород, разнести удобрения. Неизменная твидовая кепка почти закрывала,

заодно с вмятиной, и правый Фредов глаз. Салли успела заметить, что, беря лопату, отчим покраснел и усмехнулся, открыв щербину в передних зубах. Фред, когда улыбался, был очень похож на хеллоуинскую тыкву.

– Что, киске своей проповедь пересказываешь, да? – проговорил Фред.

– Да. Синдерелле очень интересно.

– Еще бы. Это ведь великое чудо воскресения. А ты у нас добрая католичка, Салли? Как твоя мамуля, верно?

Салли кивнула.

– Стало быть, ты в чудеса Господни веришь? – продолжал Фред.

– Кажется, – пролепетала Салли.

– Что значит «кажется»? Ты или веришь в чудеса Господни, или не веришь. Тем, кто не верит, дорога напрямик в адское пламя. И для них никакого воскресения не будет, так и знай.

Салли стало жутко.

– Я верю в чудеса. Верю, – поспешно сказала она.

Самому Фреду Салли доверять не привыкла, но ведь то же самое сегодня утром говорил святой отец. Значит, это правда.

– Ну а раз веришь, – заговорщицким тоном произнес Фред, – то, должно быть, не прочь собственными глазами на чудо поглядеть?

Это было неожиданно. Салли не нашлась с ответом.

– Тебе, Салли, видать, невдомек, что чудеса сплошь и рядом случаются с кошками.

– Как это?

– Слыхала поговорку: у кошки девять жизней?

Салли кивнула. Действительно, она не раз слышала об этом от взрослых.

Фред протянул к ней руки ладонями вверх.

– Это, Салли, сам Господь Бог нарочно устроил, чтоб люди верили в воскресение. Ну что, хочешь поглядеть или как?

– Хочу.

– Тогда бери свою киску в охапку, и мы с тобой прямо сегодня чудо спроворим. Синдерелла твоя воскреснет, причем с четырьмя лапами. Она будет здоровой, сама увидишь.

Салли не догадывалась, что именно затеял Фред, но на всякий случай крепче прижала к себе Синдереллу, уткнулась носом в мягкий мех.

– Ты слышала, Синдерелла? Чудеса случаются! Волшебство есть на самом деле! Мы с тобой увидим чудо Воскресения. Только мамуле – молчок, договорились? – предупредил Фред. – То-то она удивится, когда у Синдереллы здоровая лапа отрастет!

В дальнем углу огорода, под забором, Фред выкопал ямку, отставил лопату и поднял увесистый камень.

– Твоя кошка, Салли, будет у нас аккурат как Иисус Христос на Пасху!

– Я не понимаю.

– Сейчас Синдерелла пожертвует одной жизнью – у нее же их целых девять – пожертвует, стало быть, одной жизнью ради всех нас. Христос тоже так сделал, помнишь? Синдерелла умрет, мы ее похороним, а потом она воскреснет здоровой, с четырьмя лапками.

Слово «умрет» напугало Салли, но Фред сумел разжечь ее любопытство. Она пыталась представить, каково это – воскреснуть. Однако на всякий случай Салли переспросила отчима:

– А новая лапка точно вырастет?

– Ну а как же! Вырастет, конечно. Или ты думаешь, Господь оживит людей безрукими, безногими да слепыми? Нет, Салли, в Судный день мы все восстанем из могил здоровыми. Твоя Синдерелла будет резвиться, как котенок. Неужто ты хочешь ее этого лишить, а? Как у всех божьих тварей, у Синдереллы есть право быть здоровой и веселой.

Салли подумала и согласилась: действительно, нельзя лишать Синдереллу права на здоровье. Она ведь не эгоистка какая-нибудь.

Фред вложил камень Салли в ладошку.

– Вот, держи. Господь сказал: воздвигну церковь свою на камне. Или как-то так.

– Что нужно делать?

– Стукни кошку по голове, только посильнее, чтобы верняк. Она уснет, мы ее вот в эту ямку положим, земелькой присыплем и будем ждать воскресения. Сама все увидишь. Ты поймешь, что святой отец правду говорил. Ну, смелее! Кошкам, чтоб ты знала, не бывает больно.

Салли попятилась.

– Боишься? Зря. Вспомни-ка Спящую Красавицу. Она пальчик уколола, кровь пошла, а ей не больно. А потом-то она проснулась. Ну? Ты ж сама своей Синдерелле сто раз эту сказку рассказывала! Давай, усыпи ее, а не хочешь – так я и сам могу.

Салли подняла руку с камнем, сказала «До свиданья, Синдерелла. Скоро ты воскреснешь, и у тебя будет четыре лапки» и изо всех сил ударила кошечку по голове. Раздался жуткий кошачий вой, и в то же мгновение Салли увидела проломленную скорлупку черепа и кровь на белой шерстке.

– У нее кровь! – выдохнула Салли.

– Конечно. А ты как думала? Я ж предупреждал. Видала Христа на

распятия? У него тоже кровь, руки-ноги гвоздями прибиты. Без крови никак. Воскресения не получится. Сказано в Писании: да омоемся кровью агнца. Кровь – она такая штука, Салли. Чудеса творит. Все равно как волшебное зелье.

– А когда Синдерелла воскреснет?

– Сначала надо ее похоронить.

Фред сбросил Синдереллу в ямку, засыпал землей, притоптал. Плюхнул на свежую могилку булыжник.

– А камень для чего? – испугалась Салли. – Как теперь Синдерелла выберется из-под земли?

– А как Христос выбрался? Так и она.

– Когда будет воскресение?

Фред взвалил лопату на плечо и пошел к дому, на ходу бросив:

– Христу три дня понадобилось. Обычно и у кошек столько же времени занимает. Ну а уж если не воскреснет через три дня, тогда, значит, надо ее поцеловать. Ты следи за могилой-то, а как увидишь, что земля зашевелилась, сразу меня зови. Мне тоже поглядеть охота, как Синдерелла здоровенькой из-под земли вылезет. И про уговор наш помни: мамуле – молчок. Не то сюрприза не получится. Спросит мамуля про кошку – скажи, околела, мы ее и закопали. Поняла?

Салли несла караул возле могилки до самых сумерек. Мать, не дозвавшись ее из окна, сама пошла в огород.

– Все равно не пойму, как это приключилось с кошкой, – повторяла мать за ужином.

Фред отозвался из-за своего обычного прикрытия – развернутой вечерней газеты.

– Знаешь, Вивьен, я и сам удивился. Салли-то наша ни с того ни с сего как схватит каменюку, да как саданет кошке по черепу. Мозги так и брызнули.

Салли открыла было рот, чтобы возразить, объяснить, как все произошло, но Фред ее опередил:

– Ты сама знаешь, Вив: девчонка часто озорничает, а потом врет да отпирается. Якобы не помнит, чего напроказила. А тут я сам все видел, вот этими вот глазами. Кошку я в огороде закопал, чин чинком. А что было делать? Не валяться же ей тут.

Салли отправили в кровать, но ей не спалось. Она все думала, для чего Фред именно так матери всю историю подал. Может, для того, чтобы потом мать сильнее удивилась? Салли представила: Синдерелла, здоровенькая, на всех четырех лапках, подбегает к матери и трется о ее ноги. Вот это будет

сюрприз так сюрприз!

На следующий день в школе Салли не могла сосредоточиться и получила немало замечаний от учительницы. После уроков Салли опять заступила на пост у кошачьей могилки. А мать отхлестала ее по щекам за злое дело.

– Подожди до завтра – сама увидишь, – только и сказала Салли в свое оправдание.

Вивьен покачала головой. Определенно, ее дочь не в себе. Прямо-таки опасной становится. Врачу, что ли, ее показать?

Утро наступило дождливое. На уроке рисования Салли изобразила Синдереллу со всеми четырьмя лапками. Однако одноклассница стала дразниться: неправильная картинка, ведь у Синдереллы нет левой передней лапки.

Салли принялась объяснять: верно, лапки нет, но она вырастет, когда Синдерелла воскреснет из мертвых. Она пожертвует одну из своих девяти жизней, чтобы стать здоровой, резвой и веселой...

Другая девочка сказала, что у кошек, как и у всех остальных, только по одной жизни. Дети заспорили, вмешалась учительница.

– Салли, ты ошибаешься. Нэнси права. Девять жизней у кошки – это выдумка. Вроде Санта-Клауса и Зубной Феи. Тебе ведь уже десять лет. Пора бы знать такие вещи. Пора становиться взрослой.

Салли вытаращила глаза.

– А как же Библия? Ведь Иисус Христос восстал из мертвых в Светлое Воскресенье! Это что, тоже выдумка?

– Ты хочешь спросить, верю ли я в Бога? – уточнила учительница.

Салли кивнула. В глазах у нее стояли слезы.

– Хорошо, я отвечу. Лично я, Салли, не верю в воскрешение из мертвых. Многие люди верят. Другие считают, что это – красивая сказка, помогающая смириться с тем, что смерть для каждого неизбежна.

У Салли дрожали губы. Почти безумными глазами она оглядела класс.

– Вы лжете. Вы все лжете. Синдерелла воскреснет. Сегодня! Все, я пошла домой. Хочу посмотреть – может, она уже начала воскресать. Может, земля уже шевелится.

– Салли! Подожди!

Салли выскочила из класса, позабыв и учебники, и теплый свитер. Не обращая внимания на окрики учительницы, она бросилась вон из школы, прямо под дождь. До дома была целая миля, но Салли ни разу не остановилась, не перевела дыхания. Казалось, грудная клетка сейчас разорвется – так быстро бежала Салли. Она торопилась. Она должна была

увидеть все своими глазами.

Салли промокла до нитки, волосы липли ко лбу, лезли в глаза. Ее была лихорадка. Вся дрожа, девочка остановилась над кошачьей могилкой. Ни булыжник, ни земля под ним не шевелились. Прошло три положенных дня. Синдерелла должна воскреснуть. Синдерелла должна выбраться из-под земли.

Может, камень слишком тяжелый, подумала вдруг Салли. Она отбросила камень, снова стала смотреть. Никаких признаков подземного движения. Не беда; скоро Синдерелла всеми четырьмя лапками проскребет для себя выход, выпрыгнет, отряхнется, залезет к Салли на колени. Конечно, платье испачкается. Но это пустяк.

Салли ждала, очень надеясь, что Синдерелла восстанет из мертвых прежде, чем вернутся мать и отчим. Салли должна увидеть ее первой.

Может, Фред выкопал слишком глубокую могилу? Может, слишком тщательно притоптал землю? Салли решила помочь Синдерелле. Голыми руками она отворачивала комья мокрого дерна, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Она рыла, рыла и рыла, пока пальцы не ощутили прикосновение мокрого меха, пока в ноздри не ударила трупная вонь. Очень осторожно Салли стряхнула земляные комочки с окоченевших лапок, с головки. На том месте, куда она ударила камнем, зиял пролом.

Ничего! Осталось самое верное средство – поцелуй. Надо поцеловать Синдереллу, тогда-то чудо уж точно свершится! Салли коснулась мокрого меха губами. Что-то шевельнулось, щекотнуло ей губы. Что-то живое! Салли подняла голову. Кошачий трупик кишел червями. Плакать Салли не могла. И дышать – тоже. Она издала чудовищный, нечеловеческий вой.

Который превратился в мой смех.

От дома бежали Вивьен с Фредом. Увидев, что я стою, хохоча, над развороченной кошачьей могилкой, они совершенно растерялись.

– Что ты делаешь, Салли? Ты с ума сошла?

Как мне было объяснить, что я – никакая не Салли? Я – Синдерелла. Я не просто воскресла, о нет. Я из жалкого котенка превратилась в девочку, потому что поцелуй и впрямь самое верное волшебное средство.

– Она рехнулась, – подытожил Фред. – А что я всегда говорил? Полюбуйся на свое отродье, Вив. Никакой жалости. Бессердечная маленькая дрянь. Котенка уколошила, могилу разворотила и стоит, ржет. Пора, пора ее в психушку сдать.

Вивьен сбегала за лопатой и наскоро закопала кошачий трупик. Потом схватила меня за грязную руку и велела:

– Отправляйся в свою комнату, Салли. Ты наказана. Не смей выходить

до вечера, паршивка!

Я не понимала, почему Вивьен упорно называет меня Салли. Я ведь совсем не Салли. Я – другая девочка. Сидя взаперти, я придумала себе имя – Дерри. Это – серединка Синдереллы, ее сердце. Дерри – вот кто я такая. С тех пор, когда Вивьен называла меня Салли, я только смеялась и говорила: «Вы ничего не знаете – ни ты, ни Фред!» А в комнате у Салли я скоро освоилась. Ее вещи стали моими. И зажили мы душа в душу.

Глава 15

Роджер вывел меня из состояния гипноза, внимательно поглядел мне в глаза и покачал головой.

– Удивительно, как вам вообще удалось пережить этакое, с позволения сказать, детство.

Я только рассмеялась.

– Вы меня имеете в виду или Салли? Если меня, так детство было очень даже неплохое. Знаете, что интересно? Я напрочь забыла, что мое имя происходит от имени «Синдерелла». Через несколько дней после рождения я пошла в огород – хотела посмотреть на Синдереллу. Раскопала могилку, но кошки там не было. Наверно, Вивьен или Фред тайком избавились от трупа. Всю жизнь я искала Синдереллу и вот сегодня узнала: оказывается, она – это я. Салли создала меня, поцеловав кошку. И впрямь, поцелуй – самое верное волшебное средство.

– Вам ведь известно, что случилось с Синдереллой, когда часы пробили полночь, – произнес Роджер.

– Не хочу, чтобы моя история закончилась. Я жить хочу. Долго-долго и счастливо-счастливо.

– Все и будет по вашему желанию, Дерри. Только в реальном мире, а не в сказке. Нужно слиться с Салли. Ваш оптимизм никуда не денется. Ваши беззаботность и веселость проникнут в сердце и разум маленькой девочки, которая однажды, в дождливый день, потеряла веру в Бога и создала вас. Пришло время отдать одну из ваших жизней ради того, чтобы Салли снова стала цельной личностью.

– Роджер, мне страшно...

– Это нормально – чувствовать страх. Теперь вы знаете: для того, чтобы стать настоящей, недостаточно магии из волшебных сказок.

– Я всегда хотела стать настоящей.

– Знаю. Но способно ли ваше желание пересилить ваш страх? Вы не станете настоящей, если не сольетесь с Салли.

– А если сольюсь – умру.

– Или воскреснете в виде четвертой Салли.

– А чей у нее будет разум? Чьи эмоции?

– Если моя теория верна, эмоции останутся ваши.

– А если не верна?

– Тогда не знаю.

– И вы хотите, чтобы я на это пошла?
– Мои желания не имеют значения. Захотеть должны вы, Дерри.
– Да я вроде хочу. И в то же время не хочу. Господи, этак я сама скоро мультяшкой стану! От чьего лица тогда соглашение о слиянии будем заключать, а, Роджер?

Он усмехнулся. Нет чтобы обнять меня или хотя бы за руку взять! Дружеское прикосновение – вот чего мне хотелось от Роджера. Мне казалось почему-то, что, если он меня поцелует, я стану настоящей, со всеми необходимыми человеку чувствами, мыслями и эмоциями.

– Вы, конечно, слышали все, что я говорил Салли, Ноле и Белле. Подумайте об этом. Завтра сообщите мне о своем решении.

– Как решать – по отдельности или вместе? Может, мне все с Салли обсудить?

– Это уж на ваше усмотрение. Пожалуй, беседа с Салли не повредит. Вдобавок вам может дать совет ваш внутренний помощник.

– Ладно, устроим прощальную вечеринку.

– С тем же успехом можете считать ее вечеринкой по случаю долгожданного воссоединения.

– Да, вы большой любитель играть словами.

– Завтра я вам заодно и повязку поменяю.

Потом Роджер пообещал дать Салли эффективное обезболивающее на случай, если плечо будет сильно ныть. Безобидное, без наркотических составляющих. Не хватало еще, чтобы перед слиянием Салли постиг провал. Сказав это, Роджер отправил меня во мрак, вызвал Салли и повторил все специально для нее.

* * *

В тот вечер Салли места себе не находила. Прослушала для затравки все шесть Бранденбургских концертов. Я чуть не рехнулась. В смысле, я и Нолины подобные выходки с трудом переносила, но все-таки терпела. А вот если начиная с завтрашнего дня мне такое будущее уготовано – тогда я на слияние не согласна. Даже ради Роджера.

Потом мы долго спорили, где устроить прощальный ужин. Салли рвалась в «Ла Пети Масон», а я хотела в «Хойз». Салли возражала – мол, ее тошнит от китайской еды. Я то же самое говорила про французскую еду. Потом мне пришло в голову: почему бы не поужинать дважды? Какой смысл перед смертью калории считать? Салли согласилась – с условием,

что сначала мы пойдем во французский ресторан. Боялась, что я не сдержу обещание. Я прикинулась оскорбленной в лучших чувствах. Впрочем, Салли была права. Мне действительно едва ли можно доверять. Я обещания нарушаю сплошь и рядом. Оно и понятно: с самого рождения живу урывками, вот и хитрю напропалую. Сама-то Салли сдержит слово. А тоскливое, однако, мне существование уготовано. Это ж ни соврать с завтрашнего дня, ни опоздать, ни подвести никого! Максимум – время от времени удастся чуток прихвастнуть. Салли я об этом говорить не стала.

– Вот как мы поступим, Салли. Начнем с китайского ресторана. Сама знаешь – после китайской еды через час опять под ложечкой сосет. Или так, или никак.

Салли было нечего возразить, и мы с ней пошли в «Хойз», и я объелась жареными вонтонами, свиными ребрышками и креветками в кляре. Потом мы долго гуляли, чтобы растряссти ужин и заодно поговорить.

На нас оглядывались. Салли смущалась, мне было параллельно. Какая разница, если прохожий сочтет Салли сумасшедшей? Все равно он через минуту про нее забудет.

Салли хандрила.

– Сдается мне, Салли, тебе депрессии по нраву, – съязвила я.

– В каком смысле?

– Ты постоянно в мрачном настроении. Я таких угрюмых больше не знаю. Выходит, тебе хандра удовольствие доставляет.

– Глупости говоришь.

– Еще раз пройдешься насчет моих умственных способностей, и я с тобой сливаться откажусь.

– С чего ты взяла, что мне это слияние нужно?

– С того, что ты куда больше моего потеряешь, если мы не сольемся.

Салли не ответила. Значит, я ее за живое задела.

– Я ненастоящая, поэтому мне ни смерть, ни безумие не страшны, Салли. В отличие от тебя.

– Ты лжешь, Дерри. Впрочем, как всегда. Тебе всю жизнь хотелось стать настоящей. Теперь у тебя появился такой шанс. Я минимум пять раз пыталась совершить суицид, и кто меня спасал? Ты и Белла. Не такая уж ты blasé.

– Бля... что?

– В переводе с французского blasé означает «скептически настроенный».

– Час от часу не легче! Можешь по-человечески выражаться?

– Могу. «Blasé» означает «равнодушный к удовольствиям жизни»,

«разочарованный в жизни».

– Понятно. Тогда это не про меня.

– Зато про меня.

– Наверное, поэтому Роджер считает, что нас надо слить. В смысле, от меня ты получишь жизнелюбие и беззаботность. А я от тебя получу немножко серьезности.

Нам встретился парень, раздававший рекламки массажного салона. Я протянула руку за буклетиком, но Салли заставила меня руку опустить. Вот вредина! Я надулась, дальше мы шли молча. Наконец Салли заговорила.

– Ну, Дерри, как предлагаешь скоротать вечерок?

– Давай подцепим парочку парней и устроим двойное свидание.

– Не глупи.

– Забавно будет.

– Пожалуй, в первые полчаса. А потом начнутся проблемы. Догадайся с трех раз, кто явится к нам на выручку.

Крыть мне было нечем, но и сдаваться не хотелось.

– погоди, Салли. Я знаю, кого надо на свидание позвать, чтобы без проблем.

Салли даже остановилась. Потому что она и сама об этом подумала одновременно со мной.

– Хочешь, чтобы они оба рехнулись?

– Ничего с ними не сделается, а мы повеселимся. Давай, позвони Тодду, а я позвоню Элиоту.

– И думать забудь.

– Какая же ты зануда, Салли. Мы бы хоть развлеклись напоследок.

– Ладно, Дерри, я согласна. Сделаем так: я позвоню Тодду, скажу, что мне одиноко и грустно. Пусть выведет меня в свет. А для Элиота я, дескать, прихвачу подружку. Получится одно обычное свидание и одно свидание вслепую.

– Здорово придумано. Только давай не будем планировать весь вечер. Пусть у нас будет эта, как ее... непрозевазия.

– Импровизация. Отлично. Импровизации мне удаются.

– Супер! Мы им прозеваться не дадим, кавалерам нашим!.. Ой! У тебя же повязка! Вдруг начнут спрашивать, что да как?

Салли, похоже, совсем забыла про ранение.

– Если спросят, скажу правду.

– Положись на меня. Я так объясню – скушают и не подавятся. От моей прозевации даже ты ахнешь. Давай звони Тодду. Пускай берет Элиота в охапку и двигает в «Ла Пети Масон».

Салли позвонила в «Дорогу из желтого кирпича», сказала Тодду, что ей грустно и хочется выйти проветриться, а для Элиота у нее есть подружка.

– Что за подружка? – спросил Тодд. – Какая она из себя?

– На меня похожа, – встряла я.

– То есть я имею в виду, что моя подружка похожа на меня внешне, – пояснила Салли – воплощенная правдивость.

Тодд посоветовался с Элиотом и дал согласие. Мы договорились встретиться в «Ла Пети Масон» после закрытия «Дороги из желтого кирпича», в час ночи.

А было только десять вечера. Салли предложила убить время в кинотеатре. Ей взбрело посмотреть индийское кино не то про парчу, не то про патеров^[31] – нудятину какую-то, короче. А я настаивала на римейке «Ночи в опере». Мы бросили монетку, и Салли победила. Оказалось, индийский фильм – вовсе даже про голод. Мухи, грязь, попрошайки и все такое прочее – в самый раз, когда чуть не лопаешься после китайской еды. В общем, я заснула. Классикой мирового кинематографа Салли без меня наслаждалась.

Правда, потом, когда фильм кончился, я стала жалеть, что проспала его. Мне ведь и так времени отпущено до завтрашнего утра, а я его разбазариваю. Может, завтра я в вечный сон погружусь, кто знает?

Мы пошли в «Ла Пети Масон». Наших кавалеров еще не было. Салли заказала «Харви Волберген»^[32], а я – бурбон. Официант на нас выпучился, конечно. Меня смех разбирал, но пришлось сдержаться, иначе, чего доброго, нас и обслуживать не стали бы, как пьяных.

Скоро появились Тодд с Элиотом. Увидели два бокала на столе, стали озираться – мол, где ж подружка-то?

Я говорю:

– Носик попудрить пошла.

А Салли:

– Нет, она здесь.

В общем, Тодд уселся рядом с Салли, Элиот – напротив меня. Вырядился Элиот – закачаешься. Золотистая рубашка-поло, причем расстегнута так, что волосы на груди видать, и брюки тоже золотистые. Фазан фазаном, честное слово. Он еще несколько фунтов весу прибавил, вещи на нем трещали. Тодд был, как всегда, в джинсах и белой рубашке, только еще и джинсовый пиджак прихватил.

– Ну и какая она из себя, ваша подружка? – спрашивает Элиот.

– Я вам говорила – мы с ней очень похожи, – отвечает Салли.

– Вы же здесь в единственном числе, – улыбается Тодд.
Салли его взглядом чуть не испепелила. Он сразу спохватился.
– Ой, я совсем не то имел в виду, Салли. Простите. Надо было иначе сформулировать.
– В другой раз фильтруй базар, – усмехнулась я.
Они и глаза выпучили – голос-то другой! В чем подвох, не понимают, ясно только, что дело нечисто.
– Расслабьтесь, это я новый номер для шоу репетирую.
Тодд улыбнулся.
– Похоже, вы сегодня настроены на игривый лад. Надеюсь, и подружка ваша такая же заводная. Как, кстати, ее зовут?
– Ее зовут Дерри, – ответила Салли. Наверно, забыла, что про меня-то и Тодд, и Элиот знают.
Они переглянулись и уставились на Салли.
– Дерри? – переспросил Элиот.
Я стала придумывать, как бы получше сострить, но Салли мысленно меня пнула.
– Извините, – говорит. – Мне нужно отлучиться. Я быстренько.
Выскользнула из-за стола и скорей в туалет. Мы с ней еле добежали, честное слово – такой нас смех разбирал. Тогда-то я и поняла, сколько живости и веселости передалось Салли от Беллы.
– Нет, ты видела? Ты видела, какую мину Тодд скроил? – икнула Салли.
– Еще бы! Как услышал «Ее зовут Дерри», чуть собственным языком не подавился!
– Я же не в курсе была, что они твое имя знают, – оправдывалась Салли.
– Конечно, знают! Это ведь я на них работаю!
– Что нам теперь делать, Дерри?
– Танцевать! А потом ужинать. Ты этого хотела, разве нет?
– Не только этого.
– Так, Салли, охолонись. Я не участвую. Я себя берегу.
– Для Роджера?
– Ну да.
– Забудь о Роджере. Тебе его не получить. Мы с тобой для него – просто занятный случай из практики.
– Ты, может, и просто случай. А я – не просто.
– Послушай, Дерри, большая ошибка – путать любовь с психологическим феноменом под названием перенос...

– Нет, не послушаю! – Я даже уши ладонями закрыла. Это, конечно, было глупо – Салли не вслух высказывалась, а мысленно. Слова из ее головы шли.

– Даже если ты и нравишься Роджеру как женщина, он будет соблюдать медицинскую этику, которая запрещает врачам заводить отношения с пациентками. Ты рискуешь здорово обжечься, Дерри.

– Это будет мой собственный ожог.

– Нет, не только твой, но и мой.

– Насколько я поняла, Салли, тебя Тодд интересует.

Она улыбнулась.

– Он в меня влюблен. Он молод, красив, при деньгах. Лучших кандидатов пока нет, так ведь?

– По мне, Элиот занятнее будет. Тодд игрок, а игроки слишком серьезно жизнь воспринимают. Все шансы просчитывают.

– У Элиота кризис среднего возраста, – заявила Салли. – Он – Дон Жуан, вышедший в тираж. Вдобавок за последнее время Элиот здорово располнел. Регресс налицо.

– Подумаешь, располнел! Хорошего человека должно быть много. Элиот знает про нас, про нашу проблему. Он не боится.

– Тодд тоже знает.

– Тодд будет разочарован, когда сообразит, что нас осталось только двое. Вот когда нас пятеро было – его это заводило. Фул-хаус, как в покере, понимаешь?

– А сейчас мы – три королевы. Тоже неплохой расклад.

– Ты что, с джокером считаешь?!

Тут в дверь постучали.

– Салли, вы в порядке?

Голос принадлежал Тодду.

– Все нормально, Тодд. Уже иду, – отозвалась Салли.

Наскоро расчесала волосы и вышла. Тодд маялся под дверью.

– Я думал, вам дурно сделалось, Салли.

Она взяла Тодда за руку и повела обратно к столу.

Я взяла слово.

– Ой, мне так неудобно. Моя подружка сбежала. Пока я вас ждала, она все с одним типом переглядывалась. А потом и говорит: мне в уборную надо. Официантка только что сказала, что видела, как они вместе выходили. Вот лиса! Так меня подвести! Вы уж извините, ладно?

Честное слово, я эту историю прямо на ходу сочинила. Салли прямо передергивало от моих слов. Элиот скис. Наверно, у него большие планы

были, на всю ночь. Теперь выходило, что он – третий лишний.

– Почему бы нам, – начала Салли, – не провести время втроем? Мы ведь друзья. Будет весело; ничуть не хуже, чем вчетвером. Можно потанцевать, поужинать, а после поехать ко мне.

Теперь уж я скривилась от отвращения. У Салли в голове вертелась какая-то французская фраза, явно непристойная. Не иначе Салли вздумала устроить секс втроем. Фу! Главное, я ведь ей уже сказала, что на такое не пойду.

Потом я и Салли по очереди танцевали с Тоддом и Элиотом, и, наверное, здорово притомили обоих. На танцполе, наедине то со мной, то с Салли, наши кавалеры еще держались, однако за столом, когда нас собиралось четверо!.. Уж конечно, Тодд и Элиот решили, что Салли страдает скачкой мыслей. Говорит одно, а через минуту сама себе противоречит. Я врала напропалую; Салли приходилось выкручиваться. Я из озорства сводила на нет все ее усилия, но стоило ей сознаться, как я выдавала новую выдумку. Лично мне было очень весело; я даже склонялась к мысли, что мы и после слияния поладим. Я хочу сказать, третья Салли очень далеко ушла от прежней Салли, зануды и рохли.

В три часа ночи мы вышли из клуба, и вот тут-то я напряглась. Приятный вечер грозил закончиться очень неловко. Салли хотела пригласить обоих наших кавалеров к себе домой на бокал чего-нибудь горячительного. Мысли Тодда и Элиота прочесть было нетрудно: каждый рассчитывал, что другой выпьет и откланяется. Каждый хотел остаться с Салли до утра. Салли же вынашивала план устроить оргию. Ну и каковы будут мои действия? Отступить, чтобы не запачкаться сексом на троих? Это проще всего. А если мое место займет Джинкс?

Напрасно я отговаривала Салли. Она отмахивалась от меня, как от назойливой мухи. Небось, так рассуждала: раз она теперь – комбинация исходной Салли, Нолы и Беллы, значит, может большинством голосов меня задвинуть. Вдобавок меня из кураторов разжаловали.

Когда мы вышли из такси, я быстро сказала:

– Ну, мальчики, спокойной ночи. Спасибо за прекрасный вечер. А сейчас пора баиньки – у меня утром важная встреча.

– погоди, Салли, – испугался Элиот. – А выпить на сон грядущий? Разве ты не пригласишь нас домой?

– Конечно, приглашу, – говорит Салли. – Я, Салли Портер, всегда обещаниям верна.

– А как же важная встреча? – не понял Тодд. – Я в полном замешательстве.

– Замешательство лучше, чем помешательство, – вставила я.

– Ловим Салли на слове, – сказал Элиот.

– Господи! – вздохнула Салли.

– Смотрите! – воскликнул Элиот, указывая на витрину ателье. – Мерфи нас посылает куда подальше.

– Где? Где? – оживился Тодд. – Ой, и впрямь. Похоже, старый Гринберг не лишен чувства юмора. А куда делась полицейская дубинка?

– Потерялась, – объяснила я.

Салли нахмурила брови – про тот случай с Джинкс ей было неизвестно.

– Давайте Мерфи пригласим выпить? – предложила я.

Вдруг Гринберг все-таки прав насчет полицейской формы? Вдруг манекен-полицейский не даст этим троим распоясаться?

Моя идея понравилась. Я показала, как проникнуть в ателье через окно цокольного этажа и выбраться через заднюю дверь, и мы все вместе умыкнули Мерфи. По лестнице его втащили Тодд с Элиотом. Усадили в кресло, закинули ему ногу на ногу, руки расположили вдоль туловища. Больше никаких неприличных жестов! Салли откупорила бутылку ирландского виски, и мы выпили.

– Вот, наверное, ужасная судьба – быть манекеном, – заметил Элиот.

– Ну не скажи, – возразил Тодд. – Может, и скучновато, зато никаких стрессов. Несешь себе ночную вахту и несешь... – добавил он почти мечтательно.

– Мерфи хочет стать настоящим человеком, – сказала я.

– Что? – изумился Элиот и чуть виски мимо стакана не налил.

– Как Пиноккио, деревянная кукла, которая мечтала превратиться в живого мальчика, – пояснила я.

– Помню, помню, – сказал Тодд. – Кажется, когда этот мальчишка врал, у него нос делался длиннее.

– Таковы издержки, – усмехнулся Элиот. – У живых мальчишек не только носы растут.

– Бедняга Мерфи потерял свой жезл, – произнесла Салли.

Элиот хихикнул.

– Зато наши жезлы при нас!

– Не многовато ли сальностей для одной Салли?! – воскликнула я. – Все, мне пора домой.

– Ты и так дома, – заметил Тодд.

– Значит, это вам пора домой, мальчики, – говорю. – Надо было коней придерживать.

– А если им удержу нет? – вздохнул Элиот.

– Тогда седлайте их, и во весь опор – по домам, – сказала я.

Тодд засмеялся и поцеловал меня.

Мне стало не до смеха. Тодд целовался со знанием дела и с языком. Вдобавок он меня обнял. Хотелось одновременно оттолкнуть его и прижаться к нему. Через несколько секунд я сообразила: оттолкнуть Тодда хочу я, а прижаться к Тодду хочет Салли. Все перепуталось. Неужели так будет и после слияния? Если, конечно, мы вообще сольемся. А я-то, дуреха, почти согласилась!

Тут Элиот оттеснил Тодда со словами:

– Ребята, я вам не мешаю?

Тодд отвесил поклон и отошел, а Элиот присосался к Салли, взялся за ее грудь и давай тереться о бедро.

– Полегче, Элиот, – вмешалась я. – Вечеринка закончилась.

Он куснул меня за ухо.

– Да? А я думал, только начинается.

– Ты ошибся.

– Ты кто? – спросил Элиот. – Белла?

– Или Нола? – встрял Тодд.

Я оттолкнула Элиота.

– Вы это о чем, а? Отвечайте, оба!

– Никакой подружки не было с самого начала, верно? – заговорил Тодд. – Ты хотела пофлиртовать с нами обоими разом. Я прав? Ты запуталась. Салли, которую мы знаем, никогда бы в такую аферу не влезла.

– По-моему, вам обоим сейчас лучше уйти, – произнесла я.

Они стали упираться, но я была непреклонна.

– Послушайте, мальчики. Мне жаль, если вы решили, будто сегодня весело проведете ночь. Вам обоим известно о проблеме Салли. Спасибо за приятный вечер. Что касается Нолы и Беллы, их больше нет. Они слились с Салли. А завтра утром с ней сольюсь и я. И тогда мы станем одной нормальной женщиной.

Мое объяснение их отрезвило. Элиот почесал в затылке, кивнул.

– Знаешь, Салли, это здорово, что ты идешь на поправку. Ты молодчина.

Впрочем, по его лицу я поняла: теперь, когда Салли без пяти минут нормальная, Элиот к ней совершенно остыл. Подумаешь, очередная донжуанская победа.

Зато Тодд был искренне рад.

– Все налаживается, да, Салли? Раз так, обязуюсь вывести тебя на финишную прямую. Кажется, я понял, что тут происходит.

– Будь добр, Тодд, объясни, раз ты такой умный, – сказал Элиот.

– Потом объясню, – пообещал Тодд. – Давай-ка по домам. Салли хочется побыть одной, поразмыслить в тишине. Верно я говорю, Салли? Кстати, Салли, до следующего понедельника у тебя отгулы. Занимайся собой, поправляй здоровье. Эви тебя подменит.

Салли начала было возражать, но я стиснула Тодду руку, а Элиота чмокнула в щеку.

– До чего ж вы милые, ребята! Самые лучшие друзья! Что бы я без вас делала?

Когда они ушли, Салли плюхнулась в кресло, долго смотрела на Мерфи и наконец произнесла:

– Скажи-ка, Мерфи, о чем ты думаешь?

– Не иначе он решает, сливаться нам или не сливаться, – сказала я.

– И давно ты научилась читать мысли манекенов, Дерри?

– Давно. Я ведь куратор.

– Допустим. Однако Мерфи – не из нашей компании.

– А мог бы быть и одним из альтеров.

– Ты к чему клонишь?

– А вот к чему, Салли. Ты создала нас, представив, будто мы – живые, и мы и впрямь ожили. Роджер говорит, у других людей с синдромом множественной личности альтеры бывают разного возраста, разных национальностей и даже разного пола. Сечешь? Представь, что Мерфи – живой, и у тебя нынче будет мужчина. Даже Джинкс не сможет тебе помешать.

Салли задумалась. Идея пришла ей по душе. Мне только и надо было, что заронить это зернышко. Знаю, знаю: я та еще озорница, со мной хлопот не оберешься. Просто мне всегда хотелось, чтобы Мерфи ожил, хотя бы и на одну ночь. Завтра я растворюсь в Салли. Значит, сегодня у Мерфи – последний шанс.

И Салли решила. Она стала говорить с Мерфи, как с живым человеком. Предложила ему виски. Погладила его по руке, сказала:

– Давай потанцуем, Мерфи.

Включила медляк, обхватила Мерфи за плечи и закружилась с ним по комнате, прикрыв глаза. Совсем как в старом кино. Сразу вспомнились Дональд О’Коннор, танцующий со шваброй, и Костелло в паре с девушкой-манекеном. А разница была в том, что Салли почти верила: Мерфи – живой, влюбленный в нее парень.

А потом у нее в голове зазвучал голос. Этаким, знаете, вроде как потусторонний, потому что, хоть я все это затеяла, я не была уверена, что сработает. В общем, голос я для Мерфи измыслила мягкий, низкий, сексуальный и с ирландским акцентом.

– Я уже давно наблюдаю за тобой в окно, – нашептывал Мерфи. – С той самой минуты, как я впервые тебя увидел, я мечтаю о тебе.

Его черты смягчились, голубые глаза с нежностью смотрели на Салли. Ей хотелось, чтобы Мерфи обнял ее покрепче, взял ее.

– Как твое имя? – спросила Салли.

– У старика Гринберга не нашлось для меня имени. Он зовет меня просто Мерфи. Так и ты называй.

– Ты, наверное, ужасно устал. Все время одно и то же – стоишь сутками в витрине, с поднятой рукой.

– Это моя работа. Жаловаться я не привык.

– Тебе же одиноко, правда? Даже поговорить не с кем.

Мерфи пожал плечами.

– По ночам, когда ты спишь, со мной разговаривает Дерри. Мы обсуждаем жизнь, политику, твои проблемы с альтерами.

– Сейчас ты – мой альтер, Мерфи.

– Только на одну ночь. Я не такой, как остальные. Те были с тобой с детства.

Раздеваясь, Салли чувствовала на себе восхищенный взгляд. Уж конечно, Мерфи будет с ней предупредителен и нежен. О таком мужчине она мечтала, такого искала всю жизнь. Салли раздела его и уложила в постель рядом с собой. Его прикосновения были легки и осторожны, поцелуи – невесомы. Губы и пальцы Мерфи задерживались на ее веках, на горле, на сосках, будто Мерфи опутывал Салли тончайшей, липкой, как мед, паутиной.

– Я не могу... – прошептал он. – Ты сама знаешь, что я не могу...

Салли поцеловала его.

– Пустяки, Мерфи. Я столько раз делала это в мечтах и во сне. Совершенно не важно, как выражать любовь. Главное, не отпускай меня. Держи меня в объятиях.

Когда все кончилось, Мерфи поблагодарил Салли за то, что оживила его, пусть и на одну ночь.

– Мы можем все повторить, – сказала Салли. – Я тебя спрячу, и ты будешь навещать меня, когда я загрущу.

– Нет, Салли. Тебе пора отвыкать от таких мыслей.

Она резко села в постели, огляделась. Голос был знакомый.

– Неужели ты не понимаешь: еще немного – и вся работа доктора Эша пойдет насмарку? Ты снова наступаешь на старые грабли – пытаешься решать проблемы, создавая альтеров.

– Это ты – внутренний помощник?

– Да, это я. Но я здесь не за тем, чтобы бранить тебя. Моя цель – подготовить тебя к слиянию с Дерри.

– Дерри тоже разговаривает с Мерфи.

– Мерфи – не один из твоих альтеров. Будешь воображать его живым – твоя болезнь вернется, причем в худшем виде. Сколько вас было? Пятеро? Так будет в два, в три раза больше. В десятки раз больше. В твоей голове поселятся целые толпы народу, если ты не изменишь восприятие реальности.

– А что есть реальность? – усмехнулась Салли.

– Твоя ирония неуместна. Вспомни Нолу – она отлично играла словами. Она свою жизнь превратила в слова и запуталась в этой паутине. Мы же используем слова, чтобы паутину распутать. Нам не нужны дополнительные словесные узлы.

– Что мне делать?

– Перестань одушевлять Мерфи. Он – манекен, и только.

Салли кивнула. Ей стало грустно. Кажется, впервые она осознала, что лишается своего особого свойства, волшебного умения – создавать людей. Салли поднялась, одела Мерфи и усадила его в кресло.

– Прости, – сказала она. – Зря я тебя оживила.

Потом она легла в постель и скоро заснула, а я вышла и включила телевизор. Все передачи по всем каналам давно закончились, экран показывал таблицу. Однако через некоторое время появился внутренний помощник, и мы стали разговаривать.

– Так ты мужчина или женщина?

– Я и то и другое.

– Как это?

– В каждом есть мужские и женские качества. Обычное дело.

– Первый раз слышу.

– Что ты решила насчет слияния, Дерри?

Я поерзала в кресле, покосилась на Мерфи. Он кривовато улыбался, полицейская фуражка была надвинута на правый глаз. Совсем как у Фреда. Даже мороз по коже. Я поправила фуражку. Стало немного легче.

– Так что ты решила, Дерри?

– Пока ничего. Мне страшно. Я не хочу умирать.

– Ты отлично знаешь, это вовсе не смерть. Доктор Эш говорил тебе,

что ты просто станешь частью Салли.

– Все равно, это похоже на смерть. Потому что я не знаю, буду ли я бодрствовать или спать. Или, может, у меня будут видения. Кто будет думать? Я? Или кто другой? Вдруг я исчезну без следа? Ни с Нолой, ни с Беллой у меня не получается связаться. Они бы мне рассказали, каково им. Да, конечно, их качества появились у Салли. Но это все равно что смотреть на сироту и узнавать в нем черты покойных родителей.

– Я буду рядом, Дерри. Я буду держать тебя за руку. Я покажу тебе дорогу. Не думай о смерти. Думай о воскресении.

– Это я уже слышала.

– Да, но не от меня. Я – на твоей стороне.

– На моей стороне? А может, ты хлопчешь о Салли?

– Ну да, я хлопчу о Салли и о...

– Вот видишь!

– На самом деле вы с ней – одно целое.

– Неправда! Зачем ты лжешь? Так другие говорят, те, которые не понимают, что в одном сознании может уместиться несколько личностей. Но ты-то понимаешь! Ты следишь за нами, тебе известны наши мысли и чувства. Ты в курсе, что мы – не одно целое. Я – это я.

– Тут все зависит от того, как определять реальность.

– погоди. Салли тоже сказала «реальность» – и целую проповедь от тебя выслушала. Нечестно меня этим словом в заблуждение вводить.

– Если ты не слушаешься доктора Эша, то сама расщепишься.

– В смысле, Нола и Белла вернутся?

– Нет, им назад ходу нет. Они уже слились. Однако могут появиться другие альтеры. Совершенно новые.

– Незнакомые?

– Вот именно. Согласись, удобный способ избегать огорчений и приступов ярости. С альтерами всегда так: только начнешь их создавать – сразуходишь во вкус. Остановиться очень трудно, и альтеры множатся день ото дня.

– Какой ужас!

– Без лечения человек, склонный к расщеплению личности, создает альтеров бесконтрольно, в огромных количествах. В итоге его существование становится невыносимым.

– Они что же – вроде раковых клеток?

– Да, механизм их появления очень похож на механизм роста раковых клеток.

– Понятно.

- Тебе выбирать, Дерри. Вот мы и посмотрим, есть у тебя воля или нет.
- Что, прямо сейчас?
- Да.

Я сидела в темноте, уставившись на экран телевизора. Почему-то очень хотелось узнать, мужчина или женщина этот внутренний помощник. Голос был чертовски знакомый. Хотя я и увиливала от ответа, но понимала: решаться придется, ведь так хочет Роджер. Еще недавно я рассчитывала дотянуть до последней минуты, может, поторговаться с Роджером. И вот я приперта к стенке.

- Ладно. Сольюсь.
- Ты приняла правильное решение, Дерри. Тебе не придется об этом жалеть.
- Если придется – я тебе покою не дам. Буду во сне являться, как привидение.

Я выключила телевизор и легла спать.

* * *

Я проснулась ни свет ни заря и скорей потащила Мерфи обратно в ателье, пока мистер Гринберг не обнаружил пропажу. На прощание чмокнула холодную, твердую щеку Мерфи и сказала:

- Если б не внутренний помощник, ты бы ожил. Ладно хоть одна ночь тебе перепала, бедняга!

Мерфи не ответил, но, когда я его установила на место, еле заметно подмигнул. Я поправила на нем фуражку, подняла его правую руку, будто он на перекрестке дорожное движение регулирует, и поспешила в квартиру Салли. Я очень надеялась, что после слияния хотя бы эти, последние воспоминания о Мерфи останутся при мне. Вообще, интересно, что я буду помнить? Например, Нола, Белла, Джинкс – они что же, канут в небытие, не сохранятся даже в закоулках моей памяти? А я сама? Буду ли я помнить себя или со мной случится то же самое, что с главным героем фильма «Небеса могут подождать»? Там безвременно погибший парень получает новое тело и новую жизнь, однако лишается памяти. Начисто. Не дай бог, и со мной так произойдет! Как же я буду – без прошлого? У человека должно быть прошлое, иначе он не человек, это же ясно! Ох, почему я не спросила об этом внутреннего помощника?

Салли принимала душ.

- Значит, решено, да, Салли? Сливаемся?

Она кивнула.

– Сливаемся. Вчерашний вечер показал, что мы способны поладить. Мы разные, но о несовместимости речи нет. Сейчас позавтракаем и отправимся к Роджеру.

– Ты иди, а я тебя догоню. У меня еще кое-какие дела не сделаны.

* * *

Было безветренное, звонкое октябрьское утро. Небо синело, солнце сияло. Салли решила шикануть и поехала на такси. Молодец Роджер, что дал ей целые сутки на размышления. Теперь она не сомневалась: слияние принесет пользу.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Роджер, меняя Салли повязку.

– Превосходно.

Роджер попросил Салли написать ее имя, остался доволен.

– Расскажите, как вы провели вчерашний вечер и что решили, Салли.

Она ничего не утаила – ни про двойное свидание, ни про похищение манекена. Роджер улыбался.

– Вижу, вы неплохо ладите с Дерри.

– Так и есть.

– Что вы решили насчет слияния?

– Мы готовы.

– Очень хорошо. Сейчас я введу вас в состояние гипноза и вызову Дерри.

– Я запомню сам процесс?

– Частично. Воспоминания Дерри перемешаются с вашими воспоминаниями. Впрочем, едва ли вы запомните о слиянии больше, чем ребенок помнит о своем рождении.

– Некоторые люди утверждают, будто помнят травму рождения.

– Таких – единицы.

Роджер взял свою золотую ручку и произнес:

– Сейчас я хочу поговорить с Дерри. Дерри, *выходите на свет*.

– Привет, Роджер! – сказала я. – Здорово, что вы меня вызвали.

– Дерри, вы, вероятно, слышали мой разговор с Салли. Вы согласны на слияние?

Я кивнула.

– Только у меня к вам просьба, Роджер. Знаю, у вас врачебная этика и все такое. Но пожалуйста, поцелуйте меня. В последний момент. Только по-

настоящему поцелуйте. Тогда все будет как в сказке – заколдованная красавица, прекрасный принц, поцелуй, который разрушает злые чары.

Роджер улыбнулся и кивнул.

– Ладно, Дерри, побуду вашим Прекрасным Принцем. Мой поцелуй разрушит колдовство, ваша мечта исполнится. Вы станете настоящей. *Ему известно, что скрывает мрак...*

Я скользнула обратно и уже из темноты слушала речь Роджера:

– Дерри, мы возвращаемся в то время, когда Салли обманом заставили убить Синдереллу. Сегодня сказка о девяти кошачьих жизнях станет былью. Итак, вы стоите над мертвым котенком, и на ваших глазах котенок оживает и бежит к вам на всех четырех лапках. Скоро полночь. А поскольку нам известно, что Дерри – это сердце Синдереллы, вы, Дерри, сейчас станете тем, кем были до трансформации. Лошади превращаются обратно в мышей, карета – в тыкву. А вы, Дерри, возвращаетесь в Салли. С двенадцатым ударом часов вы навсегда сольетесь с Салли и будете неразделимы, как когда-то давным-давно.

Роджер начал считать, и я увидела Салли на балу. Красивую, умную, элегантную Салли в очаровательном белом платье. Салли танцевала с Роджером. Раздался бой часов, я услышала голос Роджера – глубокий и звучный, взволнованный и нетвердый. Роджер жалел, что я исчезну навсегда!

– Один... два... три... – считал Роджер.

Салли выскользнула из его объятий и побежала вниз по ступеням. Ступени были окрашены в семь радужных цветов.

– Четыре... пять... шесть...

Хрустальная туфелька соскочила – все по сюжету. Салли бежала дальше. Нужно вернуться домой, пока чары не рассеялись.

– Семь... восемь... девять...

Скорее в карету! Кучер дернул поводья, шестерка белоснежных коней рванула с места. Под бой курантов карета мчится прочь от дворца. Еще миг – и Салли разжалуют из принцесс.

– Десять... одиннадцать... Двенадцать!

Внутренний помощник машет рукой. Роджер целует меня в губы, нежно-нежно. Поцелуй – вот и все, что запомнилось Дерри. Потому что Дерри растворилась, пожертвовала жизнью ради четвертой Салли.

Часть пятая

Глава 16

Открыв глаза, я увидела над собой встревоженное лицо Роджера и сказала:

– Ты все-таки меня нашел, мой Прекрасный Принц.

– Назовите свое имя, – произнес Роджер. – Для отчетности.

– Салли Портер.

– Как вы себя чувствуете?

– Так, словно я долго-долго бежала в темноте. Словно что-то потеряла и одновременно нашла самое себя. Я знаю, что я – Салли. Но я еще и Дерри.

Тирада не выражала всех моих ощущений, о нет. На самом деле я чувствовала полноту жизни и восторг. Мир был прекрасен, я любила в нем все и вся. Но не слюняво-щенячьей любовью; я отлично понимала, что в мире хватает зла, страданий и утрат. Которые, впрочем, совсем не обязательно коснутся меня. Мне ничего не грозит, думала я; у меня все будет хорошо.

Потом я заметила повязку на собственном плече.

– Я снова вытолкала что-то важное на задворки памяти, да, Роджер?

Он помог мне усесться на кушетке.

– Вы пережили тяжелое испытание, Салли. Шрамы останутся как на вашем теле, так и на вашей душе.

– Мне казалось, мои раны кто-то у врачевал. В течение целой секунды я была совершенно счастлива.

– Это объяснимо. Вы справились со многими бедами, и ощущение счастья обязательно будет к вам возвращаться. Периодически. Хотя могут всплывать и воспоминания, казалось бы, запрятанные достаточно глубоко. Они причинят вам боль. Разочарования в любви, утраты, приступы ненависти останутся в вашей памяти, но уже не смогут вывести вас из равновесия.

– Приступы ненависти? О чем вы, Роджер? В жизни никого не ненавидела!

– Это потому, что вы добрая и славная, Салли.

Роджер хотел еще что-то сказать, но, видно, счел момент неподходящим.

– В нашей культуре, Салли, усиливается тенденция «отпускать» свое внутреннее «я», позволять ему доминировать, «задвигать» когнитивные и

мыслительные процессы. Я научу вас некоторым полезным приемам. Они позволят держать себя в руках и избегать провалов. Ибо вам как раз нужен самоконтроль, иначе беда неизбежна.

– Мне эта тенденция не по душе, Роджер, не волнуйтесь.

– И все-таки время от времени вас может посещать отчаяние, ощущение, что все рушится. Сейчас вы в хорошей форме – не ждете волшебного спасения, сами контролируете свои мысли и действия...

– Внутренний я-помощник и куратор.

– Что, простите?

– Так, пустое. Почему-то всплыли слова в сознании. Кажется, я их от вас слышала.

– Верно. Но отныне вы будете справляться с собою и без них. Вы – сама себе проводник, сама себе стрелочник. Так мчитесь же на полной скорости и по основному пути.

– Ваши метафоры меня с ума сводят. А служебный вагон мне полагается?

– Приемы, стало быть, следующие...

– Уровень-то хоть приличный? До «Восточного экспресса» я дотягиваю?

Несколько мгновений Роджер подозрительно смотрел мне в глаза, словно пытался разглядеть нечто за зрачками.

Я встала на колени, подалась к нему, приблизила лицо к его лицу.

– Знаете, Роджер, а меня ведь две. По одной на каждую линзу ваших очков. Я об отражении говорю, если что.

Он взял мои руки в свои, развернул ладонями вверх.

– Это не повод для острот, Салли. Вас действительно две, и вы должны это четко понимать.

Я попыталась высвободить руки.

– Не шутите так, Роджер.

– А мне и не до шуток. Я не отпущу вас, пока вы кое-что важное не осознаете.

– Даже слушать не желаю.

– Знание – единственный способ защиты, Салли. Сегодня вы подверглись процедуре, которую можно приравнять к хирургической операции на головном мозге. Некто внутри вас – тот, кто усиливает ваш подавляемый гнев, – пытается снова вас расщепить. Вам нужно оружие для защиты.

– Несколько минут назад речь шла о приемах. А теперь вы говорите – оружие. Мне уже страшно.

– Хорошо, пусть будут приемы. Не в названии суть. Вообще опасная штука эти названия. У слов есть свойство: будучи произнесенными вслух, они способствуют материализации явления или предмета. Нет, мы не будем злоупотреблять словами. Не станем давать названия ощущениям, предчувствиям, образам. Вы очень восприимчивы, Салли. Вас и в дальнейшем будут посещать так называемые предвестники, или аура, которые, по вашему признанию, предшествовали провалам. Помните, вы говорили, что продолжительность таких состояний – считанные секунды?

– Нет, не помню.

– Так вот, пока память к вам не вернулась, вы будете пользоваться моими записями. Имейте в виду: в течение этих считанных, но решающих секунд у вас сохраняется шанс вернуть контроль над собой. Применим постгипнотическое внушение. Итак: вам достаточно крепко сцепить пальцы рук и трижды сжать их до боли, и тогда провал не наступит. Всякий раз, когда вас посетит аура, выполняйте это несложное упражнение. Заодно вы избавитесь от мигрени и снимете нервное напряжение. А главное – останетесь в сознании.

– Я все поняла, Роджер.

– Очень хорошо. *Ему известно, что скрывает мрак...*

Роджер заглянул мне в глаза.

– Как вы себя чувствуете, Салли?

– Скажем так: я себя чувствую. Точка. Я – здесь и сейчас. Я – цельная, материальная. Не знаю почему, только эти ощущения для меня в новинку. Словно раньше я была невесомая, как привидение.

– Вам нравятся новые ощущения?

Я подумала и кивнула.

– Да. Я самой себе кажусь более... настоящей.

Роджер стиснул мою ладонь, я ответила на пожатие.

– Да, Роджер, именно так. Я – цельная, из плоти и крови. И мне хорошо.

– Это чувство вас не покинет. Напротив, оно будет усиливаться. Правда, порой вас будет посещать подозрение, будто вы вновь стали призрачной. Все мы время от времени попадаем во власть иллюзий. Помните: если эти ощущения будут сопровождаться аурой – сжимайте руки, как я вас учил. Ну-ка, покажите, как надо сжимать руки?

Я повиновалась.

После сеанса, во время прощания, я уступила соблазну – чмокнула Роджера в щеку.

– Мне так хорошо!.. Это целиком и полностью ваша заслуга. Вы –

самый замечательный в мире доктор.

Он просиял.

– Вам, Салли, я тоже многим обязан. Хорошего дня. Встретимся послезавтра в это же время.

* * *

Уже на улице я подумала: наверное, так видят мир дети. Все для них ново и свежо. Я заглядывала в лица прохожих, останавливалась возле каждой витрины, запрокидывала голову, любуясь зданиями, мимо которых гуляла сотни раз. На Пятьдесят седьмой улице я не пропустила ни одного художественного салона. На Пятой авеню, увидев офис авиакомпании, стала думать о путешествиях. Здорово было бы путешествовать с Роджером. Правда, он наверняка уже бывал в Европе. Что ж, показывая мне новые места, он и сам увидит их с неожиданной стороны. Моими глазами. А я буду смотреть его глазами.

В том, что Роджер меня любит, я не сомневалась. Часть меня вспылала к нему еще при первой встрече. Он это переносом называет – ну и что? Я покажу ему: дело не только и не столько в переносе. Роджер за последние месяцы изменился. Душевнее стал, внимательнее, деликатнее.

Мне встретила женщина с двумя маленькими детьми, и я внезапно поняла, что тоже изменилась. О своих близнецах я не вспоминала с того дня, когда звонила Ларри. То есть очень давно. Снова время шутит со мною шутки. Некоторые дни растягиваются, как резинка. Другие дни, и даже целые недели, проваливаются, исчезают без следа, без воспоминания. Но как я могла забыть про родных детей? Нужно непременно с ними увидеться. Решено: я приеду к Пэту и Пенни без приглашения. Сюрприз устрою. Нет, нельзя. Ларри, наверно, ужасно на меня зол. За что? Да вот хотя бы за телефонные звонки, о которых я не помню. А я все еще люблю Ларри и хочу его вернуть. Нет. Не то. Я его не люблю и уж точно не желаю возвращения к прошлому. В чем тогда дело? Незаметно я оказалась в Рокфеллеровском центре. Села на скамью. Конечно, часть меня по-прежнему любит Ларри – ведь он женился на мне, забрал из кошмарного места, которое я называла домом. Только это была не любовь. Это была зависимость. Может, и с Роджером то же самое?

Я зашла в телефонную будку, нашарила в сумочке мелочь. После третьего гудка ответила Анна.

– Только не бросайте трубку. Это Салли.

– Боже! Опять! И как не надоест!

– Послушайте, Анна, я изменилась. Я звоню, чтобы извиниться перед вами и перед Ларри за все проблемы, что вам доставила. Я понимаю, вы проявляли ко мне огромное терпение. Я вам благодарна. К прежнему возврата не будет. Я прошла курс лечения. Врач очень знающий, опытный. Кажется, я совершенно выздоровела. Только не думайте, что я была сумасшедшая. У меня синдром... вы, наверное, о таком слышали – синдром расщепленной личности. В смысле, был. Сейчас я от этого избавилась. Неприятности причиняли мои альтеры. Поэтому я не помнила, что творила.

– Салли, это ты?

Голос принадлежал Ларри. Наверное, он взял трубку на параллельной линии.

– Да, это я – цельная, адекватная Салли, которая полностью себя контролирует. Я почти все теперь помню, и...

– Как-то по-другому говоришь, – выдал Ларри.

– Просто трюк новый выдумала, – предположила Анна.

– Ваши подозрения оправданны, хотя в данном случае и напрасны, – сказала я. – Вам необходимо понять, что в прежние разы я была не я, а несколько совершенно разных личностей. Может, как-нибудь я загляну в гости и тогда все объясню подробно и по-научному. Особенно мне хочется объяснить все детям, а то они, бедняжки, не понимают, что с их мамой происходило. Если бы Пэт и Пенни поняли, что я их очень люблю и что никогда не желала им зла, мне бы этого хватило для счастья.

– Похоже, на сей раз она не врет, – пробормотала Анна.

– Постой, Салли, – заговорил Ларри. – Ты и правда не досаждала бы нам, если бы дети все насчет твоей болезни поняли?

– Да. Клянусь.

– Ты же их захочешь отсудить, разве нет?

– Захочу, конечно. Я ведь мать. Но «захотеть» и «сделать» – разные вещи. Я понимаю теперь, что с тобой и с Анной детям лучше. Им нужны полная семья и стабильность, которые я обеспечить не могу. Я знаю, что в вашем доме Пэт и Пенни окружены любовью.

– Что ж, – произнес Ларри, – ты, верно, позвонила, чтобы поздравить близнецов с днем рождения. Если хочешь, я...

– Боже! День рождения! Как я могла забыть! Подожди, разве это нынче? Разве не завтра?

– Завтра мы для них устраиваем детский праздник. В час дня. Можешь прийти.

– Спасибо, Ларри! Как раз успею купить подарки. Не беспокойся,

никакой фортель я не выкину. Я научилась себя контролировать.

Повесив трубку, я поспешила на Шестую авеню. Ах, жаль, мне неизвестно, какие игрушки уже есть у моих детей, о каких подарках они мечтают. Мне вообще почти ничего не известно про Пэта и Пенни. Мои родные дети для меня все равно что первые встречные на улице, как ни тяжело констатировать этот факт. Погрязшая в собственных проблемах, я проворонила их детство и риску проворонить отрочество.

Я долго бродила по торговому центру, выискивала вещи, которые долгие годы будут напоминать моим детям обо мне. Сначала я хотела купить для Пэта шахматы из слоновой кости и эбенового дерева. Потом задумалась: учила я сына игре в шахматы или не учила? Да что там игра; я не уверена даже, сколько лет исполняется близнецам! Впрочем, нетрудно подсчитать. В год окончания школы мне было девятнадцать. Или восемнадцать? Нет, девятнадцать. Значит, близнецам исполняется одиннадцать. Нет, десять. Если мне двадцать девять, тогда им... Стоп. А мне двадцать девять или двадцать восемь? Я нашарила водительские права, уставилась на год рождения. Прислонилась к стене. Мне двадцать девять, близнецам исполняется десять. Но какие ужасные пустоты в моей памяти!..

Я остановилась на масляных красках для Пенни и фотоаппарате для Пэта. Также я купила две книги – проверенную временем классику. Подарки мне завернули в нарядную бумагу, и я поспешила домой – нужно было как следует подготовиться к встрече с детьми и бывшим мужем.

* * *

В автобусе, который катил в Энглвуд, меня посетило дежавю. Напрасно я уверяла себя, что никогда не приближалась к новому дому Ларри и в глаза не видела его жену, – перед моим мысленным взором навязчиво стоял неуклюжий двухуровневый дом из красно-желтого кирпича, этакое псевдоранчо, с четырьмя нелепыми колоннами и бутафорским газовым фонарем на лужайке.

Все оказалось в точности как я представляла. Следовательно, это не дежавю. Следовательно, я уже бывала здесь. Воспоминание покоилось на дне океана моей памяти, но начался отлив, обнажился песок, а на песке – выбеленный скелет морского чудовища.

Да, я не сомневалась, что еду к Ларри впервые, однако память подсунула еще одну картинку – полицейского в побитом «Мерседесе». Дом, погоня, полицейский.

Хотя я поспешно присыпала скелет песком, ребра и позвонки выделялись, как на барельефе.

Навстречу мне вышла Анна. Вторая жена Ларри оказалась миниатюрной и большеглазой, с беличьими повадками. Анна то и дело вздрагивала всем телом, жесты были резки и суетливы. Создавалось полное впечатление, что от неожиданного звука она вполне может сигануть на дерево.

– Ларри поехал покупать торт, скоро вернется, – объяснила Анна.

– У вас красивый дом.

– Да, я его обожаю. А вот этот газовый фонарь я сама выбирала. Не правда ли, он придает всему дому поэтичности?

– Я приехала слишком рано – боялась опоздать, и не терпелось увидеть детей. Вы уж извините, Анна.

Она провела меня в гостиную, заставленную фарфоровыми балеринами, искусственными цветами в псевдокитайских вазах эпохи Минь и прочими пылесборниками. По стенам висели дрянные пейзажи с римскими развалинами и слащавые изображения викторианских садов.

– Что за прелестная обстановка, – сказала я.

– По-моему, вкус у детей развивается сам собой, если их с ранних лет окружить красивыми вещами, – отозвалась Анна.

В дверном проеме появились Пэт и Пенни. На их мордашках читались любопытство и робость – как в зоопарке перед клеткой с неведомым зверем. Дети явно не знали, как ко мне обратиться, как меня называть. За последний год они очень выросли. У обоих еще сохранился летний загар. Золотисто-каштановые волосы Пэта были пострижены очень коротко. Он был в коричневых брючках и густо-синем блейзере. Пенни нарядили в платье из зеленой органзы, а волосы завили в тугие, какие-то кукольные локоны-спирали. Словом, мои близнецы будто сошли со страниц каталога детской одежды «Здравствуй, школа!».

Я простерла к ним руки, и близнецы, явно неохотно, сделали мне навстречу по паре шагов. Я обняла и расцеловала обоих, но ответных ласк не получила.

– Покажите маме ваши комнаты и игрушки – ей будет интересно. А я должна накрывать на стол, – сказала Анна.

В обеих детских лежали раскрытые книги – значит, мои близнецы по-прежнему любят читать. Это замечательно. Мы заговорили о книгах, о спорте. Пэта явно впечатлили мои познания в футболе. Я, в частности, выдала, что «Даллаские ковбои» будут в плей-оффе и уже в этом году поборются за суперкубок. Пэт, даром что болел за «Джайантс», согласился:

занятно было бы поглядеть на Роджера Стобэка в деле.

– Видишь ли, сынок, я всегда любила футбол, – сказала я. – В школе даже была чирлидером.

– А почему ты раньше не рассказывала? – удивился Пэт.

– Как это не рассказывала? Да ты просто забыл! – рассмеялась я.

– Если б ты рассказывала, я бы помнил. У меня хорошая память.

Что это я такое несу? Какой футбол? Никогда я им не увлекалась, кто такой Роджер Стобэк, понятия не имею, и слово «плей-офф» – не из моего активного словаря. Тем не менее Пэт мою тираду скушал и нелепостей в ней не обнаружил. Допустим; но чтобы я была чирлидером – это уж совсем ни в какие ворота.

– Терпеть не могу футбол, – скривилась Пенни. – Ужасная игра. Жестокая.

– Вот и Анна так говорит, – посетовал Пэт. – Не дает мне смотреть матчи.

– Папа скоро вернется, – сказала Пенни. – Ты при нем будешь себя чудно вести, да?

– О чем ты, доченька?

Пэт пихнул сестру локтем, и она осеклась на полуслове.

Я не стала допытываться, однако объяснения долго ждать не пришлось. Пэт как раз хвастал коллекцией марок, когда Пенни прорвало:

– Я тоже не помню, чтоб ты про свое чирлидерство рассказывала! Раз мы с Пэтом оба не помним, значит, мы становимся как ты, да?

– В каком смысле?

– Анна говорит, папа ей рассказывал: ты, как вытворишь что-нибудь, потом ничего не помнишь. Если мы с Пэтом что-то забываем или врем, Анна злится. Вы, кричит, все в свою мать.

Пэт еще раз пихнул Пенни, но она его взглядом чуть не испепелила.

– Не нуждаюсь я в твоих предупреждениях, Пэт. Потому что это все правда. Скажешь, Анна так не говорит?

Я чуть со стыда не сгорела.

– Мам, тебе плохо? – забеспокоился Пэт. – Ты чего такая красная?

– Нет, я в порядке. Душновато у вас. Знаете, дети, я была нездорова. Не всегда помнила, что делаю. Но я никогда не лгала. Меня считали лгуньей, а я просто забывала разные события, вот и все.

– И с нами тоже так будет? – спросила Пенни.

– Ну что ты, милая! Нет, конечно! Дети совсем не обязательно болеют тем же, чем родители. У вас с Пэтом отличная память.

Пенни потеряла кулачком щеку и вдруг всхлипнула.

– На прошлой неделе я забыла тетрадку с домашней работой! А еще я потеряла деньги на завтрак, а Пэт, когда контрольную по математике решал, забыл сделать последнее задание.

– Это пустяки, ничего не значит...

– Мы становимся как ты! – вскрикнула Пенни. – А я не хочу! Не хочу! Ой, хоть бы я не стала как ты!

Пэт не выдержал – стукнул сестру. Она взвизгнула и лягнула его. Пэт схватил Пенни за длинный локон и закричал:

– Заткнись! Папа велел ее не обижать! Не то она нас зарежет!

Меня бросило в дрожь. Стало трудно дышать, в основании черепа появилась давящая боль. Что-то я должна сейчас сделать, только вот что именно? Я не помнила. Мои ощущения точно были аурой. По всему телу шла дрожь, прошиб холодный пот.

Мои дети продолжали драку. И вдруг в моей душе возникла ненависть к родному сыну. Захотелось броситься на него, вцепиться ему в горло, душить, душить...

И тут я вспомнила. Сцепила пальцы рук и трижды сжала их до боли. Потом повторила прием. АURA отступила, тело, занемевшее и похолодевшее, снова стало теплым, живым.

– Погляди на нее! – крикнула Пенни.

Оба уставились на меня.

– Ты сейчас в обморок упадешь, да? – спросил Пэт.

– Не убивай нас! – заплакала Пенни.

Пэт бросился вон из комнаты с криком:

– Я лучше Анну позову!

– Не надо! – выдохнула я. – Не бойтесь, я не причиню вам зла. Ни вам, ни Анне, ни папе. Я в порядке. У меня просто голова закружилась. Уже все прошло. Не надо волновать Анну. И вообще, мне уже пора.

Я почти бегом спустилась со второго этажа, проскочила через захламленную гостиную, успев подумать «Вот в таких комнатах и зарождается у людей клаустрофобия».

Появилась Анна.

– Не понимаю, куда запропастился Ларри. В Мексику он за тортом поехал, что ли?

– Мне пора идти. К сожалению, я не могу дожидаться Ларри – у меня важная встреча.

Вопросительный взгляд, затем – гримаса облегчения.

– Вот как? Что же вы, и торта не попробуете? Пенни с Пэтом так ждали вас.

Ох, как хотелось крикнуть ей в лицо: «Лжешь!» Но я натянула улыбку.

– Я на диете, мне лучше избегать подобных искушений.

– Понимаю. Скажу Ларри, что вы заходили.

– Привет ему передавайте.

– Он расстроится, что вы с ним разминулись.

Я поспешила уйти, пока Ларри нет. Что-то подсказывало: если увижу бывшего мужа, никакие приемы самоконтроля не помогут.

Уже подходя к автобусной остановке, я заметила машину. За рулем сидел Ларри. Он повернул голову и окликнул меня, однако я притворилась, будто не слышу и не вижу. Будто я – не я. Я ускорила шаг, потом побежала. Ларри дал задний ход.

– Салли! Ты не в ту сторону бежишь! Дом – он вон он! Садись в машину!

Я не рискнула ни ответить Ларри, ни даже взглянуть на него.

– Ты что, опять, Салли? Опять за старое?

Я продолжала идти. Я смотрела прямо перед собой, но краем глаза все-таки уловила отвращение на лице Ларри. В следующую секунду он переключил скорость. Машина резко рванула с места.

В автобусе пассажиры – кто украдкой, а кто и в открытую – наблюдали за молодой женщиной, которая, плача, заламывала пальцы.

Глава 17

Тот факт, что я сумела удержаться от провала и переключения, Роджер счел хорошим знаком.

– А на что я могла переключиться, Роджер?

– Воздержимся от обсуждения, Салли. Ситуация такова, что некоторые вещи лучше не вытаскивать из мрака.

Под мокрым песком проступил очередной скелет.

– Вообще-то, я думала, что цель применения глубинной психологии – извлечение на свет всего, что накопилось в подсознании, с тем, чтобы это все не спровоцировало симптомы недееспособности.

– Да, в большинстве случаев так и следует поступать, – закивал Роджер. – Но вам сейчас требуется время, чтобы свыкнуться с новой Салли. Ваше состояние нестабильно. Ваши чувства к близнецам ясно свидетельствуют: ярость готова прорваться наружу.

– Значит, я правильно сделала, что ретировалась?

Роджер снова кивнул.

– Это был первый тест на самоконтроль. Вот вам пример: когда испытывают на прочность новую дамбу, ее не подвергают в полном объеме тому давлению воды, на которое она изначально рассчитана. То же самое с вами. Вы должны постепенно увеличивать давление, чтобы шаг за шагом проверять и накапливать сопротивляемость.

– Изменения, произошедшие с моими детьми, причинили мне жестокую боль. Я почти не сомневалась, что сорвусь.

– Однако же вы не сорвались, и за это вам положена награда.

– Поведение мое будете модифицировать, да?

– Отчасти. Способ стар как мир. Хочешь закрепить хорошее – награди; хочешь изменить плохое – накажи. Хотя многие психиатры находят это неэтичным, есть и те, кто добился таким способом определенных успехов. Модификацию поведения они считают эффективным инструментом.

– Хорошо. Как будете меня награждать?

– А чего вы хотите в качестве награды?

– Прогулки по городу. С вами. Прямо сейчас.

Глаза Роджера затуманились, и я поспешно добавила:

– Разумеется, если, по-вашему, это неподходящий способ...

– Способ подходящий. И мне очень хочется пройти с вами. Проблема в другом. У меня на сегодня еще люди записаны. Сами знаете, до

чего неприятно, когда сеанс отменяют.

– Извините, я как-то не подумала. Чудовищный эгоизм с моей стороны. Сама-то я свободна, вот и забыла про других.

– Зато вечером я в вашем распоряжении, – произнес Роджер. – Куда пойдем – в ресторан, в театр или в дансинг?

– По-моему, можно всюду успеть. Или я жадничаю?

– Ваша награда – ваши правила.

Мне хотелось поцеловать Роджера, но я сдержалась. Счастья отпущено немного, нельзя его сразу все потратить. Как однажды заметил Фрэнсис Скотт Фицджеральд, остаток на эмоциональном счете становится все меньше. Нельзя допустить превышение кредита.

– Ладно, поброжу по городу в одиночестве, найду себе какое-нибудь интеллектуальное занятие до вечера. Пожалуй, изменившись, я и Нью-Йорк буду воспринимать иначе. Вы меня понимаете, Роджер?

– Не совсем. Могу лишь догадываться о ваших ощущениях. Вероятно, вам кажется, что вы вернулись в знакомый город после многолетнего отсутствия. Такое отсутствие не может не изменить человека, а человек изменившийся видит все иначе. Под непривычным углом.

Мы договорились встретиться в «Дочери лошади», поужинать и поехать на спектакль из категории «не для всех». Роджер проводил меня до двери, и там-то я изловчилась – прильнула к его губам. Он опешил. Застыл. Окаменел. Через секунду его отпустило. Правда, он не ответил на мой поцелуй, но и не отстранился. Спасибо и на том.

* * *

Раз мы все равно назначили встречу в «Вилледж», я решила поехать прямо туда. До Вашингтон-сквер я добралась на метро, вышла, и, к своему удовольствию, наткнулась на вернисаж под открытым небом.

От созерцания картин возникли новые чувства; впрочем, они казались мне странно знакомыми. Я от них отмахнулась, понаблюдала за шахматистами в парке, за детьми в песочнице.

В пять я вошла в кофейню, где у нас была назначена встреча.

В «Дочери лошади» был праздник по случаю расширения площади. Ступив в дополнительный зал, я обнаружила, что стены в нем, как и в старом зале, оклеены европейскими газетами, только не пожелтевшими от времени, а свеженькими. Этакая опереточная нищета. Полный диссонанс со старым залом. Может, когда эти газеты пожелтеют, между двумя

помещениями и появится некое подобие единого стилистического решения.

Эйб Коломбо заметил меня и вышел из-за барной стойки. Вид у него был недовольный.

– Ты, Нола, здесь персона нон-грата.

Я подумала, что ослышалась.

– Человеку, который портит чужие картины, в нашем заведении не место, – продолжал Эйб.

– Ничего не понимаю.

– Со *своими* работами ты что хочешь вольна делать. Жги их, рви, кромсай, сколько влезет. Не возбраняется. Но портить произведения других художников – это низость.

– Да о чем ты, Эйб?

– Если Мейсон тебя здесь застукает, ты труп. А мне ни трупы, ни убийцы в заведении не нужны.

– Клянусь, я к ее картинам пальцем не притронулась.

– А Мейсон утверждает, что ты их ножом искромсала. Так что уходи, да поживей.

– У меня здесь свидание назначено.

– Нола, ты что, оглохла? Я же говорю: Мейсон тебя убьет, если увидит. А она сюда каждый вечер приходит. Повторяю – сматывай удочки, пока цела.

Меня охватила ярость. Воздух вдруг показался разреженным, лишенным кислорода.

– Это – общественное место, а я ничего плохого не сделала. Хочешь, чтобы я убралась – валяй, примени силу. А я, в свою очередь, в суд на тебя подам.

Кулаки сами собой сжались, мне нелегко было расцепить пальцы. Ладони стали липкими от пота.

Эйб смотрел мрачно.

– Знаешь, Нола, было время, когда я тебе симпатизировал. Последний раз предупреждаю: если Мейсон устроит драку, я на суде дам показания против тебя.

И он отошел, а я села за круглый столик у окна. Меня трясло, голова трещала. Я с трудом подавляла желание шарахнуть о стену пепельницу, расколотить солонку и перечницу. Нельзя, говорила я себе. Я должна себя контролировать. Чтобы не сорваться, я обеими руками вцепилась в столешницу. Так, бывало, я сидела в классе. Теперь я не сводила глаз с улицы, молилась, чтобы Роджер пришел поскорее.

Жена Эйба, Сара, в своих черных лосинах и белом переднике,

двинулась было ко мне с планшетом и кусочком мела, однако передумала, прошла мимо. Все посетители до единого косились на меня, перешептываясь. Неужели им известно нечто, чего я не помню? Неужели отлив обнажит очередной скелет? В последний раз я видела Мейсон, когда вела Тодда к себе в мастерскую, чтобы показать ему свои работы. Тодд целовал меня, потом уложил на кушетку. Дальше – полный мрак. Следовательно, имело место некое событие, и потому-то сейчас мне хочется устроить погром в «Дочери лошадиника». Нет, погрома не будет. Я дождусь Роджера, а поужинаем мы где-нибудь в другом месте.

Вошел Кирк Сильвермен. Я помахала ему, но он сделал вид, что не видит меня. Почему? Я была у Сильвермена на пятничной вечеринке. Точно помню, как входила в его квартиру – только не помню, как выходила. То есть первый акт был, а вот со вторым проблемы... Господи, когда же в моей памяти не останется белых пятен?

И тут на улице появилась грузная, неуклюжая, почти квадратная Мейсон, топавшая к кафе. Наши взгляды встретились.

О Мейсон мне было известно лишь, что она состоит в городском ЛГБТ-сообществе. Помню, при первой встрече Мейсон мне понравилась – этакий добродушный пекинес. Именно так я о ней подумала, когда пришла арендовать часть студии. Теперь пекинес, похоже, собрался в меня вцепиться своими крепкими, острыми клыками. Первым моим побуждением было сбежать через служебный вход, но я замешкалась. Мейсон, расталкивая всех на своем пути, направлялась прямо ко мне. Сара Коломбо попыталась ее задержать. О чем они говорили, я не слышала, только видела, как багровеют вислые щеки Мейсон. Она оттолкнула Сару и рванулась вперед.

– Ах ты, дрянь! Теперь держись! Пришел твой последний час!

Я продолжала сидеть на месте, слушать, как в висках пульсирует кровь, ощущать пот на ладонях.

– Постой, Мейсон. Эйб мне рассказал про твои претензии. Клянусь, я к твоим картинам не притрагивалась.

– Врешь, мерзавка! Давай, выходи. Я тебе мозги прочищу, раз память отшибло.

– Не стану я с тобой драться, Мейсон. Если я действительно нанесла тебе ущерб, выстави счет – я все оплачу. Ты мне всегда внушала симпатию. Попытайся понять – я была нездорова. Как бы не в себе. В смысле, если я чего и натворила, то это сделала не я...

Мейсон дала мне оплеуху.

– Это для начала! А сейчас я тебя на кусочки порву!

Меня прошиб холодный пот – предвестник провала. Но я держалась. Я твердо решила остаться в сознании. Слишком много зависело от этого сейчас. Я сцепила пальцы.

Мейсон схватила меня за локоть. Мои пальцы разжались. Мейсон выволокла меня в центр зала. Толпа расступилась, образовав ринг. Эйб бросился было нас разнимать, но, видя, что сила на стороне Мейсон, остановился и принял позу Наполеона.

– Не надо, Мейсон! – просила я, пытаюсь снова сцепить руки. – Клянусь, я не со зла. Я все оплачу...

Она ударила меня кулаком под дых. Я упала, Мейсон взгромоздилась сверху и распяла меня на полу. Видит бог, я не хотела драться. Но вдруг поняла: если я не дам отпор Мейсон, это сделает кое-кто другой. Поэтому я стала извиваться под ее грузным телом, высвобождать руки. В затылке нарастала боль. Мне удалось пихнуть Мейсон коленом. Я вскочила.

Я применила к Мейсон бросок через спину с захватом руки и шеи. Одному богу известно, где я выучилась таким приемам. Мейсон хрипела, дергалась все слабее. Кто-то произнес: «Раздробь ей череп. Сломай ей шею!» И я поняла: мне это сделать проще простого.

Над поверженной Мейсон я соединила ладони. Пальцы левой и правой рук переплелись. Локтем продолжая удерживать Мейсон в беспомощном положении, я стиснула руки. Раз.

«Убей эту суку! Убей!»

Сначала казалось, что меня подначивают из толпы. Потом я поняла: голос звучит в моей голове. Мои движения были замедленны, зато все вокруг мельтешило, как в фильмах, снятых на заре кинематографической эпохи.

Мейсон извивалась, пытаюсь ударить меня по голове; я была ловчее. Я совершенно успокоилась, я контролировала ситуацию. Правой рукой чуть потянув за левую, вовсе не желая причинить Мейсон боль, я на миг перекрыла ей кислород, а сама тем временем стискивала пальцы. Два. Три.

– Давай поговорим, Мейсон, – спокойно сказала я. – Сейчас я дам тебе подышать, а ты за это должна меня выслушать. Кивни, если обещаешь больше не драться.

Мейсон издала булькающий звук и кивнула. Я чуть ослабила хватку. Теперь Мейсон получала достаточно воздуха, но вырваться не могла.

– Видишь ли, Мейсон, не я эту драку затеяла. Ты, верно, думала, что мигом со мной разделаешься. Однако я сильнее, чем кажусь на первый взгляд. Стоит мне только пожелать – и я тебе шею сломаю. Ты понимаешь?

Мейсон кивнула.

– Я была больна. Сейчас не могу всех подробностей рассказать. Меня мучили провалы в памяти. В такое время я устраивала разные безобразия, сама не ведая, что творю. Точно так же не помнит о содеянном тот, кто перебрал со спиртным или употребил наркотическое вещество. Только, в отличие от алкоголика или наркомана, я в своих провалах не виновата. Прости ее – в смысле, меня – за то, что было сотворено с твоими картинами. И обещай, перед многочисленными свидетелями, что, когда я тебя отпущу, ты не попытаешься взять реванш. В противном случае я могу потерять контроль над собой, и тогда тебе очень сильно не поздоровится. Я не хочу причинять тебе боль, наносить увечья, однако бывают моменты, когда я за себя не отвечаю. В данный момент я на грани, и знала бы ты, до чего мне трудно балансировать и не срываться...

В собственном голосе мне слышалось отчаяние. Мейсон чуть повернула голову, увидела мои глаза, и ее лицо, до сих пор искаженное ненавистью, вытянулось от страха. Она попыталась кивнуть, захрипела:

– Да... понятно... отпусти... я... тебя... не трону...

Я отпустила Мейсон; она откатилась от меня, села на полу, обеими ладонями потирая намятую короткую шею. Я поднялась. Через минуту подняться удалось и Мейсон.

– Я ухожу и больше никогда не переступлю порог этого заведения, – заговорила я. – Если мы с тобой, Мейсон, случайно столкнемся на улице или еще где-нибудь, давай просто сделаем вид, что незнакомы. Еще раз прошу прощения.

Мейсон попятилась, я шагнула к столику, взяла свою сумочку. Оглядела напоследок зал, вышла на улицу.

Роджер нагнал меня, когда я пересекала Макдугал-стрит. Сразу почуял неладное.

– Что случилось, Салли?

Внезапно испарились мои сила, выдержка, хладнокровие. Если бы Роджер не подхватил меня, я бы упала прямо на улице.

– Что случилось? Кто вас расстроил?

Я заплакала.

– Роджер, пожалуйста, отвезите меня домой. Мне холодно. Умоляю, отвезите меня домой!

В такси я все рассказала.

– Роджер, мне хотелось ее убить. А потом найти какое-нибудь укромное место, вроде чердака, и перерезать себе горло.

– Тем не менее вы ничего такого не сделали, – утешал Роджер. – Еще несколько недель, а может, и несколько дней назад вас бы постиг провал. А

сегодня вы сумели выстоять, защитить себя без посторонней помощи. Я горжусь вами, Салли.

– Но я же хотела ее убить!

– Нормальное человеческое желание. Людям свойственно желать смерти ближнему. Умение контролировать подобные импульсы говорит о личностной зрелости и торжестве цивилизованности над дикостью.

Такси подъехало к моему дому. Роджер расплатился с таксистом и хотел уже прощаться.

– Вам придется зайти ко мне, Роджер. Честное слово, я сейчас не смогу быть одна.

Он колебался, но все-таки кивнул. Я взяла его под руку, и мы стали подниматься по лестнице.

– Роджер, почему я не помню про инцидент с картинами Мейсон? Память словно резинкой стерли.

– Очень многие события в жизни наша память услужливо стирает своей особой резинкой, Салли. Мы отрешиваемся от болезненных воспоминаний. Мы вымарываем наши моральные травмы и дурные сны чернилами амнезии. В памяти образуются такие черные дыры. С течением лет одни раны зарубцовываются, но продолжают гноиться под непрочной корочкой, а другие кровоточат и саднят. Впрочем, каждый из нас вырабатывает особые повадки, чтобы не беречь ни рубцов, ни ссадин.

– Я ведь не вылечилась, Роджер?

– Пока – нет. Но вы на пути к выздоровлению.

– Вы от меня что-то скрываете.

– Поверьте, я делаю это для вашего же блага. Не нужно спешить.

Я примостилась на диване рядом с Роджером, прикинула щекой к его груди. Сердце у него запрыгало.

– Как же мне не спешить, Роджер? У меня скверное предчувствие. Что-то случится со мной. Что-то ужасное. Значит, нужно ловить каждую минуту – ведь кто-то продолжает красть у меня время. Я привыкла запирать квартиру, чтобы воры не украли мои деньги, но только недавно догадалась, что всю жизнь у меня похищают время. Минуты, часы, целые дни. И новые взять неоткуда. Время не продается. Время не поместишь на банковский счет, под проценты, не вложишь в ценные бумаги. Его можно только тратить – по одной секунде. А те, другие люди – альтеры – годами проникали в мой разум, оккупировали его на целые часы, на целые дни и ночи. Только подумайте, какой ущерб мне нанесен! У меня столько похищено, что теперь я должна спешить жить!

– Салли, да у вас лихорадка!

– Держите меня крепче, Роджер. А то я расщеплюсь.

Он обнял меня.

– Просто не прошло еще потрясение от встречи с Мейсон. Ничего, оно пройдет. Обязательно. Попробуйте расслабиться. А я вам помогу. *Ему известно, что скрывает...*

Я прервала его речь поцелуем. Я повисла на Роджере и впилась ему в губы. Он ответил с готовностью, с жадной страстью.

Наконец оторвавшись от моих губ, он чуть отстранился, заглянул мне в глаза.

– Почему ты не дала мне применить гипноз?

– Потому, Роджер, что я хочу оставаться в сознании.

– Не следовало мне тебя целовать.

Я приложила палец к его губам.

– Я первая начала.

И я снова поцеловала Роджера – на сей раз едва коснувшись его губ.

– Роджер, я тебя люблю.

Он качнул головой, отодвинулся и даже встал.

– Это неправильно, Салли.

– Ты ведь тоже этого хочешь. Я же чувствую.

– Мне пора идти.

– А я как же? Одна останусь? Не хочешь любить меня – по крайней мере, возьми меня. Возьми.

– Да не могу я! – вскричал Роджер. – Как ты не понимаешь? Господи! Из-за этого моя жена и повесилась!

Этими словами он мне словно пощечину влепил.

– Как – из-за этого, Роджер?

– Когда мужчину постигает синдром эмоционального выгорания, это касается всех аспектов жизни, не только отношений с пациентами. Становится плевать на всех, понимаешь? На чужих, на своих, на жену, на детей, на родителей – на всех без исключения. Вроде как-то живешь – ходишь, говоришь, ешь, пьешь. А на самом деле ты мертвый.

Он принялся мерить шагами комнату, то и дело встряхивая головой. Слова лились, словно вода из прорвавшейся трубы.

– Несколько лет я успешно скрывал свое состояние от коллег и даже от пациентов. Только от жены скрывать не получалось. Я пытался убедить ее, что она не виновата. Что я не охладел к ней, не разлюбил ее. Но я выгорел как физически, так и эмоционально, ведь мой разум и тело – одно целое. Невозможно день и ночь иметь дело с душевнобольными людьми, перегружая разум, и надеяться, что это никак не скажется на физическом

состоянии. Тем более что выгорание происходит не вдруг. Поначалу весь отдаешься заботам о пациентах, чужие трагедии переживаешь как свои. А потом черствеешь душой, потому что трагедии так похожи! У всех пациентов биографии словно под копирку писаны. И в определенный момент становится на них наплевать. Думаешь: на что они все мне сдались? Разве у меня близких нету? Заботиться не о ком? Только подвох-то в том, что ты уже все эмоции на чужих людей растратил и на близких ничего не осталось. Обнаруживаешь это с ужасом и начинаешь тщательно скрывать. От тебя ждут сочувствия – и ты изображаешь сочувствие. Презираешь себя за такое лицемерие, но быстро находишь оправдание для лжи – я-де все во благо людям делаю. Однако и это ложь. Потому что люди чувствуют, каким от тебя холодом веет. Отчуждение от них не спрятать. Особенно восприимчивы шизофреники. Вот кого не проведешь. Знаешь об этом, а все-таки пытаешься провести. Возникает чувство вины и точит душу, как соляная кислота.

В глазах Роджера сверкнули слезы. Невыносимо захотелось обнять его, но я не посмела. Иначе он бы не выговорился до конца.

– Линетт первой заметила перемену. Она чуткая была, нежная, трепетная. Когда стало ясно, что я больше не могу заниматься с ней сексом, она во всем обвинила себя. Слова любви, не подтвержденные действиями, не убеждали Линетт и не удовлетворяли ее желаний.

Теперь ты видишь, Салли? Линетт не совершала самоубийства. Я ее убил. Все равно что собственными руками петлю на ее горле затянул, сам табуретку выбил у нее из-под ног. Я это сделал. Потому что я – мошенник. Полный человек, притворяющийся живым и теплым.

Я взяла его руки в свои и усадила рядом с собой на диван. Роджер не сопротивлялся.

– Хорошо, что ты мне все рассказал. Ты прав: душевнобольного невозможно обмануть. Мы, Роджер, чувствуем, когда врач изображает заботу. Но мы чувствуем и кое-что другое, а именно: когда врач пытается скрыть чувства, по его мнению, несовместимые с врачебной этикой.

Роджер попытался возразить; я закрыла ему рот ладонью.

– Послушай меня, милый. Может, ты действительно перегорел. Но это было давно. Все изменилось. Я знаю, я тебе не безразлична. А раз ты способен на чувства к одному человеку, значит, ты не полный. Ты живой и теплый. Ну-ка, посмотри мне в глаза и скажи – если, конечно, у тебя язык повернется, – что не любишь меня.

Он качнул головой.

– Ты права. Я люблю тебя.

Я погладила его по щеке.

– А если так, и если разум и тело – одно целое, значит, ты можешь проявить свое чувство ко мне и на физическом уровне.

– Салли, не надо...

Я стала целовать его нежно-нежно. Расстегнула его рубашку, коснулась губами ямки на горле. Роджер вздрагивал от моих поцелуев, разрывался между боязнью фиаско и чувством вины в случае, если все получится. Я стала медленно его раздевать, и тут он буквально набросился на меня, сорвал блузку. Тогда я отстранилась, к большому удивлению Роджера.

– Давай не будем спешить, милый. Пусть все происходит постепенно. Пока просто полежим, пообнимаемся...

Мы касались друг друга еле-еле. Мое тепло из кончиков пальцев перетекало к Роджеру, и тот же эффект имели его несмелые ласки. Он целовал мне грудь, гладил бедра. Скоро мы с ним добились эрекции.

– Салли, – шептал Роджер. – Как давно я этого не испытывал. Только нам нельзя...

– Можно. Я – настоящая, цельная. И ты тоже сейчас станешь настоящим.

И он вошел в меня, и я его приняла. Но в тот же миг возникла аура. Я сцепила ладони за головой Роджера, стиснула пальцы. Боль пульсировала в основании черепа. Каждый рывок его тела отдавался в голове, будто мой череп был ступкой, а мозг – субстанцией, которую требовалось истолочь.

Мне хотелось вопить, но я знала – вопль и даже стон спровоцируют фиаско, которое нанесет Роджеру чудовищную моральную травму. Я вопила мысленно, стискивала пальцы, боролась с головной болью, грозившей расколотить мой череп. «Нет! Оставь меня в покое! Я должна стать цельной личностью!»

Роджер любил меня, и я отвечала на его ласки, захлебываясь от боли. Когда все кончилось, он нежно меня поцеловал. Я расцепила пальцы, и тут-то боль завладела мною. В мозгу раздался знакомый визг, эхо оттолкнулось от стенок черепной коробки. И я вспомнила ту, о которой давно забыла, и больше не могла ей противостоять.

Джинкс вырвалась с диким визгом.

Волосы у нее были как змеи, а взгляд, наверно, мог обратить в камень. Джинкс бросилась на меня, подобно исчадию ада, и выбила, точно драгоценный кубок, ощущение реальности из моих рук. Мир стал оптической иллюзией. Только что я была амфорой, вместилищем любви Роджера – и вот расщепилась на два профиля, уставившихся друг на друга.

Джинкс подмяла меня. Завладела ситуацией. А мне оставалось смотреть со дна черной бездны, слушать, чувствовать ее черной душой.

Джинкс взглянула на немолодого доктора, что держал ее в объятиях, и плюнула ему в лицо.

Доктор вскинул руки для защиты от плевка, и Джинкс прошла острыми ногтями по его кисти, затем схватила доктора за волосы и давай пинать его, лягать, колотить, визжа и вращая глазами.

– Ах ты ублюдок! Старый пачкун! Выродок! Лапы свои грязные убери! Сукин сын! Я тебе глаза сейчас выцарапаю! Я тебя задушу!

Обнаженная, Джинкс рванула в кухню и вернулась с ножом для разделки мяса. Нет, во второй раз паршивец психиатр от нее не уйдет! А когда он испустит последний вздох, когда захлебнется собственной тухлой кровью, Джинкс получит полную свободу. Тело будет в ее распоряжении, и разум тоже, и вся жизнь. Она начнет кровавую миссию. Неуязвимая, она станет умертвлять направо и налево, за дело и просто так, безжалостно и быстро. Полиция ее не поймает, отвечать за содеянное придется другим. То есть другой. Сукин сын слил трех альтеров, осталась только четвертая Салли. Эту Салли и накажут, а Джинкс никому ни за что никогда не поймать.

Но прежде будут прах и кровь. Кровь Эша^[33].

Эш глядел на нее из дверного проема. Штаны успел натянуть, урод. Сгреб подушку с кожаного кресла. Значит, они будут драться! Джинкс стащит кожу с Эшева трупа и приколотит эту кожу к стене, прямо над кроватью. Нет, не с трупа. С живого Эша. Джинкс хочется услышать, как он воет, вопит и хрипит. Пусть просит пощады – Джинкс будет неумолима. Эшева душонка, едва покинет его грязное тело, отправится напрямик в ад.

– Я хочу, чтоб ты мучился! – взвизгнула Джинкс. – Чтоб ты сдох в мучениях!

И размахнулась ножом. Лезвие пропороло подушку.

– Джинкс, прошу тебя, успокойся, – произнес Эш. – Давай поговорим.

– Ага, разбежалась! Ты словами убить можешь! – прохрипела Джинкс. – Ты свои словеса людям в глотки запихиваешь. Ты и жену свою задушил, ты ее на веревке из словес вздернул, а веревка на дереве познания болталась. Словоблудник! Ты слова не только изо рта изрыгаешь, а еще кое из чего! Они у тебя липкие, через них можно сифилис подцепить. Они убивают тайными смыслами и ложью. Ложью! Ложью!

– Твоя ненависть ко мне понятна, Джинкс. Только имей в виду – нож проблемы не решит. Нож – не ответ.

– Значит, нож – вопрос. Острие правды.

Джинкс кромсала и резала, полоснула ножом по груди Эша, окровавила его пальцы, и он выронил подушку. И вдруг, неожиданно, перестал пятиться и бросился на Джинкс. Она успела ранить его в плечо, ткнула дважды, и только после этого Эш вырубил ее ударом в ухо и надавил коленом на запястье, заставив выпустить нож. И впился пальцами Джинкс в горло.

– Тварь! – рычал Эш. – Сама нарвалась! Тебе не жить! Да ты и не живешь! Тебя вообще не существует! Ты – кошмар из ада!

Боли не было, только пальцы Эша давили на горло, и голова кружилась от удушья. Свет померк, лицо, склоненное над Джинкс, расплылось. Чтобы не умереть, ей придется покинуть захваченное тело. Пускай умирает Салли. Пускай Эш ее задушит, а когда она сдохнет, Джинкс будет свободна, а Эш так истерзается, что покончит с собой.

Вдруг хватка на горле ослабла, и до слуха Джинкс донеслись слова:

– Боже, что я делаю? *Возвращайся во мрак!*

Ничего, думала Джинкс, покидая тело Салли. Это не победа Эша. Это отсрочка. Джинкс теперь достаточно сильна, чтобы в любую секунду взять реванш, причем на такое время, на какое пожелает.

Ибо только Джинкс ведомо, что скрывает мрак...

Глава 18

Я очнулась в больничной палате, распятая на койке, пристегнутая ремнями за лодыжки и запястья. Воняло мочой; от вони меня затошнило. В глаза бил свет электрической лампочки, что болталась под потолком в единственном числе и без плафона. Сквозь зарешеченные окна я видела: на улице идет снег.

Я попыталась крикнуть. В горле пересохло, и вместо зова получился хрип простуженной вороны. В замочной скважине повернулся ключ. Почти бесшумно, в туфлях, подбитых войлоком, вошла медсестра с подносом, со связкой ключей на поясе. Моя старая знакомая – Фентон.

– Тише, Джинкс. Видишь, я тебе поесть принесла. Только сразу предупреждаю: будешь плевать едой – через трубку накормлю. Вот прямо в глотку тебе трубку вставлю, и попробуй тогда плюнь.

Спокойно, сказала я себе; нужно выяснить, что произошло. Похоже, тут имеет место ошибочное опознание. Сестра Фентон явно меня с кем-то путает.

– Джинкс, ты все поняла? – спросила Фентон. В голосе слышалась угроза.

Я кивнула.

– Как шелковая буду, миссис Фентон.

У нее брови прямо взлетели.

– Ничего себе, какая перемена!

– Простите, что я причинила вам столько хлопот и неприятностей, миссис Фентон.

В полном замешательстве она уставилась на меня.

– Ну-ка, детка, как тебя зовут, а?

– Салли Портер.

Взгляд сестры Фентон сразу потеплел.

– Ну слава богу! Давно мы этого ждали. С возвращением, Салли Портер. Пойду позвоню доктору Эшу. Он велел известить его, как только вы придете в себя.

– Может, развяжете меня, сестра?

– Потерпите еще минутку. Я мигом сбегаю к телефону и вернусь. Обиходим вас как следует.

Она ушла и действительно скоро вернулась, но в компании языкатой Даффи, украшенной парой-тройкой пластырей.

– Эта дрянь притворяется, Фентон. Вот попомни мое слово, – бурчала Даффи.

– Не волнуйся, Даффи, это совсем другая женщина, – убеждала сестра Фентон.

– Все равно не верю в мультяшек. Доктор Джекилл и мистер Хайд – они из книжки, в жизни такого не бывает. Понапридумывали диагнозов. Вот пусть эта мерзавка только попробует снова руки распустить – так ее разукрашу, на всю жизнь шрамы останутся. А что? Ей можно, а мне нельзя? Слышишь, Фентон? Да погоди ты ее развязывать, хоть Эша дождись! Фентон!

Сестра Фентон расстегнула ремень, державший мою левую ногу, и Даффи отпрянула, вероятно, уверенная, что я сейчас ее лягну. Видя, что я лежу тихо, она прошипела:

– Ишь, бестия, наловчилась притворяться.

– Доктор Эш распорядился освободить ее, как только она назовется Салли. Давай, Даффи, помоги мне.

– Простите, сестра Даффи, что нанесла вам телесные повреждения. Я ничего не помню. Мне стыдно.

К тому времени, как Даффи расстегнула ремни на моих запястьях, явился Роджер. Увидев его, я заплакала.

– Успокойтесь, Салли. То есть поплачьте. Слезы снимут напряжение. Вы пережили истинный кошмар. Но вы снова с нами, и это главное.

– Что произошло, Роджер? Мы были вдвоем, а потом...

Роджер жестом велел Даффи выйти за дверь, а Фентон разрешил остаться.

– Сейчас сестра Фентон поможет вам принять душ и одеться, а потом проводит ко мне в кабинет. Там мы обо всем поговорим, Салли.

– Роджер, что со мной произошло?

Он всмотрелся мне в глаза.

– Мы с вами, Салли, совершили ошибку. Долгое время вы были как во сне. Я все объясню – потом, в кабинете. И покажу вам видеозапись. Вам пора увидеть все своими глазами.

Сестра Фентон помогла мне вымыться, причесаться и одеться. Оказывается, в больницу привезли мою одежду. Я выбрала синее платье – оно, я знала, нравится Роджеру. Потом пришлось впихнуть в себя завтрак, хотя в преддверии разговора с Роджером мне было не до еды.

– Голова кружится, – пожаловалась я. – И руки-ноги как ватные.

– Это побочники транквилизаторов, – объяснила сестра Фентон. – Насилу мы уняли Джинкс. Демерол ей был как слону дробина, а торазин

мультяшкам противопоказан – так доктор Эш сказал. Этой вашей, второй, вкололи что-то новенькое. Ее проняло, а отдуваться вам. Будете теперь весь день как сонная муха.

Мы вышли из палаты. В коридоре, возле каждой двери, стояло по паре башмаков. Точно призраки несут караул, подумала я и поежилась. Путь к кабинету Роджера лежал через холл, где после завтрака собрались не буйные пациенты. При моем появлении некоторые из них принялись ругаться; другие уставились в пол или на стены, избегая глядеть на меня. Что за чудовище использовало мое тело, каких бед натворило оно?

Сестра Фентон зашла за прозрачную перегородку, где пили кофе санитарки, и стала звонить доктору Эшу. Я готова была провалиться – так они на меня пялились, а одна даже не поленилась – вышла и спросила:

– Ты кто?

– Салли Портер.

– Врешь. Пускай другие верят тебе, если у них винтиков не хватает, а я не такая дура. Я с самого начала за тобой слежу.

Подроспела сестра Фентон, велела санитарке заниматься своим делом. Вместе мы пошли дальше.

Коридор казался бесконечным. Потом был спуск на лифте на нулевой этаж. Снова коридор, на сей раз подземный, с паутинами кабелей и трафаретными изображениями черепов на запертых дверях.

– Где это мы, сестра?

– В туннеле. Мы с вами, Салли, вышли из самого секретного отделения больницы. Все корпуса соединены подземными переходами, так что совсем не обязательно гонять пациентов по холоду.

– Вот как! А снаружи выглядит как комплекс отдельных зданий. В жизни не догадаешься, что под землей – целый лабиринт. Я, когда первый раз сюда попала, даже не думала, насколько сложно здесь все устроено.

– Еще бы! В первый-то раз вы на добровольной основе лежали. Вы были тихая, о спецотделении и речи не шло.

– А в этот раз? Я много неприятностей причинила, да, сестра?

– Да. Сколько работаю в психиатрии, никогда таких агрессивных не видела.

Туннель пошел в гору, и скоро мы оказались перед двустворчатой тяжелой дверью. Сестра Фентон отперла ее ключом из своей связки. В глаза ударил флуоресцентный свет знакомого приемного отделения.

Навстречу шагнула Мэгги, обняла меня.

– Салли! Рада вас видеть! Как вы себя чувствуете?

– Ничего. Вялая я какая-то.

– Ну, мне пора, – сказала сестра Фентон. – К какому времени прислать санитарку, чтобы проводила Салли обратно?

– Я сама провожу, – ответила Мэгги. – Спасибо, Фентон.

Сестра Фентон погладила меня по плечу.

– Всего хорошего, Салли.

Мэгги провела меня в кабинет. Роджер поднялся навстречу.

– Нас сегодня ждет большая работа. Садитесь, Салли. А вы, Мэгги, принесите, пожалуйста, видеокассету, которую мы на прошлой неделе записали.

Я вытаращила глаза.

– На прошлой неделе? То есть я здесь...

– Почти месяц, – dokonчил Роджер.

– Боже. Что ты хочешь мне показать? Я боюсь!

– Страх вполне объясним, Салли. Однако пора тебе увидеть, что происходит во время твоих провалов. Тебе-то кажется, что ты спишь. Но спит один твой разум. Тело бодрствует и действует. Остальных альтеров мы с тобой слили, имена их называть больше не будем. Ты о них забыла начисто, как и о процессе слияния. Это хорошо, по-моему.

– Зачем тогда мне смотреть эту кассету?

– Затем, что прежние слияния получались только после твоего контакта с тем или иным альтером.

– Что? Снова меняться? Ты именно это запланировал, да?

– Пойми, Салли, я очень надеялся, что это не понадобится. Я думал, после трех слияний ты достаточно сильна, чтобы противостоять оставшемуся альтеру. А вышло, что этот альтер набирал силу одновременно с тобой. Этот альтер – эта женщина – словно копирует каждый твой шаг в зазеркалье. Ее не получается запереть, ее нельзя забыть. Мы должны с ней разобраться, вызвать ее на свет, чтобы выветрилась ее растущая ненависть. Чтобы поостыла ее ярость.

– Я думала, Роджер, ты меня любишь.

– Так и есть, Салли.

– А мне вот не верится. По-моему, в тебе ученый, исследователь взял верх над человеком. Тебя любопытство разбирает – или научный интерес, как хочешь называй. Для тебя важнее диссертацию закончить, а что там пациентка чувствует, тебе и дела нет.

– Салли, другого способа излечиться не существует.

– Ты лукавишь. Душевное расстройство можно излечить любовью. Любовь способна преодолеть ненависть.

– Это Дерри в тебе говорит. Ох, прости. Нельзя было ее по имени

называть. Я имел в виду, что ты произнесла эти слова, руководствуясь эмоциями. Ты впала в сентиментальность, Салли. Задействуй интеллект – и сама все поймешь. И не рассказывай мне сказок на тему «Любовь побеждает все». Ты сама в них не веришь, а я и подавно.

Роджер был прав, хотя мог бы и помягче выразиться.

– Мне страшно, Роджер.

– Конечно, страшно. Каждый из нас боится ярости, глубоко скрытой в подсознании. Обыкновенно человек способен контролировать свою ярость и даже направлять ее в мирное русло. Давным-давно твой детский разум отделил ярость от остальных чувств, как отделяют желток от белка, снабдил эту ярость именем. Так, из ярости, ненависти и зла был создан твой первый альтер.

– Я думала, слово «зло» – не из лексикона психотерапевтов.

– В общем-то, так и есть. Не нам давать нравственные суждения. Но как иначе, если не злом, называть личность, рыщущую на темной стороне твоего разума?

– А если я потом тебя возненавижу?

– Значит, так тому и быть. Я учел подобную вероятность. Как ни горько, а я должен дать тебе шанс исцелиться. Это мой моральный долг.

– Ну и кто из нас сантименты разводит, а, Роджер?

– Скажу иначе. Как профессионал, я практически уверен: если не дать тебе этот шанс, твой последний альтер уничтожит тебя физически. Ну, теперь убедил?

– Убедил – в том, что, если я погибну, тебя совесть заест. А ты не хочешь, чтоб тебя совесть заела.

У Роджера лицо перекошилось, как от боли.

– Прости, Роджер. Я к тебе несправедлива.

– В твоих словах есть доля истины.

– Иначе говоря, гарантий – ноль, верно? Как в рулетке?

– Да.

Вошла Мэгги с кассетой. Роджер включил видеомэгнитофон. Поначалу я не могла заставить себя смотреть на экран. Я слышала голос – чужой, хриплый, изрыгающий проклятия и грязные ругательства. Я зажмурилась, заткнула уши. Но звуки мерзкого голоса все равно были слышны, и я решилась – подняла глаза и отняла ладони от ушей.

Лицо, неоднократно мне снившееся, однако никогда не виданное наяву, кривилось от ненависти, глаза сверкали, как у бешеного хищника. Женщина кричала:

– погоди, сукин сын! Вот только высвобожусь – я тебе моргалы

выцарапаю и таблетки вместо них вставлю! Ты с самого начала одного хотел – поиметь ее! Думал, меня изолируешь, уничтожишь! Не выйдет! Ты – труп! Я тебя грохну; улучу момент и грохну, кобель вонючий! А потом и Салли мало не покажется.

– Допустим, Джинкс. И что ты тогда станешь делать?

– Я стану свободной, как ветер.

– Ничего подобного. Ты тоже умрешь.

Раздался дикий, визгливый хохот.

– Нет, Эш, я не умру. Я верю в жизнь после смерти. Я – дитя дьявола, моя душа вселится в какое-нибудь другое тело. Сам видишь: я – плод разума и воображения. Я не обременена телом. Когда умрет тело Салли, я найду себе другое... А потом еще одно, и еще. Уж этого-то хлама на земле хватает. А путешествовать я люблю. И вообще, ведьмы живут вечно. Меня сожгли в Салеме^[34], но я возродилась в новом теле.

Я была убита, уничтожена. Это мои глаза горели безумной яростью, это мой рот изрыгал непристойные слова. И обвинение имело под собой почву. Я и впрямь, чтобы избежать боли, создала это чудовище, а потом сама же его и отвергла. Джинкс наказывали вместо меня, она являлась мишенью для лжи, лицемерия, садизма тех, с кем я вынуждена была жить бок о бок. Джинкс заговорила о своем одиночестве, о своих страданиях, и на глаза мне навернулись слезы. Знаю, глупо звучит, но мне хотелось обнять Джинкс и шепнуть ей на ухо: «Больше тебе не придется ненавидеть. Больше ты не будешь одинока». Ведь кому, как не мне, и пожалеть ее?

– Я не имею права отрешиваться от Джинкс, – произнесла я. – Я несу за нее ответственность. Приступай к слиянию, Роджер. Скорее, пока я не струсила.

Он выключил видеомэгнитофон и сказал:

– Я так и думал, что ты такое решение примешь, Салли.

Затем Роджер ввел меня в состояние гипноза и принялся вызывать Джинкс. Только она не шла на зов.

– Надо же, не хочет выходить, – покачал головой Роджер. – Попробуем выяснить, почему она упрямится.

И он вернул меня в то время, когда появилась на свет Джинкс. Я наконец-то вспомнила.

* * *

Мне было семь. Все случилось утром того дня, когда умер дедушка. Я

увидела себя в квартире бабушки Нетти, над бакалейной лавкой, в Бруклине. К бабушке меня отводила мать, когда у нее намечалась сверхурочная работа на швейной фабрике. И вот я сижу в кухне одна и слышу, как поднимается с постели бабушка Нетти, как тяжело она выходит из спальни, сует ноги в галоши, напяливает овчинную телогрейку. Значит, собралась разносить молоко по квартирам клиентов. Значит, мне придется сидеть в дедушкиной комнате. Сколько раз я просила бабушку не оставлять меня с дедушкой, потому что он все пытается сделать со мной что-то гадкое. Однако бабушка неумолима: дед прикован к постели, кто ж ему воды подаст в случае чего?

Бабка бьет меня по щеке, чтоб не возводила поклеп на уважаемого человека, который в воскресной школе проповеди читает. В следующий миг поворачивается ключ в замке, и вот я заперта с больным дедом, которому может понадобится лекарство, подкладное судно – и еще кое-что.

Я припадаю к замочной скважине, кричу, что мне страшно, но бабкины шаги постепенно удаляются, хлопает входная дверь. Хотя дальше умолять бесполезно, я все равно стучусь, скребусь, всхлипываю. Дверь дедовой спальни, конечно, не поддается. Никто не идет меня спасать. Дед лежит на трех взбитых подушках, смотрит желтыми глазами. Щеки у него морщинистые, рот ввалился, потому что дед не надел зубной протез. Он велит мне принести воды. Нет, кричу я, ни за что. Не подойду к кровати, не дам себя коснуться. Дед отпирается – чего это я себе навывдумывала, он и в мыслях не имел дурного. Я ж его славная внученька, он меня любит, да и как не любить такую красотулечку? Вот сейчас он мне одну игру покажет. Не без труда дед откидывает одеяло, а пижамные штаны у него уж спущены, и причиндал стоит торчком. Я зажмуриваюсь и прошу Боженьку: пусть дед умрет, сейчас же, немедленно, чтоб я больше его не видела, чтоб я его штуку не трогала, чтоб я не...

* * *

Следующее, что я помню – запах роз. Когда я открыла глаза, дед лежал в гробу, лицо из желтого стало белым-пребелым, как-то странно надулось. Я такие гладкие лица только у манекенов видела. Вокруг деда полно людей, они плачут. Я боюсь шевельнуться. Моя молитва исполнилась, чудо произошло, но как, я в толк взять не могу. Оказывается, чтобы человек умер, достаточно об этом помолиться?

Кругом говорят, каким хорошим человеком был мой дед. Как его будет не хватать воскресной школе. И какая молодчина малышка Салли – полдня просидела в спальне с покойником. Суровое испытание для ребенка, тем более что уход в мир иной, судя по всему, был тяжелым, с судорогами и длительной агонией. Я ничего об этом не помню.

Это был мой первый провал.

Роджер вывел меня из состояния гипноза, и я сказала:

– Джинкс родилась, когда мой дед хотел растлить меня.

Новая попытка вызвать Джинкс не увенчалась успехом. Роджер объявил, что Джинкс вернется в день смерти деда и вспомнит все, что происходило тогда в спальне.

* * *

Джинкс открыла глаза. На сей раз я тоже как бы присутствовала в комнате – незримая, наблюдала за Джинкс. Она не знала, сколько времени провела наедине с дедом. Она пыталась открыть дверь; когда поняла, что это бесполезно, просто вжалась в стену, чтобы быть на максимальном расстоянии от дедовой кровати.

– Поди к дедуле, Салли, – манил дед. – Будь хорошей девочкой. Делай, как дедуля просит. Это же не больно.

Джинкс огляделась в поисках чего угодно – предлога для отказа, орудия для защиты. Затем шагнула к кровати, притворившись, что готова повиноваться, сделать, как хочет дед. Но, едва он потянулся к ней, Джинкс отскочила. Деду после нескольких попыток удалось-таки схватить ее за косичку. Он всталил Джинкс на кровать и сдернул с нее трусишки.

– Дедушку надо слушаться, Салли. Дедушка старенький, дедушке недолго жить осталось. Сейчас дедушка тебе кое-что покажет...

Джинкс визжала и извивалась, но некому было услышать ее, некому выручить. И тогда она сунула ручонки деду под мышки и принялась щекотать. Дед сразу откинулся на подушки, задергался, захихикал истерически. Джинкс повторила опыт. Маленькие пальчики заскользили по тощим бокам, и старик выпустил ее косичку.

– Это я тебе сейчас покажу! Я тебе покажу! – взвизгнула Джинкс.

– Перестань! – молил старик, давясь вымученным смехом. Он стал кататься по постели, спасаясь от вездесущих пальчиков; закашлялся. Джинкс сообразила: пока она щекочет деда, он ничего дурного ей не сделает. Дед теперь дышал тяжело, с бульканьем. В следующую секунду

его вырвало. Джинкс отшатнулась – очень уж мерзкий был запах. Дед лежал, распростертый на кровати, с выпученными глазами, с застывшим в диком оскале беззубым ртом. С подбородка капала блевотина.

Джинкс натянула трусики, села под дверью, прямо на пол, и принялась ждать.

Бабка, вернувшись, заохала:

– Бедная деточка, такого насмотрелась!

– Он со мной плохое делал, – сказала Джинкс. – Я рада, что он теперь мертвый.

Бабка принялась хлестать ее по щекам. Хлестала и кричала:

– Чтоб я больше этих слов поганных от тебя не слышала! Злюка! Маленькая дрянь! Только попробуй, Расскажи кому-нибудь – мигом в ад попадешь, гореть будешь заживо до скончания времен, дьяволово ты семя!

Джинкс вырвалась, выскочила из дому, не чувствуя холода, побежала. Скорее, скорее! Подальше от вони, от бабкиных оплеух, от дедовых выпученных глаз...

Я слышала голос Роджера, призывающий Джинкс вернуться в настоящее. Только Джинкс не повиновалась. Она хотела бежать, бежать, чтобы больше никогда не встречаться ни с Роджером, ни со мной. Она не желала ни возвращаться во мрак, ни оставлять меня в покое. По ее мнению, я не заслуживала покоя, не заслуживала свободы. А сама Джинкс не заслуживала вечного заточения. Но Роджер имел власть вернуть Джинкс. Я почувствовала, как он загоняет Джинкс обратно, а Джинкс слышала:

– Ты запомнишь ровно столько, сколько сочтешь нужным. Все, или часть, или ничего...

Я открыла глаза. Слезы катились по моим щекам.

– Роджер, Роджер! Я не хотела убивать деда! Сколько раз я жаловалась на него матери и бабке, а они меня не слушали! Никто мне не помог. Всем было плевать, что он меня растлевает. Когда я об этом заикалась, меня называла лгуньей и грязнухой. Мне так стыдно...

– Не надо винить себя в смерти деда.

– Я создала Джинкс из ужаса и гнева. Я должна принять ее обратно. Проведи слияние, Роджер, прошу тебя. Я виновата перед Джинкс. Нельзя было всю жизнь прятаться за ее спиной, взваливать на нее всю мою боль, и ненависть, и тоску, не давать ей радости ни на йоту.

Роджер велел мне сцепить пальцы рук.

– Джинкс, ты была рождена в муках и гнев. Теперь Салли хочет с тобой воссоединиться.

– Черта с два! – взвизгнула Джинкс. – Я – сама по себе. Я буду одна до

скончания времен.

Мои ногти впились в мягкую плоть ладоней. Я открыла глаза. Ладони кровоточили.

Роджер замялся, словно не зная, как продолжать.

– Остальные сливались более-менее охотно, – наконец произнес он. – Я мог бы и догадаться, что Джинкс воспротивится. Едва ли следовало рассчитывать, что она так легко сдаст позиции, откажется от своей индивидуальности. Чтобы все получилось, Джинкс должна сама пожелать слияния.

– Значит, все было бесполезно, – всхлипнула я. – Три слияния, борьба, сомнения, мучения. Лучше умереть, чем цепляться за такое существование, как у меня! Никогда не знаешь, кем очнешься!

– Нельзя сдаваться, Салли! – прикрикнул Роджер. – Наверняка есть способ уломать Джинкс. Попробуем забраться поглубже в прошлое, туда, где еще не было таких барьеров.

Из моего горла вырвался визгливый смех – не мой, конечно. Это смеялась Джинкс.

– Ты имеешь в виду доисторические времена, когда становление человеческого сознания только начиналось? – спросила я.

Не успев договорить, я услышала голос внутреннего я-помощника:

– *Тут и ответ, и ключ к разгадке. Начинай с начала.*

Эти слова я озвучила Роджеру.

– Хорошо, – произнес Роджер. – Если внутренний помощник так сказал, последуем его совету.

Меня мучил страх, но я не посмела возразить.

Роджер взял золотую ручку.

– Твой разум – машина времени, ты отправляешься в прошлое. Я буду считать от семи до нуля. На слове «нуль» время потечет вспять. Ты очутишься в самом начале и расскажешь, что видишь, что слышишь, что происходит.

Под звуки его голоса мой разум обратился в себя.

Точнее, в разум Джинкс – полный ненависти, размышлений, воспоминаний.

* * *

Это случилось в незапамятные времена, думала Джинкс. Когда не нужно было защищаться. Когда был единый Вселенский Разум, и никто

слыхом не слыхивал про расщепление личностей, да и про сами личности. Прежде самосознания, прежде речи. В эпоху взаимопроникновения умов и открытости мыслей каждого каждому и всем сразу. Прежде страха и боли. Прежде ярости. Душами, подобными сухой листве, управлял, не используя и даже не ведая слов, Вселенский Разум, подобный ветру. Не было ни тайн, ни подозрений, ни зависти, ни ненависти... Каждая из душ была открыта. Никаких закоулков подсознания, никаких ночных кошмаров. Над землею кружил Вселенский Разум.

А потом произошло нечто непредвиденное. Зимы стали длиннее и холоднее. Человечество, просуществовавшее десятки тысяч лет, не помнило такого холода. Пищи не хватало. О пище молили Вселенский Разум, но негде было достать ее.

И тогда Вселенский Разум решил: некоторых Он накормит, других же отсечет, как лишние ветви. Разум сократил Сам Себя, и отныне хватало Его на несколько десятков тысяч тел, прочих же Он обделил С собой.

И первое своеволие не замедлило проявиться. Одна из самок – только одна! – выделила себе уголок, где стала держать свое самосознание, которое отщипнула от общей на всех порции Вселенского Разума. Остальные чуяли неладное, но не представляли, ни что конкретно искать, ни кого именно подозревать. На краю коллективного сознания чуть саднило, словно от свежего шрама. Той самкой была я.

Ибо я была рождена иной. Когда меня отнимали от груди, я требовала еще пищи. Повзрослев, я остро ощущала бег времени. Мне было невдомек, что прочие не ведают гнева, когда голодны. Они, эти прочие, ведали только сам голод, я же ярилась на спазмы в пустом животе. Разум чувствовал мою ярость, общество задабривало меня дополнительными порциями пищи. После первого спаривания у меня была странная дрожь, напугавшая Разум. Ведь никогда прежде ни одно из подвластных Ему тел не проявляло подобной чувственности.

Моя дочь приводила меня в трепет, когда брала мои соски маленьким жадным ртом. Если же другие женщины пытались подсунуть мне своих детей для кормления, я отталкивала их. Разум наказывал меня всю мою жизнь. «Ты неотделима от прочих, – внушал Разум. – Ты – часть целого. Не смей строить свой собственный мир».

Настал день, когда я обнаружила крохотную дырочку в уголке сознания. Очень скоро я превратила ее в обширную дыру, ведь сознание изрядно поизносилось за многие тысячелетия. На меня из дыры глянула тьма, и я отшатнулась в ужасе, поспешила прочь от дыры, пока Разум не обнаружил ее. Однако тьма тянула неодолимо, и я касалась ее все чаще, как

язык касается дырки на месте выпавшего зуба. Выяснилось, что можно прятать в дыру свои особенные мысли, делать их недостижимыми для остальных, ютящихся на виду друг у друга под пологом Вселенского Разума. Так у меня появился тайник.

Мои собственные мысли и чувства стали заполнять этот тайник, лежали там, словно припасы в погребе. Из коллективного сознания брала я то, что было мне нужно, и присваивала себе. Когда моя дочь начинала хныкать от голода, я кормила ее скрытно от всех. Я не давала себе думать об этом, и Вселенский Разум не мог меня вычислить. Я кормила и самца, от которого понесла дитя. Нас троих объединяла теперь тайна. Мы выделились среди остальных и стали особенными друг для друга.

С каждым годом делалось яснее – моя подрастающая дочь предпочитает меня всем прочим членам племени. Вселенский Разум обеспокоился, принялся шарить тут и там. Носился, как вихрь, но не обнаружил моего тайника. Я, моя дочь и мой самец всегда были сыты. Нам хватало пищи для наших тел, в то время как прочие голодали. И я научила дочь, как устроить тайник, как сохранять в нем про запас знания, воспоминания и чувства. Мой самец был силен и сметлив, он добывал мясо и прятал в лесу, и там же прятал знания. Мы с ним учили наше дитя всему, что умели сами.

Разум терзался подозрениями. Он напрягал все силы, чтобы выследить нас, и однажды выследил. Нас начали травить. Это было ужасно, и я решила: мы не станем терпеть. Мы не сделали ничего дурного. Разум не имеет права мучить нас. Мы убежим от Разума, скроемся в надежном месте и заживем сами по себе.

И мы скользнули в тайную дыру нашего сознания и закрылись от боли и страданий, которые призвал на нас Разум. Однако Он преследовал нас еще долго и загнал в дальнюю даль, и бурные воды обрушились, и запечатали наш тайный лаз, навсегда закрыв обратную дорогу в коллективное сознание, отлучив нас от Вселенского Разума. Полюса нашего сознания поменялись местами. Отныне наши тайники стали нашим сознанием, а Вселенский Разум – достояние всех – превратился в наше подсознание.

Так я стала праматерью новой расы. Каждый мой потомок имел свое собственное сознание и являлся индивидуальностью. Или же отщепенцем – безнадежно отколовшимся от коллективного сознания, ведущим тайную жизнь. Мои потомки возвращались туда разве только во снах, в бреду, во время мистических откровений, дабы дать пищу сознанию.

Они множились и, будучи чувственными, обрели физическую силу. У

них развились тайные амбиции, алчность, похоть. Поколения сменяли поколения, был познан секрет огня, изобретены колесо, нож, ружье. Мои потомки распространились по всей Земле и стали править ею, в то время как Вселенский Разум, который мы, изгои, не интересовали, продолжал терять позиции. Новая Раса познала ненависть и начала развязывать войны. Каждый из моих потомков стал называть свою память о Вселенском Разуме «Душой» или «Духом», и тосковать по былому, и жаждать возвращения в лоно Вселенского Разума. Но было поздно. Давно прошла эпоха единения, давно на Земле было множество языков и множество разумов. Давно воцарился Вавилон.

Вот так род людской создал множественные личности и живет с тех пор в страданиях...

* * *

Я содрогалась, слушая излияния Джинкс. Конечно, Джинкс безумна. Конечно, она сама, по своей воле, отцепилась от рода людского, я же отторгла ее, чтобы остаться чистенькой, чтобы не помнить зла. Я не желала принять темную, искореженную яростью сторону моей души. Я во всем виновата. Но по версии Джинкс выходит, что человечество изначально было запрограммировано на такой путь...

Существо более совершенное, чем Джинкс, я понимала: нужно открыть доступ к ее тайникам, принять ее в себя такой, какая она есть, вместе со злобой, яростью и ненавистью, порожденными Джинкс в муках и из-за мук. Я трепетала при мысли, что, пока не попрошу у Джинкс прощения, пока не дам ей увериться в моей любви, не стану полноценным человеком.

Роджер коснулся моей руки.

– Салли, тебе придется самой просить Джинкс. На мои убеждения она вряд ли отреагирует.

И я открыла сознание и сказала:

– Джинкс, прости меня.

Ответа не было.

– Джинкс, я знаю теперь, какие страдания ты перенесла, почему была отделена от меня. Ты – гнев, который я никогда не решалась явить. Я хочу, чтобы ты вернулась ко мне. Хочу быть полноценным человеком, а без слияния с тобой это не получится. Джинкс, если мы не сольемся, мы умрем. Мы будем уничтожены, ибо дальше нет возможности существовать

по отдельности.

– Мне и так хорошо, – буркнула Джинкс.

– В том-то и дело, что *так* дальше продолжаться не может. Я уже слишком сильна, и ты слишком сильна. Мы просто порвем друг друга на куски. Нельзя нам жить поодиночке, Джинкс. Мы с тобой застряли в сказке. Мы все ждем почтальона с сонными глазами, который посадит нас в почтовую сумку и унесет в волшебный дворец. А нам нужно объединить силы и жить здесь и сейчас. Кроме того, так хочет и внутренний я-помощник.

Джинкс вздохнула, и вздох был исполнен невыразимой тоски.

– Я умоляю тебя о прощении, Джинкс. Прости меня за все страдания, которые я тебе причинила. Я все свалила на твою голову, а когда ты корчилась от боли, я тебя же называла воплощением зла. За это тоже я прошу тебя простить. Вернись ко мне. Я хочу быть с тобой, Джинкс. Ты мне нужна. Я люблю тебя за твои страдания. Клянусь, я больше тебя не отвергну. Никогда. Ни за что.

Джинкс снова вздохнула и наконец-то заговорила.

– Ладно, – сказала она. – Я тут замерзла. Мне страшно. Я больше не хочу быть одна.

– Так ты согласна, Джинкс? – уточнил Роджер.

– Я согласна.

– Тогда *выходи на свет*.

И Джинкс вышла на свет из темной пещеры и встала рядом со мной. Я взяла ее трепещущую руку.

– Когда я досчитаю до шести, – заговорил Роджер, – Джинкс перестанет противиться слиянию. Вы обе отправитесь в новое путешествие, только в настоящем. До скольких я должен досчитать, Джинкс?

– До шести, – выдохнула Джинкс.

– Твое заточение кончилось, – произнес Роджер. – Твое сознание подобно потоку, что мчится с гор твоего озлобления и отчаяния, чтобы слиться с другими ручьями и речками...

И Джинкс увидела себя этим потоком. Он рождался среди снегов и льдов, на горной вершине, и с каждым ярдом продвижения в долину становился полнее и увереннее. Поток не смущался преградами – он затоплял и сухостой, и расселины, и лощины.

– Поток озлобления и отчаяния сливается с бурной рекой. Широкий, мощный, как Миссисипи, мчится он по континенту, который есть – разум Салли...

Ярость – бурная, бешеная – несла и крутила щепки воспоминаний, ежесекундно грозя разлиться, выйти из берегов, затопить прерии моего разума; ярость стремилась к югу, жаждая слияния с обширным заливом.

– Отныне и навсегда вы – единое целое, – возгласил Роджер. – Ярость, ненависть и страдания Джинкс поглощены любовью Салли. Больше не будет отдельной Джинкс, ибо Салли раскрылась, чтобы принять ее. Теперь есть только пятая Салли, которая, если того потребуют обстоятельства, будет сама выражать свои собственные эмоции – враждебность и агрессию. Когда я досчитаю до пяти, Салли очнется. Ей больше не потребуется отдельное сознание. До самой смерти Джинкс и Салли будут единой личностью. О сегодняшнем сеансе Салли запомнит...

Я с трепетом ждала, когда Роджер начнет отсчет.

– Один...

Послышался плач.

– Два...

Плакал внутренний я-помощник.

– Три...

Мне привиделось искаженное страданием лицо – открытый рот, горящие глаза.

– Четыре...

Внутренний я-помощник впитывал ярость Джинкс, чтобы спасти меня. И это был Оскар.

– Пять...

Я пыталась помешать слиянию, но было поздно.

Оскар и Джинкс исчезли, а я поняла: мой первый помощник отдал жизнь, чтобы слияние состоялось. Мой отец был мертв.

Я проклинала Роджера. Я визжала и осыпала его ругательствами, замолкая лишь для того, чтобы набрать в легкие новую порцию воздуха. Мои пальцы накрепко вцепились в столешницу, иначе я бы расцарапала Роджеру лицо.

– Так я и знал, Салли, что ты меня возненавидишь, – философски заметил Роджер.

– Ненависть – неподходящее слово! Слишком мягкое! Ты мне омерзителен! Ты меня отверг. Ты убил Оскара.

Я потеряла контроль над собой. Меня трясло. По щекам покатились слезы, я рыдала, пока не обессилела.

– Я тебя люблю и ненавижу. Не понимаю, как это может быть.

– Все потому, что к тебе, Салли, вернулись все твои эмоции.

– Я не хочу тебя ненавидеть.

– Со временем, Салли, ты научишься выражать свои эмоции и направлять их в нужное русло. От твоего бездумного благодушия не останется и следа. Отныне ты будешь гневаться исключительно по веским поводам и изливать гнев исключительно на тех, кто его вызвал, а не на кого придется.

– Все не так просто. Я теперь способна вершить зло. Я могу солгать, смошенничать, украсть. И даже убить.

– На это способны все человеческие существа. Но помни: это лишь пятая часть Салли. Остальные четыре обладают разумом и сознанием. Они не допустят злодейства.

– Что меня ждет, Роджер?

– Чистый лист. Тебе предстоит познать себя во всей сложности и противоречивости. Воссоединиться с людским родом. Ты перестанешь искать Оскара. Ты построишь свою жизнь заново.

– Господи, я думала, все будет по-другому. Я ожидала некоего блаженного состояния. Мне казалось, остаток дней я проведу, наслаждаясь всем и вся; я рассчитывала нежиться в лучах любви и насыщать разум новыми впечатлениями. А сейчас почти все прежние ценности предстали мне ничтожными и убогими.

– Это было вполне предсказуемо. Ведь отныне ты видишь мир под другим углом.

– До сих пор я твердо знала, где добро, а где зло; что хорошо, а что – дурно. Мир – большая помойка, так ведь? Люди предают, грабят, убивают друг друга – как на личном, так и на межнациональном уровне. Раньше мне казалось, все решается просто. Единение. Слияние. Плавильный котел^[35]. Я мечтала о согласии с собой и единении с миром. Но больше этой уверенности насчет эффективности плавильного котла нет. Откуда-то взялись оттенки, полутона, исключения. Я словно родилась заново в мире, расколотом на фрагменты. Вопрос меняется, едва я начинаю льстить себя надеждой, что нашла ответ.

– Поверь, Салли, очень многие чувствуют то же самое. Другие люди тоже ищут истину. Их принято называть хорошими.

– Однако есть и те, у кого природа двойственная. В ком сплелись добро и зло, – добавила я.

Роджер кивнул.

– Ты теперь достаточно сильна для того, чтобы взглянуть самой себе в глаза. По-моему, Тодд тебя уже заждался.

Я покачала головой.

– Тодд – не вариант. Его интересовала только моя светлая сторона; да,

пожалуй, еще он заводился от непредсказуемости прежней Салли. Думаю, нервы Тодда щекотала вероятность, что я могу в любой момент взорваться. Но ставил Тодд исключительно на добро. А это слишком просто. Хорошего человека всякий может любить. Такая любовь не требует душевных усилий. Очень сентиментальщиной отдает. И ханжеством.

– А как насчет Элиота?

– В Элиоте бизнесмен победил человека. Он хотел любить пять женщин по эмоциональной стоимости одной. Нет, ни Тодд, ни Элиот мне не нужны. Они в прошлом. Придется искать другую работу.

– Вроде нет ничего плохого в...

– Ты, Роджер, принял меня всю. Все хорошее во мне и все дурное. Благодаря тебе я стала цельной. Другой мужчина мне не нужен, так и знай. Он покачал головой.

– Мы говорили о переносе, Салли.

– К черту абстрактные теории. Перенос – форма любви. Которая вполне меня устроит, равно как и другие формы.

– Вот что я тебе скажу, Салли. Давай расстанемся на время – допустим, на год. Посмотрим, как ты будешь себя чувствовать. Когда развеется эффект переноса, когда ты убедишься, что не создала и не намерена создавать новых личностей, когда – и если – ты поймешь, что все еще хочешь быть со мной, мы попробуем снова.

Я чуть не задохнулась – никак не ожидала, что Роджер откажется от меня теперь, после успешного слияния.

– Нет, так не пойдет. Я не готова к самостоятельности. Кому я буду рассказывать о своих ощущениях, о воспоминаниях, которые станут моими, заполнят мой разум? С кем стану делиться планами на будущее...

Роджер протянул мне свою золотую «гипнотическую» ручку.

– Вот, записывай. Для себя. Систематизируй свои воспоминания. Знаешь, пока ты лежала в больнице, у меня появилась новая мульташка. Девочка шести лет. У нее семь альтеров, из которых двое имеют суицидальные наклонности, один – воплощенная жестокость, а еще один – вундеркинд, играющий на фортепьяно и сочиняющий симфонии. Сама видишь – мне есть кем заняться.

– Боже. Подумать только, какие масштабы приобретает это расстройство.

– Девочка нуждается в помощи. Работая над твоим случаем, я многому научился. Надеюсь, лечение будет успешным. Кстати, первый сеанс – через полчаса. Мне пора. Но я не прощаюсь, Салли. Завтра утром, перед выпиской, я загляну к тебе в палату.

– Нет, не надо, Роджер. Лучше я уйду без проводов.

Он поцеловал меня в щеку и вышел. Я еще некоторое время сидела в кабинете, пока за мной не явилась Мэгги.

* * *

На следующее утро шел снег. Сестра Фентон помогла мне упаковать вещи и тоже порывалась проводить. Я ушла одна. В лифте без колебаний нажала кнопку первого этажа. Внизу, в холле, взглянула на часы. 10.32. В определенном смысле все крутится вокруг времени. Прошное – помнишь. Настоящее – чувствуешь. Будущего – ждешь. Все фрагменты, все осколки – минуты, секунды, доли секунд – должны быть учтены, чтобы при необходимости можно было их соединить, как элементы мозаики, и получить историю своего бытия, хронологию себя. Увидев приближающийся автобус, я вновь зафиксировала время на наручных часах. 10.37. Неужели я теперь смогу проехать через весь город и добраться до дома, не потеряв ни секунды?

Падал снег. Уборщики уже взялись за дело. Я припустила бегом по расчищенной дорожке, среди сугробов. Прыгнув на ступеньку автобуса, почувствовала удар в спину – мальчишка запустил в меня снежком. Я рассердилась, сжала кулак, погрозила озорнику. Приготовилась к боли в основании затылка, но боль не пришла. Автобус довез меня до перекрестка. 10.59. Двадцать две минуты я ехала по городу – и не потеряла ни единого мгновения.

Лишь переступив порог квартиры, я осознала в полной мере: отныне каждый миг моей жизни будет принадлежать только мне. Пожалуй, именно это называют счастьем полноценные личности.

Я решила пробежаться трусцой. Да, прямо во время снегопада. В витрине маячил Мерфи.

– Эй, Мерфи! У меня получилось. Я – цельная личность.

Так я сказала и побежала сквозь снег.

Полицейской дубинки при Мерфи не было. Теперь, вместо неприличного жеста, он вытягивал правую руку ладонью вверх. Словно махал всему миру.

И я помахала в ответ.

---

notes

Примечания

Винноцветное море – эпитет Н.И. Гнедича, переводчика «Иллиады». В оригинале использовано слово «οἶνops», что буквально значит «подобное вину». Здесь и далее *примеч. пер.*

Популярная марка готового десерта, бисквитные закрытые трубочки с ванильным кремом.

Американский фильм-драма 1951 года, снятый Джоном Хьюстоном по одноименному роману Сесила Скотта Форестера. В истории кинематографа считается классическим.

Джуди Гарленд исполнила роль девочки Дороти в музыкальном фильме «Волшебник Страны Оз» (1939).

5

Соответствует российскому сорок четвертому размеру одежды.

6

Сто фунтов соответствует 45,36 кг.

Mae West (1893–1980) – актриса, драматург, сценарист, одна из самых скандальных звезд Голливуда своего времени.

Речь идет о так называемых вне-вне-бродвейских сценических площадках. Профессиональный театральный термин (*англ.* «off-off-Broadway») означает «сценические площадки в Нью-Йорке вместимостью менее 100 зрителей».

Предлагаемая 27-я поправка к Конституции США, предусматривающая полный отказ от признаков пола как основы для принятия решений штатами.

Аллюзия на поэму Т.С. Элиота «Полые люди» (*англ.* «Hollow People»).

Цитата из пьесы У. Шекспира «Ромео и Джульетта», перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Документальная книга Корбета Тигпена и Херви Клекли, где рассказана история их пациентки, обладавшей тремя разными личностями, которую они называли Ева Белая, Ева Черная и Джейн. В 1957 году была экранизирована режиссером Наннэлли Джонсоном.

Книга Флоры Риты Шрайбер, подлинная история женщины, в сознании которой существовали 16 различных личностей.

Национальный праздник в США, отмечается в последний понедельник мая. Посвящен всем военным, погибшим во всех вооруженных конфликтах.

Игра слов. Читается как «Бетти побеждает», а на слух можно понять как фразу: «Ставлю на то, что он победит».

В западноевропейском фольклоре – персонаж, который сыплет песок в глаза заигравшимся детям, чтобы они заснули. Может навевать как сладкие сны, так и кошмары.

Методика американского психолога Карла Роджерса, имеющая цель создать во время сеансов наиболее доверительную атмосферу, чем пробудить в пациенте скрытые силы, которые помогут ему самому справиться с трудностями.

Метод групповой психотерапии, ролевая игра, в ходе которой создаются условия для спонтанного выражения чувств, связанных с наиболее важными для пациента проблемами. Автор метода – американский ученый румынского происхождения Якоб Леви Морено.

The Transparent Self, книга канадского психолога о самораскрытии, в свое время наделавшая шуму и даже породившая моду на группы самораскрытия.

Маурер, Орвал Хобард (1907–1982) – американский психолог.

Так называются школы для трудновоспитуемых подростков.

Что и требовалось доказать (*лат.*).

Мыслию – следовательно, существую (*лат.*).

Дороти Паркер (урожденная Ротшильд, 1893–1967) – американская писательница и поэтесса, известная язвительностью и едким юмором. Имеется в виду стихотворение Д. Паркер «Resume», в котором лирическая героиня рассуждает, как бы ловчее свести счета с жизнью, и в итоге отказывается от этой затеи по эстетическим соображениям.

У. Шекспир, «Гамлет, принц Датский», пер. М. Лозинского.

Блюдо французской кухни, суп из нескольких видов морских рыб.

Нола перефразирует цитату из «Отелло» У. Шекспира. Оригинальная цитата: «Кто тащит деньги – похищает тлен. / Что деньги? Были деньги, сплыли деньги. / Они прошли чрез много тысяч рук./ Иное – незапятнанное имя», пер. Б. Пастернака.

Имеется в виду книга Генри Дэвида Торо «Уолден, или Жизнь в лесу». В 1845 г. Торо, проникнувшись идеями трансцендентализма и стремясь доказать, что счастливо жить возможно и вне общества, на два года поселился в лесу на берегу живописного водоема, кормился рыбалкой, охотой и овощами с собственного огорода.

Герой романа «Трильби» Джорджа дю Морье, сильный человек, подчиняющийся своей воле другого.

Последние строчки известного стихотворения Роберта Фроста,
перевод Т. Гутиной.

Имеется в виду фильм «Песнь дороги» (1955 г.), оригинальное название – «Pather Panchali», режиссер Сатъяджит Рай.

Коктейль, готовится из водки, ликера «Гальяно», апельсинового сока и льда.

Фамилия Эш (*англ.* Ash) означает «пепел, прах».

Город в штате Массачусетс, основанном пуританами и печально известном судебными процессами в конце XVII в. над женщинами, обвиненными в колдовстве.

Плавильный котел (англ. Melting pot) – метафора для объяснения формирования многонациональных обществ, в которых «сплавляются» различные национальные культуры. Впервые использована И. Зангуиллом в одноименной пьесе по отношению к американскому обществу. Предполагает полное стирание национальных различий.